

ГЛАВА I

Каждый социальный конфликт подразумевает присутствие трех противоборствующих сил: Истаблишмента, Оппозиции, которая стремится опрокинуть существующий Порядок, чтобы заменить его своим собственным Порядком, и все более возрастающим стремлением к социальной энтропии, которую порождает любой социальный конфликт, - тенденция, которая в данном контексте может быть обозначена как сила Хаоса.

Грегор Марковиц.

"Теория социальной энтропии".

Легко соскочив с главной дорожки движущейся ленты, Борис Джонсон оказался на неподвижном тротуаре. Застывшая масса нового здания Министерства Опекки возвышалась над ним, отделенная от тротуара широким газоном, который тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда.

Публика (если так только можно было назвать это стадо) уже собралась перед небольшой эстрадой, оборудованной у подножия парадной лестницы Министерства. По подсчетам Джонсона здесь должно было присутствовать от трех до четырех тысяч Опекаемых: мужчин и женщин с невозмутимым и равнодушным видом, которые, очевидно, были специально собраны Охраной.

Безмолвные, неподвижные, они терпеливо ждали. Джонсон отметил, что Опекаемые были сгруппированы на полукруглой площадке довольно скромных размеров, прилегающей к подножию парадной лестницы Министерства.

Вокруг них цепь стражников угрожающего вида бросала яростные взгляды во все стороны. Стражники были похожи на выбритых обезьян, которых нарядили в смокинги. Очевидно, они не испытывали никаких положительных эмоций к парадной униформе, которую были вынуждены надеть сегодня в связи с этим событием.

До сих пор все шло как надо.

Продвигаясь вперед с деланной беспечностью, которая контрастировала с внутренним напряжением, искажившим его грубые, но не лишённые привлекательности черты лица, Джонсон смешался с толпой.

Проходя, он коротко кивнул одному из Стражников - колоссу, выражение лица которого носило отпечаток жестокости и подозрительности ко всему на свете. Джонсон знал, что этот его кивок был более или менее ожидаемый в том смысле, что он носил сейчас серую униформу Службы Обеспечения. Физиономию Стражника на какой-то миг исказила тонкая змеиная улыбочка, на которую Джонсон ответил гримасой такой же искренности. Работая локтями, чтобы пробраться поближе к эстраде, он вдруг понял, почему Опекаемые были собраны на таком ограниченном пространстве: группа телевидения установила свои камеры на тротуаре, проходившем на высоте метров пятнадцати над уровнем поверхности. Оно должно было запечатлеть церемонию сверху, на фоне толпы, создавая иллюзию всенародного воодушевления.

Оставаясь внешне все таким же безразличным, Джонсон внутренне усмехнулся: все это было вполне в стиле Гегемонии - спектакль, предназначенный специально для телекамер, которые передадут речь и изображение Кустова всем куполам Марса, чтобы потом рассеять их посредством волн по всей

территории Гегемонии. Все напоказ: парадная униформа голубого цвета, с чернью и золотом, которую Стражники натянули по этому случаю, иллюзия толпы, обнаженные стены Министерства, лишенные окон, создающие естественный фон трибуны и огромное знамя Гегемонии - девять золотых концентрических колец на голубом поле - развевающееся на ветру.

Развевающееся на ветру?

Джонсон едва не рассмеялся. Откуда взяться ветру под экологическим марсианским куполом? Ведь каждая молекула воздуха создавалась искусственно и с помощью компьютера посылалась туда, где она была больше всего необходима в данный момент. Они не придумали ничего лучшего, как установить вентилятор у своей дерюжки.

Но надо было отдать им должное, они понимали, как нужно составить такую церемонию.

Все это вполне соответствовало обычаю - в том числе высокопарная инаугурационная речь по случаю открытия нового Министерства Опек, произнесенная самим Главным Координатором.

Но они еще не знают, сказал себе Джонсон, сунув руку в карман и привычно ощутив ладонью рукоятку пистолазера, что Демократическая Лига решила внести некоторые дополнения в сценарий.

Это будет спектакль так спектакль, даже если он и будет развиваться не совсем так, как задумал Верховный Совет Гегемонии: все Опекаемые Марса (к сожалению, передача на другие планеты пойдет в записи) займут лучшие места, чтобы лично присутствовать на казни Владимира Кустова, Главного Координатора Гегемонии.

После этого Демократическую Лигу придется принять всерьез. Кустов умрет, и слишком много свидетелей увидят это, чтобы Гегемония смогла спустить событие на тормозах в своей обычной манере, то есть просто-напросто все отрицать.

Кончиками пальцев Джонсон потрогал содержимое другого кармана: небольшой предмет овоидной формы, находившийся там, был бомбой-анонсом с записанными заранее сообщениями о том, что Лига берет на себя ответственность за убийство Кустова. Как только тиран будет уничтожен, бомба будет запущена над толпой и, уносимая ввысь своим крошечным двигателем, объявит присутствующим и телезрителям, что Демократическая Лига существует и действует.

Но, чтобы удался такой акт, способный потрясти общество, нужны были не только детально разработанные планы, нужна была также удача.

Случаю было угодно, чтобы Совет Гегемонии решил транслировать церемонию инаугурации по телевидению.

Другой удачей, еще более необыкновенной, было неожиданное присоединение Аркадия Солковного к Лиге.

Джонсон вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть Стражников, расставленных внизу. Это были совершенные дикари, на лицах которых застыло выражение мрачной подозрительности. Они держали наготове автолазеры, в то время как глаза их беспрестанно обшаривали толпу и одновременно зорко следили друг за другом - с еще большим подозрением, что было следствием со знанием дела спровоцированных и постоянно параноидальных галлюцинаций.

Ведь в Стражники принимали после строгого отбора, потом подвергали зондированию с помощью гипноза, которое не оставляло в тени ни одной черты характера и подсознания. У каждого из Стражников должно было быть определенное происхождение и семейное окружение, психологический тип, идеальное досье со школьного возраста и даже определенная генетическая наследственность. И даже в случае совпадения всех этих данных каждый из них должен был в течение недели пройти проверку тестами, которыми зондировались все закоулки мозга, благодаря применению всеобъемлющего арсенала психонаркотиков.

Лига даже не пыталась внедрить своих агентов в ряды Стражников, какими бы подходящими средствами - богатством, ловкостью или коварством - она ни обладала.

Оставалось надеяться на случай. И случай представился: Аркадий Солковный.

Аркадий Солковный был не кем-нибудь, а членом личной охраны самого Кустова.

Да, его величество случай и был одним из последних факторов, который Гегемония не смогла еще полностью прибрать к рукам. Ее руководители приняли, естественно, меры, чтобы свести к минимуму его возможные эффекты.

Стражники были потенциальной ахиллесовой пятой негибимой диктатуры, с помощью которой Гегемония управляла Солнечной системой, и Совет скоро осознал опасность. С одной стороны, вялость, апатия, животное безразличие были бы идеальными качествами поработанного народа, к чему Совет постоянно стремился. Но эти же черты характера были нетерпимы у представителей полувоенной организации, призванной держать в руках эту самую массу. Стражники должны были быть жестокими, отлично вымуштрованными, невосприимчивыми к жалости, а также способными проявить инициативу.

Одним словом, опасными.

Но Гегемония не могла идти на такой риск и полностью положиться на армейскую элиту, решительную и сильную своим единством - на преторианскую гвардию.

"Какой же из древних, теперь запрещенных, философов - Платон, Тойнби или Марковиц - задал однажды парадоксальный вопрос: а кто будет сторожить сторожей?" - подумал Джонсон.

Про себя он с горечью усмехнулся. Кто бы это ни был, он не успел познакомиться с Гегемонией, так как Гегемония нашла ответ.

Страх. Искусственно вызванная и систематически поддерживаемая паранойя. Сами Стражники и были сторожами. Они были приучены опасаться любого человека, за исключением членов Совета, в том числе своих собратьев - и даже еще больше, чем простых Опекаемых.

Они привыкли жить с пальцем на курке.

Ведь в предисловии к Новой Конституции Гегемонии было написано: "Пусть лучше погибнет миллион Опекаемых, чем останется без наказания любой, совершивший Запрещенное Деяние". И Стражники были больше всего похожи на охотничьих собак, - умных, но наполовину диких, - чем на организованную силу. Они были приучены убивать любого, кто нарушил бы хоть чуть-чуть основное правило, - в том числе своих собственных коллег.

Парадоксально, но именно эта самая искусственно вызванная паранойя и привела Солковного к сотрудничеству с Лигой последствием своеобразного переноса лояльности. Немного нужно, чтобы переделать "хозяйскую собаку" в ничью собаку.

Как бы там ни было, все равно ни одному Стражнику не удалось бы убить Кустова: при любом подозрительном движении другие были бы только рады возможности немедленно прикончить его.

Если только...

Джонсон обвел взглядом окружавшие его лишенные выражения лица. С помощью страха, изобилия и железного каблука Гегемонии удалось низвести Опекаемых до состояния стада. Стадо это должным образом подкармливали, обогревали и развлекали.

Ему не хватало только свободы, но даже смысл этого слова мгновенно затухивал в голове у его членов.

Итак, четыре тысячи Опекаемых Гегемонии - скопление беззащитных человеческих животных.

Но среди них растворилось двенадцать сторонников Лиги, двенадцать вооруженных воинов - двенадцать убийц.

Сами эти люди еще не могли обеспечить успех операции. Помимо всего прочего рост Стражников был значительно выше среднего - здесь не было ни одного ниже ста девяноста восьми сантиметров. В случае малейшей опасности они мгновенно прикрыли бы Кустова настоящим живым щитом.

Итак, агенты, растворившиеся в толпе, не могли убить Кустова. И никогда до сих пор мысль убить его не вдохновляла никого из Стражников.

Но там, где пересекались эти три не возможности...

В этот момент в верхней части балюстрады прямо напротив величественного парадного подъезда Министерства поднялась суматоха. Из подъезда вышли затянутые в мундиры восемь мужчин внушительного вида - личная охрана Кустова. Крайний слева блондин был, по всей вероятности, Аркадием Солковым.

Борис Джонсон посмотрел на часы. Телерепортаж должен вот-вот начаться, и Кустов сейчас появится.

Из динамиков, развешанных вокруг эстрады, слышались звуки фанфар, и Владимир Кустов, Главный Координатор Гегемонии, появился на балюстраде, почти невидимый за толпой окружавших его Стражников.

Продолжая скрываться за спинами этих колоссов он медленно спустился по лестнице, в то время как в воздухе растекалась мелодия Девяти планет, объединенных навечно - гимна Гегемонии.

Джонсон видел Кустова в лицо первый раз, хотя изображения Координатора были даже слишком хорошо знакомы каждому жителю Гегемонии благодаря телевидению.

Джонсон никогда не согласился бы с этой мыслью, тем более, если бы ему стали ее навязывать, но между ним и Главным Координатором существовало неоспоримое сходство, смягченное, конечно, пятьюдесятью годами, которые их разделяли. Оба они были брюнетами с длинными и прямыми волосами, и,

если даже шевелюра Кустова поредела в течение восьми десятков прожитых им лет, то это было должным образом закамуфлировано. У Джонсона была великолепная фигура атлета. Кустов же напоминал боксера, давно расставшегося с рингом, с уже заплывшими жиром мускулами. У обоих были серые глаза, и разница состояла в том, что у Джонсона они блестели, как только что начищенное серебро, тогда как глаза Кустова имели холодный оттенок стали. Однако у обоих в глазах читалась живая мысль, что было редкостью у Опекаемых Гегемонии.

В тот момент когда затихли последние звуки гимна Координатор добрался до эстрады.

Четверо Охранников тотчас заняли свои места на небольшой выдвинутой вперед платформе, готовые в случае опасности прикрыть Кустова своими телами. Четверо других разделились и встали по обе стороны по двое и немного сзади.

Солковый оказался в правой от Кустова паре. Еще одна удача.

Музыка смолкла.

- Граждане Гегемонии... - начал Кустов по-английски.

Несмотря на свою фамилию Кустов по происхождению был наполовину американцем и одинаково хорошо изъяснялся на двух официальных языках - на русском и английском. Учитывая многочисленность американской колонии на Марсе он предпочел второй. Джонсон не ошибся в своих предположениях.

Итак, чтобы подобная операция увенчалась успехом, одиннадцать агентов Лиги должны были открыть огонь одновременно.

Но, рассеянные в толпе, они были не в состоянии сделать это. Тогда было решено, что они начнут операцию, как только Кустов произнесет слово "опека": в такого рода речи это слово не могло не появиться раньше или позднее.

Джонсон сжал рукоятку пистолазера в своем кармане. На этот раз их ждет удача, и они сделают первый реальный шаг на пути к свержению Гегемонии и восстановления демократии.

Самое главное, им не нужна была смерть Кустова как таковая - Джек Горренс, Вице-Координатор, будет только рад представившейся возможности захватить верховную власть. Нет, самым главным было то, что наконец-то перед Лигой открывалась возможность заявить о себе в качестве серьезного оппонента - после десяти лет тайных и никчемных сборищ, робких попыток открытой пропаганды и разрозненных актов саботажа.

- Итак, это еще один камень, который уложен сегодня в великое здание порядка, - грохотал в динамиках голос Кустова, - еще одна преграда хаосу, беспорядку, несчастьям и неудовлетворенности, которые в любой момент могут породить социальные беспорядки. Да, Граждане Гегемонии, это грандиозное свершение позволит Марсианскому Отделению Министерства Опеки улучшить...

О п е к а !

Джонсон выхватил пистолазер из кармана.

Со своим прозрачным стволом из искусственных рубинов, ручкой из черного эбонита, в которой находился стандартный магазин с пятьюдесятью миниа-

турными электрокристаллами, каждый из которых при нажатии спуска высвобождал заключенную в нем энергию, которая тотчас же превращалась в луч страшной разрушительной силы, оружие это никоим образом не могло быть похоже на детскую игрушку. Справа от Джонсона какая-то женщина издала душераздирающий вопль. Ее спутник бросился в толпу, отчаянно пытаясь найти убежище. В течение нескольких секунд суматоха стала всеобщей.

Опекаемые пытались уклониться от субъекта, который наверняка был опасным сумасшедшим.

Но все это было впустую, так как десять других подобных сумасшедших в других местах скопления потерявших рассудок от страха Опекаемых, которые сталкивались и сшибали друг друга с ног, что делало невозможной любую попытку к спасению.

Джонсон направил свое оружие в сторону Стражников, которые сдерживали натиск толпы в сторону улицы, и нажал на спуск.

Слепящий луч вонзился в шеренгу, в то время как в магазине один из кристаллов превратился в пыль, высвободив свою энергию.

Луч задел плечо одного из колоссов с темной кожей. Стражник зарычал, скорчился от боли, однако успел выстрелить в сторону Джонсона. Раненый рядом с ним Опекаемый завопил, и его крик смешался с криками других несчастных, объятых невообразимой паникой.

Выстрелив, Борис Джонсон бросился в толпу, пытаясь добраться до трибуны. Он снова выстрелил, целясь на этот раз в трибуну. Члены личной охраны прикрыли Кустова своими телами, а сам он бросился на пол, став, таким образом, недосягаемым.

Один из лучей попал в ступени из пластомрамора: синтетический материал тотчас начал плавиться, образовав огромную липкую лужу, которая начала медленно застывать.

Оглядевшись по сторонам Джонсон заметил, что его люди тоже не теряли время даром.

Один из них попал в знамя, остатки которого болтались на кончике почерневшего древка.

Затем луч срезал и само древко, которое рухнуло прямо на трибуну, едва не задев Кустова.

Паника достигла апогея, обезумевшие Опекаемые бегали по кругу, воя, размахивая руками. В некоторых местах они пытались сгруппироваться, чтобы разжать смертельные тиски. Но Стражники палили непрерывно, и едва успевшие образоваться группы были безжалостно растоптаны ордами своих же собратьев.

Это было похоже на безумную скачку диких животных, спасавшихся от охватившего прерию огня.

Джонсон целился поверх стены из Стражников, окружавших Кустова. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь по ошибке подстрелил Солковского.

Воздух дрожал от криков и стонов, в нем смешались резкие запахи горелого мяса, раскаленного докрасна металла, расплавившейся синтетики. Стражники не могли действовать достаточно эффективно: агенты Лиги, продолжавшие стрельбу, растворялись в водоворотях растерянного стада. Но специально

культивированная кровожадность Стражников брала верх: как собаки, попавшие в курятник, они принялись избивать кур, которых сами должны были охранять от неуловимой лисы.

В этот момент сразу три лазерных луча скрестились на группе Стражников, находившихся на платформе у эстрады. Двое из них тотчас рухнули, а остальные открыли огонь, уже не выбирая жертв. Душераздирающие крики и ропот возмущения поднялись в ответ: несчастные поняли, что Стражники отказались от попыток обнаружить истинных виновников, чтобы просто излить свою садистскую ярость.

"Все идет, как предусмотрено, - подумал Джонсон с чувством удовлетворения. - Скоро и личная охрана Кустова потеряет всякую выдержку, звериные инстинкты овладеют всеми, и тогда один из них заметит, что Солковный..."

Т о л ь к о т е п е р ь !

- Рассыпайтесь, - крикнул он. - На улицу!

Его призыв был подхвачен другими агентами в толпе, и через несколько секунд вся масса Опекаемых хором скандировала то же самое.

- Туда!

Он указал, куда, подтолкнув какого-то мужчину, оказавшегося рядом.

- Смотрите, вот брешь в их рядах! Надо прорваться!

Неожиданно поднялась мощная волна: обезумевшие Опекаемые, которым больше нечего было терять, бросились прямо на цепь Стражников, которая отделяла их от улицы, от спасения. Под влиянием страха апатичная и безразличная толпа превратилась в разнузданную чернь.

Однако это стихийное выступление еще больше разожгло кровожадную ярость Стражников, которые до сих пор еще сдерживали в какой-то мере свои инстинкты. Все это напоминало схватку диких зверей одной породы со стадом таких же зверей другой породы, но одни были вооружены... Стражники открыли по толпе огонь в упор. Залпы их лазеров встали огненной стеной перед первыми рядами осаждавших. Десятки Опекаемых издавали душераздирающие крики и падали, сожженные живьем.

Становилось ясно, что попытка прорыва не удалась, и дикая паника овладела толпой, повернув на сто восемьдесят градусов, в ослеплении бросилась к лестнице Министерства, где ее ждала личная охрана Кустова, также горевшая желанием утолить свою животную ярость.

"Это надо было предполагать!" - подумал Джонсон.

И эти Стражники открыли огонь по толпе. Глаза у них казались в этот момент застывшими, невидящими, как будто они находились во власти гипноза. Кустов по-прежнему предусмотрительно прятался за их спинами, уверенный, видимо, в том, что безоружным Опекаемым никогда не удастся прорваться через живую стену, которая его окружала.

Семеро Стражников вели прицельный огонь по толпе, и Опекаемые останавливались в нерешительности, падали, превращенные в пепел ураганом огня лазеров.

Вдруг восьмой Стражник повернулся и направил ствол своего автолазера прямо в голову Кустова. Другие были слишком увлечены, чтобы обратить

внимание на происходившее сзади.

План удался! Через несколько секунд...

Именно в этот момент на глазах изумленного до глубины души Джонсона, не верившего своим глазам, пять ослепительных лазерных лучей вонзились в тело Солковного, прежде чем он успел нажать на спуск. Он только взглянул вверх, а в следующую секунду все было кончено. Черная статуя какой-то момент стояла на месте, затем рассыпалась, и на эстраде осталась только кучка пепла.

"Что же это такое?" - подумал растерянный Джонсон, все еще слишком ошеломленный, чтобы понять, что их постигла неудача. Какое невезение...

Потом он посмотрел вверх: там, по улице верхнего яруса шестеро мужчин бежали к переходу на другой уровень на виду у остолбеневшей группы телевидения.

Кустов вскрикнул, и обернувшиеся Стражники, разинув рты, рассматривали кучу пепла, который остался от их коллеги.

- Быстрей отсюда, идиоты! - крикнул Кустов.

Лицо его было бледно от страха и ярости.

Окруженный пришедшими в себя Стражниками Главный Координатор Гегемонии взбежал по лестнице, чтобы укрыться в безопасном месте.

Шестеро беглецов уже достигли другого уровня как раз в тот момент, когда Кустов был у входа в здание. Прежде чем перескочить на внешний движущийся тротуар последний из таинственных незнакомцев бросил в воздух какой-то круглый и отливавший серебром предмет.

- Бомба? - спросил сам себя остолбеневший Кустов.

В тот же момент он заметил завихрения воздуха от миниатюрных моторчиков, которые уносили предмет вверх. Бомба-анонс!

Но ведь только Лига использовала такие средства! Да, Лига и...

- Жизнь Координатора Кустова, - провозгласил глуховатый голос, усиленный динамиком бомбы, - была спасена благодаря стараниям Братства убийц!

ГЛАВА II

В обществе, лишенном прошлого, невозможно скрыть будущее от взглядов настоящего.

Грегор Марковиц.

"Хаос и культура"

Борис Джонсон зашвырнул свой пистолазер в толпу. Сделал он это отчасти из чувства бессильной ярости, отчасти движимый инстинктом самосохранения: Кустов был цел и невредим, и оружие могло только указать на Бориса как на одного из участников неудавшегося заговора. Видимо, другие агенты Лиги сделали то же самое, так как стрелять продолжали только Стражники. Но скоро они заметили, что все кончено, и тоже прекратили огонь. Продолжая удерживать уцелевших Опекаемых под прицелом своих автоматов, они прижали их к подножию лестницы Министерства. Казалось, они ждали кого-то

или чего-то.

Б р а т с т в о у б и й ц !

Роясь в карманах, чтобы достать свои фальшивые документы, Джонсон с горечью повторил про себя это название. Ну почему так: что могло заставить Братство спасти Кустова?

Но кто бы мог сказать что-нибудь определенное об этой организации: считали, что она зародилась примерно лет триста назад, в эпоху Слияния Атлантического Пакта во главе с американцами с Самой Великой Объединенной Россией, что и положило начало Гегемонии Земли.

В самом начале Братство выступало как сила сопротивления. Именно оно осуществило убийство троих из семи Первых Координаторов гегемонии. Ей также принадлежали авторские права на убийство двух десятков членов Совета и на термоядерный взрыв, разрушивший Порт Гагарин.

Но по истечении двух десятков лет деятельность Братства приняла абсолютно непредсказуемый характер. Например, "Убийцы" спасли колонию Умориэля, застигнутую расползшимся метеоритным дождем, который повредил купол.

Затем, повернувшись на сто восемьдесят градусов, она взорвали купол на Сереве, что обрекло на смерть все население этого единственного обитаемого астероида. Затем они вроде бы ополчились на Опекаемых, потом на функционеров гегемонии и на Стражников. Их акции не поддавались никакой логике - как будто речь шла о приверженцах какого-то культа древности, следовавшего своим собственным догмам, абсолютно непонятным непосвященным.

И вот теперь, безо всякой видимой причины, они спасли Главного Координатора.

Тем временем в центре площадки опустился аэрокар, и из него вышел мужчина, одетый в обычную зеленую униформу Стражников. Но он больше ничем не походил на зловещих колоссов: небольшого роста, худощавый, пожалуй, даже хрупкий. Глаза у него были какие-то выцветшие, с отсутствующим, как будто отстраненным выражением.

Джонсон тяжело вздохнул, так как подтвердились его самые худшие опасения: они вызвали Эдетика.

У Джонсона было два комплекта фальшивых документов. Первый был на имя Самюэля Скляра, почтенного коммерсанта, имевшего право вращаться между Землей и Фобосом. Официально "Скляру" нечего было делать на Марсе, где он превращался в "Бэзила Томаса", рабочего из Обслуживания Министерства Опеки. Если его присутствие на Марсе было бы обнаружено, то искать стали бы некоего Томаса, в то время как Джонсон тихо и мирно добрался бы до Фобоса под видом Скляра, который ни разу в жизни не бывал на Марсе.

Однако, теперь все планы рушились, потому что только что прибывший Стражник с такой беззащитной внешностью был Эдетиком, то есть специально подобранным и обученным человеком, обладавшим идеальной памятью. В эту память были занесены данные о всех противниках Гегемонии, и не было смысла недооценивать ее идеальные фотографические способности.

Тем более, что в качестве руководителя Демократической Лиги Борис Джонсон был противником Гегемонии номер один.

Теперь он понимал, к чему стремились Стражники. Медленно, методично они

заставляли Опекаемых одного за другим проходить через контрольный пункт, где их обшаривал изучающий взгляд Эдетика. Нужно было потратить часы, чтобы проверить каждого, но Стражники не торопились. Они знали, что в конце осмотра все причастные к покушению будут идентифицированы: память Эдетика была безупречна.

"Если только", - несмотря на всю сложность момента Джонсон не смог удержаться от улыбки. Где Стражники стали бы искать противника Гегемонии в последнюю очередь? Конечно же, в своем штабе, в данном случае, в Министерстве Опеки. Апартаменты Главного Опекуна Марса находились где-то в недрах здания, а остальную его часть занимал генштаб Марсианской Стражи. Если бы ему удалось попасть туда... Конечно, это было еще не спасение, но, по крайней мере, он избежал бы свидания с Эдетиком.

Расталкивая толпу Джонсон проложил себе проход к эстраде. С озабоченным и суровым видом служащего, который с незапамятных времен борется с последствиями таких бедствий, он наклонился, чтобы ощупать смесь металла и раставшего пластомрамора, которой было покрыто основание эстрады.

Заметив приближавшегося Стражника он начал довольно громко ворчать:

- Вот гадство, как сильно расплавилось. Дерьмо! Понадобится по крайней мере пять часов, чтобы...

- Чем это вы там занимаетесь, эй, вы? - пролаял Стражник.

Он направил на Джонсона свое ружье.

- Чем я занимаюсь? Разве вы не видите? Или вы думаете, что я в состоянии убрать все это голыми руками? Подумать только, какое безобразие! Тут разворочено как следует. Понадобится паяльная лампа, чтобы очистить место, и термический пистолет, чтобы заделать пластомрамор. На это уйдет по крайней мере пол-дня работы.

- Все они одинаковы, эти тупицы из обслуживания! - проворчал Стражник. - И долго ты еще собираешься бить баклуши с таким безмятежным видом? Засучи рукава и принимайся за работу.

- Но я же как раз вам об этом и говорю! - простонал Джонсон. - Я ничего не могу сделать, если у меня не будет паяльной лампы и термического пистолета.

- Так чего же ты ждешь? Иди за ними! - взревел Стражник.

- Так говорят, что вы там запрещаете входить в здание, - пробормотал Джонсон, внутренне ликуя.

Стражник покачал головой с гримасой отвращения на лице.

- Все они одинаковы, эти бездельники. Ну постоянно готовы воспользоваться любой оказией, чтобы ни хрена не делать! Бери руки в ноги, беги в Министерство и тащи свой инструмент, чтобы тотчас же приняться за работу. И поторапливайся!

- Не стоит так волноваться, - протянул умоляющим голосом Джонсон. - Уже бегу!

Чувствуя на своем затылке ледяной взгляд Стражника он поднялся по ступенькам и направился к служебному входу, который находился налево от центрального.

Переступив порог он позволил себе слегка усмехнуться: тут нельзя было торжествовать слишком явно. Ведь коридоры всех публичных зданий, так же, как и все большее число частных жилищ, были оборудованы Глазами и Лучами.

Он вошел в центральный холл, почти безлюдный в это время, за исключением нескольких Стражников, которые никогда не обращали особого внимания на персонал Обслуживания.

Дальнейший маршрут был вполне ясен: достаточно было пройти пятнадцать метров, чтобы оказаться в кабине лифта, затем подняться на третий этаж и выйти из здания на второй уровень. Как только он окажется на движущейся ленте тротуара ему хватит нескольких секунд, чтобы расстояние между ним и Министерством стало вполне безопасным. Те немногочисленные Стражники, которых он мог встретить на своем пути, скорее всего не должны были заинтересоваться маршрутом простого служащего.

Тем не менее у Джонсона вспотели ладони, когда он двинулся через холл, так как, едва пройдя три метра, он должен был встретить первый Глаз. Скромный вид этого прибора был обманчив: можно было только заметить небольшую линзу телекамеры, скрытой в стене, а под ней - металлическую задвижку еще меньших размеров. Камера и задвижка были непосредственно связаны с главным Опекуном Марса, гигантской ЭВМ, в задачу которой входила слежка за правильным исполнением Свода Законов, первая заповедь которого гласила: "Все, что не разрешено, запрещено".

Практически это означало, что все последующие части Гегемонического Свода состояли из длинного перечня, детализировавшего, что Опекаемый имел право делать в каждом конкретном случае, то есть из "Разрешенных Деяний". Все, что не совпадало с этим перечнем, запрограммированным на ЭВМ, считалось "Запрещенным Деянием", то есть преступлением. А любое преступление каралось смертью.

Суд и приведение приговора в исполнение производилось немедленно. Прямо под Глазом находилось выходное отверстие излучателя, также скрытого в стене. В состав Луча входили смертельные радиоактивные изотопы. Устройство излучателя было также соединено с ближайшей ЭВМ.

Так Гегемония свела правосудие к рефлекторной автоматической дуге. Глаз безостановочно передавал информацию ближайшему Опекуну, который сравнивал ее с перечнем Разрешенных Деяний. По слухам, если какой-либо поступок, каким бы он безобидным ни был, не совпадал с этим перечнем, устройству излучателя данного Глаза передавался сигнал. Свинцовая заслонка открывалась, и смертоносная радиация рвспространялась в данной зоне. Время реакции всей системы не превышало секунды. Насколько верны были эти слухи?

Действительно ли Главный Опекун давал команду немедленно казнить любого Опекаемого, виновного в Запрещенном Деянии?

Действительно ли такая программа была заложена в ЭВМ? Этого Джонсон не знал.

Но он слышал, что очень многие Опекаемые нашли смерть при, казалось бы, необъяснимых обстоятельствах.

Он прошел мимо первого Глаза и с какой-то отрешенностью подумал, что еще жив.

Если слухи, которые распускала Гегемония, были оправданы, очень легко было совершить роковую ошибку: это мог быть подозрительный взгляд, неподходящая деталь одежды, факт нечаянного проникновения в зону, запретную для обслуживающего персонала.

Самое кошмарное - перечень деяний, разрешенных законом, был точно известен, тогда как действия, способные вызвать немедленную смерть, точно определены не были.

Если Гегемония вводила в заблуждение в том, что касалось роли Опекуна, то это было еще хуже, так получалось, что смерть могла наступить в любой момент, без всяких видимых причин.

Глаза и Лучи незримо присутствовали во всех или почти во всех публичных заведениях Гегемонии: в магазинах, театрах, государственных учреждениях. Ходили слухи, что Совет готовился издать декрет, предусматривающий оборудование всех новых жилых помещений и зданий Глазами и Лучами. Если это было действительно так, то исчезала последняя видимость частной жизни, которая еще оставалась у Опекаемых.

Джонсон прошел мимо Третьего Глаза... мимо Четвертого. Теперь оставался только один, расположенный как раз над секцией из трех кабин лифта, с целью воспрепятствовать любому, кому это было запрещено. Здесь-то и должно было все решиться.

Джонсон направился к третьей кабине и вытащил из кармана тряпку. Напевая вполголоса, он начал протирать медные детали открытой дверцы. Затем, по-прежнему с тряпкой в руке, он вполне естественно переступил порог и занялся металлическими деталями внутри кабины.

"Все еще жив! - сказал он сам себе, торжествуя. - Все будет в порядке!"

В тот момент, когда он уже собирался нажать на кнопку третьего этажа, он бросил случайный взгляд вверх и почувствовал, что кровь застыла у него в жилах.

На потолке он увидел Глаз и Луч.

Надо было попробовать... Рискованно, но выбора не было.

Он закончил обработку двери и принялся за панель с кнопками этажей. Дойдя до кнопки третьего, он слегка нажал на нее через тряпку.

Когда дверь закрылась, и лифт начал движение вверх, он рванулся назад, выражая всем своим видом изумление, которое, он надеялся, было разыграно как следует.

Затем он пожал плечами и продолжал свое занятие.

Но все же он задержал дыхание на время этого подъема, который показался ему нескончаемым.

Глаз ничего не заметил! Задвижка не отскочила!

На третьем этаже лифт плавно остановился, и двери раздвинулись. Джонсон в последний раз протер панель и вышел. В коридоре, который вел к выходу, он сдержал вздох облегчения. Самое трудное было позади. Видимо, Опекун не интересовался промахами обслуживающего персонала.

В конце коридора, который показался ему нескончаемо длинным, и который

был усеян, кажется, миллионом Глаз, Джонсон выбрался из здания Министерства и оказался на небольшой платформе, ведущей на второй уровень. Если ему удастся выйти на улицу, не привлекая внимания, ему останется только переходить на тротуары с соответственно большей скоростью, затем попасть на тротуар-экспресс, чтобы за несколько минут очутиться на расстоянии нескольких километров от этого места и затеряться в массе Опекаемых.

Быстрым шагом, но не суетясь, он вступил на платформу. Еще несколько метров и...

- Эй, вы, там! - раздался чей-то голос с улицы, лежавшей на уровне земли.

Джонсон посмотрел вниз. Это был голос Стражника.

- Да-да, ты, там, наверху! - крикнул Стражник. - Возвращайся в здание. Сейчас выход запрещен для всех.

Джонсон повернул назад, стараясь держаться в середине платформы, так, чтобы Лучи снизу не смогли, в случае чего, задеть его. Затем он неожиданно повернулся и, поставив на карту все, бросился к краю платформы. Ему не хватало всего нескольких метров, одной или двух секунд.

Стражники тотчас открыли пальбу в его сторону, но промахнулись, и Джонсон очутился на краю тротуара. Он тотчас спрыгнул на ленту со скоростью три километра в час, налетев на какого-то тучного мужчину, который погрозил ему вслед кулаком, в то время как он продолжал свой лихорадочный бег к тротуару со скоростью десять километров в час.

И вот он уже на расстоянии нескольких улиц от Министерства. Теперь самое время подумать об осторожности: незачем привлекать внимание, толкая Опекаемых, которыми был загроможден переполненный тротуар.

Стараясь идти с беспечным видом Джонсон добрался до ленты со скоростью пятьдесят километров в час, решив не пользоваться лентами в восемнадцать, двадцать семь и тридцать восемь километров в час.

И вот он на тротуаре-экспрессе. У него было теперь преимущество во времени, но не такое уж большое. Через час или даже меньше все Стражники бросятся на поиски человека, одетого в униформу обслуживающего персонала, описанного по документам на имя Бэзила Томаса. Чтобы спастись, на Марсе в его распоряжении было часа четыре, а может быть и меньше.

Но на Фобосе никто не стал бы беспокоить Самюэля Скляра. Однако надо было еще выбраться из купола.

Безжалостному деспотизму, который практиковала Гегемония, служили опорой три кита: Глаза и Лучи Опекунов, Стражники и система пропусков.

Каждый Опекаемый был обязан иметь при себе удостоверение личности. Для путешествий между планетами или спутниками каждый Опекаемый должен был, кроме того, иметь разрешение на полет в строго определенном направлении. Эти разрешения или пропуска могли быть выданы только тем, кто мог доказать действительную, по мнению Гегемонии, необходимость в данном полете и были действительны исключительно на данный период времени. Не существовало постоянных пропусков, а также пропусков на определенные планеты. Исключение делалось только для высших функционеров Гегемонии. Любой пропуск мог служить только для полета туда и обратно между двумя небесными телами, за исключением случаев, когда речь шла о разрешении на эмигра-

цию.

Путешествие без документов было преступлением, которое, как и все запрещенные деяния, каралось смертью.

Джонсон совершил полет с Земли на Фобос, большую естественную космическую базу Марса, под видом Самёэля Склера, у которого было разрешение на полет с Земли на Фобос и обратно, с заходом на обратном пути на Деймос. Бэзил Томас же был жителем Марса, у которого не было никакого пропуска.

Таким образом было абсолютно невозможно установить малейшую связь между "Томасом" и "Скляром".

Самым сложным было пробраться незамеченным на Марс и обратно.

Джонсон еще несколько раз переходил с тротуара на тротуар, чтобы сбить с толку своих возможных преследователей. Теперь он находился на ленте-экспресс на уровне земли, которая быстро уносила его к границе экологического купола, к выходу номер восемь.

Следя за пробегающими зданиями, Борис Джонсон почувствовал, как его снова охватывает прежнее чувство клаустрофобии, что бывало с ним каждый раз, когда он покидал Землю.

Его пугало то, что во всех других мирах люди жили на с трудом колонизированных островках, смирившись с господством Гегемонии в окружавшей их исключительно враждебной среде. За исключением Земли, человек не мог прожить ни секунды без космического скафандра или экологического купола.

Каждый из этих куполов был построен Гегемонией. Все, что находилось внутри, даже самая ничтожная молекула воздуха, было предметом постоянного наблюдения.

По странной иронии судьбы космос и девственные планеты и спутники, которые философы докосмической эры считали главными зонами всеобщей свободы, превратились в нерушимые оплоты гегемонической тирании. В то время как Земля с многими тысячелетиями ее истории, с ее еще необжитыми районами, таинственными и забытыми уголками, где руины накапливались в течение столетий, еще давала некоторую возможность хотя бы на время укрыться от всевидящих глаз Гегемонии.

А вот колонии, все до единой, были созданы Гегемонией. Огромные купола, которые давали жизни возможность существовать, походили на аквариумы с тропическими рыбками - или на клетки в зоопарке.

Поэтому, каким бы ненадежным оно ни было, наилучшим убежищем считалась Земля.

Теперь Джонсон перепрыгивал с тротуара на тротуар, чтобы опять оказаться на ленте со скоростью три километра в час.

На уровне выхода номер восемь он перешел на неподвижную поверхность.

Выход этот был наименее популярным.

Он предназначался главным образом для жителей, желавших совершить экскурсию по поверхности планеты. Но, учитывая тот факт, что любопытство вообще-то не считалось положительным качеством, да и такие прогулки могли представлять интерес только для специалистов, движения здесь почти не было, а наблюдение было довольно поверхностным.

Единственный Стражник, заведовавший гардеробом со скафандрами, умирал от скуки.

Джонсон подошел к нему с самым невинным видом.

- Я хотел бы выйти наружу, - сказал он.

- Для чего это? - пролаял Стражник, довольный, видимо, что можно хоть на кого-то излить пыл души.

- Ха-ха, мне хочется прогуляться. Может быть, мне удастся найти исчезнувший город марсиан! - ответил Джонсон с доверительной усмешкой.

Это была почти постоянная тема местных разговоров, так как, что касалось "марсиан", на поверхности планеты не находили ничего, кроме крошечных песчаных паучков, которые ползали, опираясь на свои дряблые животики.

- Забавно, - сказал Стражник. - Но дело в том, что в данный момент никому не разрешается покидать купол.

- Да? - Джонсон сделал вид, что удивлен. - Что-то случилось?

- Что-то! Откуда вы свалились? Вы что же, не знаете, что Братство Убийц только что предприняло попытку убийства Координатора?

- Братство? - Джонсон был вне себя от изумления. - Но почему...

Он вовремя прикусил язык. Этот гад Кустов был горазд на выдумки. Ничего не скажешь! Будучи не в состоянии отрицать сам факт заговора - весь Марс был этому свидетелем - они были вынуждены прервать репортаж до появления бомбы-анонса, принадлежавшей Братству. Верхушка считала, что будет лучше, если Координатор спасся от заговора Братства, чем если будут знать, что его спасло это же Братство от покушения, задуманного Лигой. Только несколько тысяч Опекаемых, лично присутствовавших при этом, будут знать, что произошло на самом деле. Но что могли противопоставить их изолированные голоса чудовищному аппарату масс-медиа. Ведь по мнению среднего Опекаемого вообще не могло быть никакой попытки убийства, организованной Лигой! Дерьмо! Дерьмо!

- У вас странный вид, - заметил Стражник.

Он пристальнее всмотрелся в своего собеседника, похлопывая по прикладу своего автолазера.

Джонсон старался соображать как можно быстрее. Если ему не удастся добраться как можно быстрее до Фобоса, он пропал.

Заметили, как он убегал из Министерства, а Стражники могли в любой момент получить указание задержать любого мужчину в униформе обслуживающего персонала и быстро отыскать так называемого "Томаса". В этом случае его будут проверять.

Документы были безупречны, но, если их передадут для анализа Главному Опекуну Марса, ЭВМ моментально обнаружит, что "Бэзила Томаса" просто не существует: нигде не найдут никаких следов его рождения, а также никаких следов его школьной и профессиональной биографии. И все же Джонсон прекрасно понимал: или Фобос, или верная смерть. А чтобы попасть на Фобос, ему надо было избавиться от этого Стражника. И немедленно!

- Значит, есть какая-то связь... - пробормотал он.

- Что?

- Я думаю, есть какая-то связь между попыткой покушения и порчей космических скафандров.

- Что еще за новости? - проскрипел Стражник.

- Что ж, раз уж вы получили указания, придется ввести вас в курс дела. Я занимаюсь проверкой всей спецодежды. Два или три дня назад обнаружены три испорченных скафандра в проходе номер три. Мастерская работа - всего лишь несколько царапин, последствия воздействия которых можно заметить, только оказавшись достаточно далеко от купола, когда уже будет поздно. На самом деле я хотел выйти именно поэтому. Все скафандры систематически проверяются, но при этом нужно большое терпение и не нужны лишние слухи. Поднимется паника, если Опекаемые узнают, что кому-то удалось испортить скафандры. Хорошо, если нельзя выходить, проверю их на месте. Конечно, я надеюсь, что вы будете молчать.

- Я не нуждаюсь в уроках по правилам безопасности! - отрезал Стражник сухо. - Ну, занимайтесь своим делом.

Джонсон направился к хранилищу и начал придирчиво изучать скафандры. Он отвернул шлем одного из них и засунул туда голову.

- Вот это да! - неожиданно воскликнул он, отпуская град страшных ругательств.

- Ну, что там еще?

Джонсон присвистнул и снял шлем.

- Ну и ну! Это просто невероятно! - произнес он с ошеломленным видом.

- Так что вы там обнаружили? - пролаял Стражник.

Джонсон дрожащим пальцем указал в сторону скафандра.

- Вы только посмотрите! - присвистнул он. - Нет, вы только посмотрите!

Продолжая ворчать, Стражник приблизился и наклонился к скафандру.

Джонсон со всего размаха двинул его в основание затылка. Стражник издал какой-то захлебывающийся стон и рухнул.

Не теряя ни секунды Джонсон тотчас же натянул скафандр, завладел автолазером Стражника и испортил оставшиеся скафандры.

Покончив со всем этим, он какое-то мгновение рассматривал Стражника, без сознания лежавшего на земле. Самое элементарное чувство безопасности подсказывало, что он просто обязан его ликвидировать, но Джонсон никак не мог решиться на это. Он не был в состоянии хладнокровно убить беззащитного человека, даже если это был Стражник. Он пожал плечами, недоумевая по поводу собственной слабости, затем открыл дверь выходной камеры и покинул купол.

В конце концов, когда они найдут Стражника в бессознательном состоянии, они подумают, что это всего лишь обычный акт терроризма. По крайней мере до тех пор, пока Стражник не придет в себя, ведь этот выход вел в никуда.

да, если не считать опустошенной поверхности планеты. Учитывая тот факт, что ни один межпланетный корабль не мог пролететь незамеченным, они не могли подумать, что кто-то мог бы избрать этот путь, чтобы покинуть Марс. Во всяком случае, не могли бы подумать сразу.

Даже если им станет ясно, в чем дело, ничто не даст им повод связать во-едино это происшествие и личность Самюэля Склера, который ни разу в жизни не касался поверхности Марса.

А если кто-либо случайно наткнулся бы на малогабаритный космический корабль, спрятанный в нагромождениях огромных красных скал из окиси железа, ему было бы довольно трудно объяснить его присутствие на Марсе.

Ведь это был простой каботаж, мощности которого хватало всего лишь на перемещение между Фобосом и Деймосом, миниатюрными марсианскими лунами.

Связанный в движении своим мешковатым скафандром, Борис Джонсон с трудом пробирался через скалистые завалы и, весь мокрый и запыхавшийся, оказался наконец у люка, ведущего в тесную кабину каботажника. Он почти бежал все это время, ругая себя последними словами за то, что у него не хватило духу прикончить Стражника, что дало бы ему больше оснований считать себя в безопасности.

Если они что-нибудь узнают до того, как он взлетит...

Гегемония стремилась поддерживать как можно более полную иллюзию свободы: вместе с действительным ростом благосостояния это во многом способствовало затуханию в зародыше даже самых слабых поползновений к противоречиям. Фобос представлял собой нечто вроде естественного и заботливо сохраняемого парка или заповедника, где человек мог при желании очутиться в одиночестве, с глазу на глаз со звездами, и на этом каменном булыжнике, лишенном атмосферы, какую-то долю секунды верить, что он свободен.

Но, как и везде во владениях Гегемонии, эта свобода была иллюзорной и формальной.

Те, которым разрешался полет на Деймос, имели возможность взять напрокат у частных агентств небольшой каботажный корабль. Но однако мощности двигателей этих ракет хватало только на полет туда и обратно. У пилота могло сложиться впечатление, что только от него одного зависело вдруг взять да и пуститься в глубины космоса. Однако к опасному полету надо было во что бы то ни стало добраться до Деймоса как можно быстрее, чтобы свести до минимума возможность обнаружения.

Двигатели ракеты взревели, и Джонсона прижало к сиденью. Он не строил себе иллюзий на этот счет: так и придется ему терпеть ускорение 6Г весь полет - без искусственной гравитации, без специального скафандра. Но самым неприятным чувством была постоянная неуверенность: если его засечет патрульный корабль или станция раннего оповещения, он будет мгновенно превращен в ничто, так никогда и не узнав, что же с ним произошло.

Несмотря на чудовищное ускорение, которое затуманило ему голову, он почувствовал, что впервые с момента неудавшегося заговора получил сейчас небольшую передышку. Но и это чувство было отравлено воспоминанием о неудаче, которая давила на него еще с большей силой, чем эти дьявольские 6Г. Ведь детально разработанный план с треском провалился: Кустов остался жив, а Лига лишилась всех выгод, на получение которых рассчитывала в случае удачи. Гегемония поступила очень умно, переложив ответственность за покушение на Братство. Ведь по мнению среднего Опекаемого, все акты Братства были абсолютно необъяснимы, а причины надо было искать в тумане

древних наставлений, почерпнутых в забытых книгах, озаглавленных "Библия", "Коран" или "Теория социальной энтропии".

Никто не знал точно, о чем эти книги, но было ясно, что появились они в Эпоху Религий, и фанатики, которые вдохновлялись ими, должны были восприниматься как естественное и неотвратимое зло - точно так же, как признаки душевного заболевания овладевали людьми, считавшимися святыми.

Совет не испытывал затруднений, поддерживая мнение о том, что акции Демократической Лиги и Братства Убийц одно и то же, направлял общественное порицание на собирательный и, в конечном счете, малоопасный образ секты каких-то безответственных типов.

Джонсон попробовал усилием воли прогнать облако, которое заволакивало его мозг и мешало обзору, чтобы взглянуть на часы.

Еще на одну минуту ближе к Деймосу...

"В конце концов, может быть, мне и повезет, - подумал он рассеянно. - Потом посмотрим. Надо подумать об этом на свежую голову. Ведь получается, что Лига ходит по кругу". Число вновь вступающих, которое и так никогда не было достаточно высоким, регулярно понижалось. Засилие Гегемонии все возрастало. Глаза и Лучи продолжали терзать население, и Опекаемые превращались в стадо, безразличие которого росло по мере того как повышался уровень жизни, а санкции, карающие за Запрещенные Деяния, становились все более жестокими.

И вот теперь, казалось, само Братство решило поддержать Гегемонию, если только... Братство не было с самого начала ставленником Гегемонии, специально созданным для проведения подобных операций.

А может быть, все это не имело никакого смысла. Может, даже лучше, если его каботаж будет обнаружен и...

В этот момент двигатели смолкли.

Поднятый со своего кресла, Джонсон полетел вверх, неожиданно лишившись веса, однако пристяжные ремни удержали его. Одновременно со своим телом, сбросившим тяготы ускорения, голова у него тоже прояснилась при виде Деймоса, хаоса его мертвых и бесплодных скал, которые окружали со всех сторон миниатюрный космопорт.

Но не знал, как же все произошло, да и теперь его это мало волновало. Он был жив.

Он прибыл на Деймос в целостности и сохранности. Теперь он превратился в "Самюэля Скляра", недавно прибывшего на Фобос после недолгой прогулки на Деймос. Через сутки он сядет на корабль, летящий на Землю - единственное место, где Лиге еще удавалось держаться и действовать достаточно эффективно.

К тому же, из трех тысяч сторонников Лиги две тысячи находились на Земле.

Земля была еще слишком дикой планетой, богатой заброшенными и забытыми закоулками, так что Гегемонии было очень трудно распространить на нее тотальную слежку. И Лига выживала, и сам он выжил.

Один бой был проигран, но борьба будет продолжена, и результатом ее будет свержение Гегемонии и установление Демократии.

Да, борьба будет продолжена, и в следующий раз...

Борис Джонсон поклялся себе, что по крайней мере уж следующий-то раз будет обязательно.

ГЛАВА III

Порядок является врагом Хаоса. Но враг порядка является также врагом Хаоса.

Грегор Марковиц.

"Теория социальной энтропии".

Зал заседаний Совета был составлен подчеркнуто скромно. Стены и потолок были отделаны простым дюропластиком однообразного кремового цвета, а пол был покрыт коричневым плюшем.

В центре зала стоял огромный прямоугольный стол из орехового дерева, предназначенный исключительно для рабочих совещаний. По четыре кресла стояло с каждой из четырех его сторон, и одно - с третьей, то есть во главе стола. В центре стола располагались два массивных блюда из серебра: на одном стояли стаканы и бокалы различной емкости, на другом - набор традиционных кувшинов: вино, бурбон и водка.

Именно в этой оанальной земной, если можно так выразиться, обстановке десять мужчин, собравшись у этого самого стола, повелевали судьбами двадцати биллионов человек. Не существовало законодательных органов, не было независимых органов юстиции: во всей Солнечной системе не было ни одной частицы власти, которую не придерживал бы Совет Гегемонии. Пятеро из его членов определялись всеобщими выборами, которые проводились крайне редко. Пятеро других выбирались Генеральным Опекуном Системы, гигантской ЭВМ, которая имела доступ к информации, накопленной всеми местными Опекунами.

Координатор и Вице-Координатор выбирались самым испытанным методом - в результате изощренных интриг в борьбе за власть в кулуарах Совета. Владимир Кустов, самый могущественный человек в пределах Солнечной системы, говорил отрывистым голосом, в котором сквозила едва сдерживаемая ярость:

- Так ты находишь это забавным, Джек? А если тебя самого пытались бы убить?

Джек Торринс, Вице-Координатор Гегемонии, спокойно потягивал водку с сардонической ухмылкой на губах, которая слегка округляла его узкое лицо, напоминавшее мордочку мелкого грызуна.

- Но, Владимир, - ответил он с невозмутимым видом, - ведь это в тебя они стреляли, не в меня же. По-моему, Лига доказывает, что у нее изысканный вкус, когда она выбирает свои жертвы...

- Мы все здесь прекрасно понимаем, что ты имеешь в виду, и я не сомневаюсь, что моя смерть была бы для тебя ужасным горем, - возразил ему Кустов сухо. - Но ты должен понять самое главное: Лига чуть не убила Главного Координатора. Что бы ты сказал, Джек, если бы ты сам находился на этом посту? Тебе понравилось бы, что тебя выбрали мишенью?

Торренс помолчал, обдумывая свой ответ, бросил быстрый взгляд на Обрину, Куракина, Лао, Кордону и Уланужева, - пять голосов которых принадлежали,

несомненно, Кустову - и, когда он снова заговорил, обращался именно к ним.

- Может быть - если бы мои друзья из Братства Убийц охраняли меня...

- Эти намеки абсолютно неуместны! - пролаял Кустов.

Выражение лиц его ставленников приняло выражение искреннего возмущения, как это и полагалось.

Как полагалось, не более, отметил Торренс с удовлетворением.

- Может быть, тебе захочется установить Глаз и Луч и в Зале заседания Совета, Владимир, - продолжал Торренс с язвительным выражением. - Несомненно, это тотчас прекратило бы все "неуместные намеки"...

Шайнер и Джонс, сторонники Торренса, угодливо осклабились.

- Твой юмор не смешит меня, - ответил Кустов. - Ситуация сложная. Демократической Лиге все равно никогда ничего не удастся, но она является нашим единственным противником, единственной преградой на пути установления безупречного порядка. Когда мы устраним это препятствие, мы будем в состоянии контролировать всю человеческую расу. Подумайте только о достигнутом прогрессе! Всего лишь три столетия назад человечество стояло на краю гибели. Самая Великая Объединенная Россия и Атлантический Союз ждали только повода, чтобы вцепиться друг другу в глотку. Если бы не случилось русско-китайской войны, которая привела их в чувство... Обе стороны поняли, что для выживания человеческой расе нужен порядок. Порядок с большой буквы! И теперь, по истечении трех столетий, смотрите, какие у нас свершения, только благодаря Порядку. Болезни практически исчезли. Войны стали преданием. Жизненный уровень вырос в четыре раза. И, я повторяю это перед лицом всего Совета, Лига является единственным препятствием для еще более совершенного прогресса. Как только эти нарушители спокойствия будут нейтрализованы, мы сможем установить Глаза и Лучи повсюду. Стоит ли останавливаться на этом? Почему бы не заняться контролем наследственности, после того, как будет завершено приручение окружающей среды? Уверю вас, мы еще только в самом начале наших славных дел!

Торренс вздохнул. "Каждый раз, когда у Владимира начинается подобное словоблудие, я не могу решить, - подумал он, - то ли это полный идиот, то ли он еще больший лицемер, чем я сам. Послушать его, так автоматические казни за неразрешенные действия являются свидетельством совершенства ЭВМ, слухи о котором мы пытаемся распространять, а не результатом случайного действия смертоносных лучей!"

- И в течение наступающего тысячелетия, - проговорил он вслух, - мы будем тратить миллионы, а также десятки тысяч рабочих часов, чтобы уничтожить ничтожную группку романтических недоносков?

Он налил себе еще водки.

- Но, Владимир, ты же сам об этом говорил, наше господство почти абсолютно. Надо ли действительно принимать всерьез дешевые игры Лиги и относиться к ним как к серьезной угрозе?

- Давно ли кто-нибудь покушался на твою жизнь, Джек? - бросил в ответ Кустов.

"Вот удобный момент", - подумал Торренс.

- Ага! Вот теперь ясно! Тебя затронули - и перед нами главная опасность. Вот что превращает трех помешанных в опасную конспиративную организацию. Скажи-ка мне, Владимир, почему ты так не спешишь уничтожить Братство? В конечном счете, оно доставляет нам больше хлопот, чем Лига. Может быть, ты знаешь о них то, что нам не известно? Не случилось ли так, что вы заключили соглашение? Ведь ты не можешь отрицать, что именно им обязан жизнью...

Торренс с удовлетворением отметил, что даже сторонников Кустова этот аргумент заставил задуматься.

- Ты зашел слишком далеко, Торренс! - взвизгнул Кустов. - Братство не что иное, как сборище фанатиков, как это было у древних христиан. Откуда мне знать, почему они спасли мне жизнь? Последователи древних культов, как говорят, вспарывали животы животным, чтобы планировать свои действия в соответствии с внешним видом внутренностей. Убийцы - вертопрахи той же категории. У христиан была Библия. У Братства есть Марковиц и его "Теория социальной энтропии". Все это одного поля ягоды. Религиозные фанатики могут быть патентованными злодеями, но они не могут представлять серьезной опасности для общества, так как они даже не живут в нашем реальном мире.

- А Лига является действительно реальной угрозой? - прервал его Торренс.

- Да, потому что они выдвигают альтернативу, которая может заставить задуматься некоторых слишком впечатлительных. Что было бы, если бы их заговор удался?

Торренс рассмеялся.

- Как будто ты сам не знаешь!

В тысячный раз он спрашивал себя, как это Кустову удастся удерживаться наверху, и ответ всегда был одним и тем же: пятеро Советников разделяли его странные идеи. Но в этом не было ничего удивительного, так как Обрина, Кордона и Куракин были выбраны самим Опекуном.

- Забудь хоть на минуту о своих личных амбициях, ответил Кустов. - Лига тогда могла бы похвалиться тем, что убила Главного Координатора - и все это вполне легально, прямо на глазах у телезрителей. Они, конечно же, приготовили бомбу-анонс, чтобы запустить ее тотчас после успешного завершения заговора. Они вот-вот могли стать настоящей угрозой...

- А Братство Убийц помешало им в последний момент, - пробормотал Торренс. - Действительно любопытно...

- В конце концов, Торренс, не хватит ли.

- Друзья мои, прошу вас, - вмешался Советник Горов.

Торренс что-то проворчал в ответ.

Глядя на этого субъекта с лысым черепом, который, казалось, никогда не расставался со своим обычным состоянием невозмутимости, он иногда думал о том, что Этот Советник какой-то уж очень гуманный, мягкий. Должно быть, в схеме Опекуна произошел какой-то сбой, если он выбрал его. По мнению Торренса, он не блистал умом. Наоборот, он даже считал его не совсем нормальным.

- Разве вам не ясно, что вы реагируете именно так, как этого ждет от вас

Братство, - продолжал Горов проникновенным тоном. - Тому, кто изучал "Теорию социальной энтропии" и другие произведения Марковица, сразу становится ясно, что в иррациональном характере деятельности Братства кроются вполне реальные намерения. Мы уверены, как это подчеркнул Владимир, что у Братства почти такое же отношение к произведениям Марковица, как у древних христиан к...

- Хватит, Горов, - грубо оборвал его Кустов. - Все это просто болтовня, а надо действовать. Я полагаю, что выражу общее мнение, если скажу, что никто здесь, в том числе наш Вице-Координатор, не будет оправдывать действия Лиги.

- Не в этом дело, - сказал Торренс усталым голосом. - Мне кажется нерациональным, что мы должны заплатить такую цену за нейтрализацию двух или трех тысяч сторонников Лиги.

- Однако, если мы можем сделать это достаточно эффективно? - возразил Кустов.

- У тебя, несомненно, есть какое-то предложение на этот счет, - сказал Кустов. - Расскажи нам о нем.

Все эти пререкания ничего не значили.

Кустов обладал достаточным влиянием в Совете, чтобы заставить его принять практически любой проект.

- Прекрасно. Во-первых, усилить силы Стражников. Они должны выбираться по еще более строгим критериям и два раза в год проходить проверку комплексом углубленных тестов. Эти меры должны поставить дополнительный заслон на пути дальнейшего проникновения членов Лиги в наши ряды. Все согласны?

Одобрение было всеобщим. Даже сам Торренс не нашел никаких возражений.

- Во-первых, специалисты из Министерства Опек должны разработать план нейтрализации Лиги - простой и дешевый.

И в этом вопросе все мы были едины.

- Наконец, я предлагаю установить Глаза и Лучи во всех жилых помещениях так, чтобы их эффективность сказалась сразу же.

Торренс скривился. По его мнению, это было просто смешно. Опекуны были в состоянии, конечно же, обнаружить и показать действительно грубые нарушения КОдекса. В то же время обычное распространенное мнение, следуя которому Лучи тотчас же карали за самое минимальное нарушение, базировалось только на невероятном усилии всей пропагандистской машины Гегемонии, которому придавала вес смерть тысяч Опекаемых, уничтожаемых то тут, то там Лучами абсолютно произвольно.

Опасность заключалась в том, что в один прекрасный день Кустову, Горову и компании могла прийти в голову мысль воплотить эту идею в жизнь. Тогда осуществляемый контроль станет таким жестким, что любая попытка свергнуть Кустова будет обречена на провал.

При голосовании за это предложение выявилась глухая вражда кланов. Однако, только Торренс, Джонс и Штейнер выразили свой протест и проголосовали против. Как и ожидал Торренс, Горов примкнул к большинству - даже при условии, что он не был приверженцем идей Кустова.

Орбита этого астероида увлекала его на много градусов вверх от линии эклиптики и значительно ближе к Юпитеру, чем другие такие же обломки Пояса Астероидов. Это был миниатюрный мир диаметром немногим более километра, одним из многих тысяч в Поясе. Никому не нужный булыжник, на котором не было никаких полезных ископаемых, который болтался далеко, очень далеко от обычных коммерческих трасс, связывающих Марс со спутниками Юпитера. По всем законам логики, экономики и астронавтики он должен был навсегда остаться пустынным.

Это и было главной причиной того, что он был обитаем.

Однако догадаться об этом было почти невозможно, если наблюдать за ним из космоса, так как все его оборудование было упрятано в недрах булыжника. На самом деле астероид напоминал улей - с его длинными коридорами, жилыми отсеками и шахтами скоростных лифтов. В самом центре астероида миниатюрный ядерный реактор, оборудованный защитными средствами на любой случай, снабжал его необходимой энергией. Никакая радиация, способная выдать его присутствие, не распространялась в космосе.

Этот пустынный обломок был штаб-квартирой Братства Убийц.

Аркадий Дунтов находился в недрах астероида в просторном помещении, целиком вырубленном в скале. Сейчас он стоял навывтяжку у круглого стола, составлявшего одно целое с массой метеорита - стол был целиком выточен из камня, и его опоры вырастали прямо из пола. За столом сидели восемь мужчин, одетых в простые шорты и легкие зеленые рубашки, с массивными золотыми медальонами на шее. На каждом медальоне виднелось рельефное изображение латинской буквы "Г" на темном фоне.

Несмотря на то, что стол был круглой формы, Дунтову показалось, что один из мужчин выделялся больше других. Он был стар, но определить его возраст с большей точностью было нелегко, так как его длинные тонкие волосы не успели поседесть, в то время как загорелая кожа его лица была испещрена целой сеткой морщин.

- Во имя Хаоса, - произнес он хорошо поставленным звучным голосом, - я, Роберт Чинг, Главный Агент, объявляю сегодня Ассамблею открытой.

Дунтов еще раз с удовлетворением отметил атмосферу абсолютной простоты и точность церемониала. Уже в шестой раз появлялся он в э том зале, но присутствующие оставались для него все такими же загадочными, как и их имена - сам Чинг, НТана, Смит, Фелипе, Штейнер, Наги, Мустафа, Гувер - Ответственные Агенты. Они представлялись ему такими спокойными, высокомерными, уверенными в себе, что ему казалось вполне естественным слепо следовать за ними, не задавая вопросов, не зная даже их имен, - и не испытывая ни малейшего желания узнать их.

- Сейчас мы заслушаем рапорт Агента Аркадия Дунтова, ответственного за нашу недавнюю операцию на Марсе, - продолжал Роберт Чинг. - Мы слушаем вас, брат Дунтов.

Дунтов задержал дыхание. Некоторые из ответственных агентов - Гувер, Фелипе, Нат - были лет на десять моложе его, однако у него было такое впечатление, будто он выступает перед ассамблеей патриархов.

Он придал выражение торжественности своему лицу с грубоватыми чертами, выдававшими его славянское происхождение.

- Да, Главный Агент, - начал он. - В соответствии с полученными указани-

ями я покинул место моего постоянного пребывания, чтобы попасть на Марс, где я вступил в контакт с пятью другими Братьями. В полном соответствии с планом мы собрались в непосредственной близости от Министерства, на улице второго уровня, в тот час, когда должна была начаться официальная церемония и речь Главного Координатора. Как только начались беспорядки, и агент Лиги, проникший в ряды Стражников, направил свое оружие на Координатора, мы убили его. Затем мы рассеялись и подождали, пока кончатся поиски членов Лиги, после чего мы собрались в том месте, где находился Корабль, то есть в пустыне, и вот я перед вами с моим докладом.

Уверенный, что он точно следовал всем полученным распоряжениям, он тем не менее не мог отделаться от странного чувства неуверенности при мысли, что он мог где-либо допустить оплошность, при мысли, что эти великие люди могли судить о его действиях в соответствии со своими критериями, которые ему были абсолютно непонятны.

- Прекрасно, - сказал Чинг. - А что стало с Агентами Лиги? Какова судьба Бориса Джонсона?

- Девять агентов Лиги были пойманы, но их предводителя Джонсона среди них не было. Поскольку Гегемония не объявляла о его пленении, я считаю возможным заявить, что ему, по всей вероятности, удалось покинуть Марс.

- Ага! - воскликнул Чинг. - Полная победа Хаоса! Хорошо, что Борису Джонсону удалось бежать. В противном случае нам пришлось бы вмешаться и выступить на его стороне. Тем не менее интересно отметить, друзья мои, что даже с такими ограниченными возможностями Лиге удастся выжить.

- Может быть, в этом стоит усматривать совокупность случайностей, играющих им на пользу? - высказал свое мнение негр высокого роста, которого Дунтов знал под именем НТана.

- Может быть. Но в таком случае нам самим должна помочь выжить такая же игра Случайностей, как вы думаете? А думать необходимо. В частности, как, например, Брату Дунтову и его людям удалось ускользнуть, в то время как агентам Лиги не оставалось ничего другого, как бегство или пленение? Ведь у обеих групп были одинаково совершенные документы. А разница заключается в том, что в то время как они подделывают документы, мы подменяем людей. Шесть Опекаемых исчезают, а шесть Братьев появляются, и они ничем от них не отличаются. Используя настоящие документы и фальшивые обличья, мы сводим на нет риск разоблачения. Надо больше думать, Брат НТана. Это будет полнейшей ересью, если мы будем пытаться создать Царство Хаоса при помощи одной только чистой случайности.

- Все ясно, Главный Агент, - сказал НТана. - Я только хотел подчеркнуть, что Демократическая Лига не кажется слишком расположенной к долгим раздумьям - да и коротким тоже.

- Не стоит смешивать незнание и глупость, - возразил Чинг. - В конце концов, Опекаемые Гегемонии ничего не знают о пети Хаоса, точно так же, как и о Законе Социальной Энтропии. Демократическая Лига тоже не может избежать этих заблуждений, этого незнания. Ведь невозможно упрекать ее членов за то, что они бредут во тьме, не имея представления, какой путь выбрать. Чем насмехаться над их многочисленными промахами, нам следовало бы восхищаться их редкими успехами, так как, какими бы неправильными ни были их способы, действия их подчинены благородной цели.

- Может быть, они и бескорыстны, - сказал НТана сухо, - однако не подлежит сомнению, что их действия быстро становятся Предсказуемым Фактором.

Чинг нахмурил брови, покачал головой и сказал:

- Возможно, вы и правы. Однако еще не время принимать решения по этому вопросу. Нам остается выслушать еще один доклад, который, я уверен, значительно поднимет нам настроение.

Дунтов, который со все возрастающим изумлением следил за этим обменом репликами, уже собирался покинуть Зал заседаний и направился к выходу, как вдруг Чинг позвал его:

- Брат Дунтов, вы оказали Хаосу большую услугу. Будет справедливо, если вы останетесь.

- Спасибо, Главный Агент, - ответил он с благодарностью.

В то же время он спрашивал себя, действительно ли ему хочется больше знать о деле, которому он служил. Когда служат идее, в которую безоговорочно верят, зачем пытаться понять необъяснимое?

Чинг нажал кнопку на своем столе.

Дверь отворилась, пропустив какого-то старого сморчка, который двигался подпрыгивающей походкой.

Послышались приглушенные возгласы:

- Шнеевайс? Снова о проекте?!

Чинг улыбнулся.

- Я думаю, все Ответственные Агенты хорошо знают доктора Шнеевайса, и наоборот. Доктор, разрешите представить вам Брата Аркадия Дунтова, одного из наших самых лучших агентов-оперативников.

- Вы действительно доктор Рихард Шнеевайс? - пробормотал Дунтов. - Тот самый Шнеевайс? Но ведь Гегемония считает, что вы мертвы!

Шнеевайс рассмеялся.

- Слишком сомнительное известие, как вы сами можете удостовериться. Я - сама жизнь, да и работа у меня кипит.

- И вы всегда были членом Братства?

- Нет, мой юный друг, не всегда. Однако в качестве физика я в свое время начал интересоваться все больше такими проблемами, которые раньше или позднее должны были привести меня к контакту с возрастающей социальной энтропией. И когда Советник Горев - человек исключительно проницательный - понял, в каком направлении продвигаются мои исследования, он счел необходимым доложить об этом Совету, который тотчас же положил конец моей работе и свободной жизни, намереваясь также, насколько я понимаю, положить конец моей жизни. И вот тогда один из моих ассистентов, член Братства с давних пор, вступил со мной в контакт, предложив мне инсценировать "несчастный случай", жертвой которого я должен был, якобы, стать, и вот я здесь, перед вами.

- Ладно, доктор, - вмешался Агент по имени Смит. - Это был дородный блондин с блестящими голубыми глазами. - У вас еще будет время поболтать с Дунтовым, поговорим лучше о проекте "Прометей".

- Да, как обстоит дело?

- Хорошо, Братя, - ответил Шнеевайс. - Могу доложить, что теоретическая часть уже готова, все технические детали уже почти урегулированы, а испытания некоторых ступеней дают весьма обнадеживающие результаты. В общем, предварительные работы по проекту "Прометей" уже начаты, и сам эксперимент может быть проведен через четыре-шесть месяцев.

- Всего через полгода!

- Значит, крах Порядка уже не за горами!

Роберт Чинг рассмеялся безрадостным смехом, и Дунтову показалось, что в его черных глазах на какой-то миг возник отблеск той грандиозной и мистической перспективы, итог которой из всех присутствующих только он мог осознать до конца.

- Да, Братя Хаоса, - сказал Чинг. - Проект "Прометей" перестал быть мечтой. Час его осуществления быстро приближается. В течение трех веков бились мы с этим злополучным Порядком Гегемонии Земли, черпая наши силы в источниках мысли Марковица. В течение трехсот лет хранили мы нерушимой нашу веру в неизбежный триумф Хаоса. И вот, наконец, намечается закат и падение Гегемонии. Через шесть месяцев трехвековая борьба принесет свои плоды, и противоестественный Порядок начнет разлагаться, пусть даже его агония и продолжится еще несколько десятилетий, и придет Царство Хаоса...

У Аркадия Дунтова появилась уверенность, что, если он и дальше будет вместе с Чингом и Шнеевайсом, он станет обладателем таких тайн, о существовании которых ни один Опекаемый даже подозревать не мог. Однако, тут он решил, наконец, удалиться. Скорее всего, имелись и такие секреты, которые в данный момент лучше бы не знать.

Ведь ему было достаточно приобщиться к тем, кто их знал. Он был счастлив, что следует путем Хаоса, счастлив верой в триумф дела, значение которого бесконечно превосходило понимание и мыслительные способности простых людей. Но, как и прежде, у него не было ни малейшего желания проникнуть в лабиринты, которыми продвигалась эта сила, которую они называли Хаосом.

ГЛАВА IV

Свойством недалекого ума является уподобление Хаоса тому, что обычно обозначается расплывчатым термином "естественное состояние". Хаос подражает, и в этом не приходится сомневаться, все возрастающую энтропию первозданного мира, однако ему в то же время могут быть свойственны все те ошибки самого дерзкого предприятия, которое человек когда-либо задумал против энтропии - я имею в виду организованное человеческое общество.

Грегори Марковиц.

"Теория социальной энтропии"

Стрелы самых высоких зданий большого Нью-Йорка более чем на километр в небо, и этих гор, рожденных рукой человека, насчитывалось несколько десятков. Здесь были тысячи зданий - старые небоскребы и резиденции недавней постройки - насчитывавшие более семидесяти этажей, соединенные между собой на различных уровнях движущимися тротуарами, улицами на невероят-

ной высоте, подъемно-спускательными трубами - и все это составляло один гигантский муравейник, который простирался от Олбани на севере до Трентона на юге, от Моунтауна на востоке до Паттерсона на западе, от небосвода до уровня земли, который теперь почти ничто не отличало от десятков уровней, которые возвышались над ним.

Однако, проткнув небо, нагромоздив уровень на уровень до такой степени, что весь город превратился в одно гигантское здание, размерами превышавшее все разумные пределы, Большой Нью-Йорк, в отличие от своего предка, остановился на уровне земли.

Однако и ниже простирался огромный подземный лабиринт, затерянный, забытый город, состоящий из заброшенных туннелей старинного метро, канализационных труб, проходов под Гудзоном древних искусственных пещер, которые появились еще во времена войны за Независимость. Почти все забытые Гегемонией, абсолютно забытые Опекаемыми, опускаемые гидами и учебниками истории, оставленные без присмотра Стражниками, Глазами и Лучами, уже не упоминавшиеся в картах и планах, эти запутанные лабиринты превратились в тайную цитадель Демократической Лиги.

Следуя по рельсам метро, проходящим между бывшими станциями сто тридцать пятой и сто двадцать пятой улиц, в обволакивавшей тьме, которую время от времени разрезал только тонкий лучик карманного фонаря, Борис Джонсон с удовольствием смаковал один из тех редких моментов общего расслабления. Ведь этот подземный город, как и все аналогичные норы, который человек прорыл под Чикаго, Бэй-Сити, Большим Лондоном, Парижем, Москвой, Ленинградом и десятками других городов, был единственным шансом Демократической Лиги. Ведь наверху простиралось царство тотальной полицейской слежки, Стражников, Глаз и Лучей, проверок личности и так далее. Когда на поверхности становилось совсем уж плохо, всегда можно было найти убежище в этом подземном мире.

Здесь в полной безопасности прятали оружие, проводили собрания, делали фальшивые документы. Совет Гегемоний был, естественно, в курсе, однако не представлялось возможным замуровать мириады забытых проходов, установить Глаза и Лучи в каждом из узких коридоров, которые тянулись под каждым большим городом, послать патрули в каждый туннель.

Нельзя также было взорвать их, так как это вызвало бы разрушение находившихся над ним городов, которые рассыпались бы, как карточные домики.

Как и сама Лига, эти подземные лабиринты не представляли такой уж большой опасности, которая могла бы оправдать невероятную цену их исчезновения, и именно на этом исключительно экономическом расчете и покоилась их относительная безопасность, которой пользовались подпольщики.

В данный момент Джонсон подходил к станции Сто двадцать пятой улицы. Впереди он заметил сноп лучей карманных фонариков, рассекавших тьму: остальные уже прибыли. По лестнице с проржавевшими перилами и выкрошившимися ступеньками он поднялся на платформу, заваленную всевозможными обломками - сгнившими деревянными креслами, изломанными билетными автоматами, разбитыми и искореженными асфальтовыми плитами.

Спотыкаясь в этой рухляди, он приблизился к людям, сидевшим на ступеньках лестницы, ведущей к поверхности. Прежний вход был, естественно, замурован и покрыт газоном, но Лига оборудовала старательно замаскированный люк, через который можно было пробраться в темные подземелья под сверкающим городом.

Итак, тут собралось двенадцать мужчин, черты лица которых были едва за-

метны при слабом свете их карманных фонарей: десять руководителей нью-йоркского отделения и двое приезжих.

Лаиман Ри - бледный призрак, который уже пять лет не появлялся на поверхности, совершив немыслимое преступление: он убил Стражника на глазах у целой толпы Опекаемых.

Он был альбиносом с кожей цвета слоновой кости и розоватыми глазами и был обречен теперь на пожизненное захоронение - белый червь, человек-крот. Другие агенты жили, как и он, в потемках метрополитена, однако никто из них не провел тут больше, чем он, времени, никто не мог похвастаться таким же совершенным знанием всех закоулков. Ри был предводителем этого отделения Фантомов, которое заселяло забытое чрево Большого Нью-Йорка.

Джонсон улыбнулся, заметив двенадцатого члена, который был не кем иным, как Аркадием Дунтовым, его правой рукой и ближайшим другом - человеком таким заурядным и с такой невыразительной внешностью, что он даже не фигурировал в списке врагов Гегемонии. Однако именно он и снабжал Лигу самой интересной информацией, предлагал самые невероятные планы (однако выполнимые!), как будто у него был доступ к какому-то таинственному источнику знаний, о существовании которого у него в голове трудно было подозревать, учитывая его мыслительные способности.

Джонсону никак не удавалось разгадать тайну этого малого, русского по происхождению, круглолицего и рыжеволосого. Однако он по праву ценил его как одного из самых ценных агентов Лиги.

Начались взаимные поклоны и приветствия, когда Джонсон влился в их компанию и уселся на пыльных и потрескавшихся ступеньках.

С угрюмым видом он сразу же приступил к делу.

- Думаю, всем вам известны последствия нашей операции на Марсе?

- Телевидение и газеты единодушно обвиняют Братство, - сказал Лаки Форман.

На его темном лице застыло выражение растерянности, превратившее это лицо в маску из эбена.

- Что же произошло, Борис?

Джонсон шепотом выругался⁷

- Чему ты веришь, Лаки? Братство просто спасло Кустова, который посчитал, что будет выгоднее обвинить в этом Братство: по мнению Опекаемых Братство настоящее проклятие. Тогда как, по официальной версии, мы всего лишь банда мелких интриганов, подвиги которой достойны упоминания под одной рубрикой с раздавленными собаками и так далее. Если бы нам повезло, им пришлось бы сменить пластинку, но теперь!..

- Так мы опять очутились там, откуда начали, - продолжал Майк Файнберг.

- То есть нигде, - прибавил Мануэль Гомес. - Количество вновь поступающих падает. Опекаемые становятся со дня на день все здоровее, все толще и розовеют от удовольствия. Все больше Глаз и Лучей встречается в самых различных местах. И нам все труднее заявлять о нашем существовании. Извини меня, Борис, но я иногда спрашиваю себя, не мы ли идем неправильным путем? Война стала воспоминанием, уровень жизни регулярно повышается,

все счастливы и довольны. Может быть, лучше распустить Лигу и приспособиться к ситуации? Спасать то, что еще можно спасти, пока есть время. Что мы на самом деле, знаем об этой демократии, за которую боремся? Может быть, это всего лишь слово, которое ничего не значит?

- Ну, Манни, - сказал Джонсон, - мы знаем, что такое демократия.

Он старался придать своему голосу выражение убежденности, от которой он и сам был далек.

- Это значит, можно делать то, что хочешь, когда хочешь. Демократия - это когда каждый делает то, что хочет делать, а другие или Опекуны, например, не могут в любое время прийти и указать ему, что он должен делать.

- Если каждый будет делать, что хочет, - возразил Гомес, - то что же произойдет в случае столкновения интересов?

- Большинство решает, естественно, - сказал Джонсон уклончиво. - Большинство выступает за всеобщее благо.

- Я не вижу, чем же это отличается от того, что делает Гегемония.

Джонсон нахмурился. Этот вид дискуссии не мог привести ни к чему хорошему.

Когда Гегемония будет низвергнута, настанет время пожинать плоды победы и спорить об истинном характере Демократии. Но впереди еще бездна дел. Самым главным в данный момент было действие. А если слишком долго рассуждать о последствиях, то дело будет стоять на месте.

Лайман Ри как мог сформулировал мысли Джонсона.

- Не время заниматься болтовней, - оборвал альбинос дискуссии. - Вот уже пять лет я гнию в этих подземельях, а таких, как я, сотни. Демократия - это когда можно будет увидеть свет. Для меня это именно так, а если для вас нет, то мне наплевать!

- Лайман абсолютно прав, - поспешил откликнуться Джонсон. - Все мы гнием в том или ином месте. Демократия - это свет, и мы еще не можем знать точно, что нас ожидает, поскольку мы ее не видели. А мы не дождемся ее, пока не опрокинем Гегемонию. Теперь надо подумать о будущих выступлениях.

- Мне кажется, что у нас не такой уж богатый выбор, - сказал Гомес. - Нас слишком мало, чтобы совершить настоящую революцию. Даже если бы мы ввязались в эту авантюру, нам не удалось бы поднять Опекаемых, пока Гегемония контролирует средства массовой информации и следит за тем, чтобы Опекаемые жирели и розовели. По-моему, все, что мы можем, это уничтожить Советников. В случае удачи они наверняка будут принимать нас всерьез, и тогда, может быть, некоторые Опекаемые начнут говорить себе...

Большинство присутствовавших поддержало его.

- Ты, конечно, прав, - сказал Джонсон. - Но вопрос в том, какого именно Советника, где, когда и как. Горова, Штейнера, Кордону?

- Какая разница? - сказал Рив. - Все они стоят друг друга.

- Это как сказать, - возразил Дунтов.

Джонсон пристально посмотрел на него, спрашивая себя, какое еще сенсационное предложение может сделать этот самый Дунтов.

- Мне кажется, что это должен быть Вице-Координатор Торренс. Все знают, что именно он нацеливается на высший пост, что превращает его в естественного врага Кустова. Если мы его убьем, все начнут задавать себе вопросы: действительно ли Братство враг Лиги? Если Братство обвиняется в попытке убийства Кустова, и если его настоящий враг Торренс убит, Совет больше не сможет обвинять Братство. Ему придется отдать должное нам!

"Откуда приходят ему такие мысли? - спрашивал себя Джонсон, восхищаясь Дунтовым. - Ведь он действительно прав. Изворотливость, которую продемонстрировал Кустов, приписал Братству ответственность за заговор, жертвой которого должен был стать он, обернуться против него. На этот раз он будет вынужден обвинить Лигу - или самого себя!"

- Не собирается ли Торренс выступить с речью в Музее Культуры на следующей неделе? - спросил Джонсон. - Тогда наша задача значительно облегчается, учитывая его пристрастие к публичным выступлениям с единственной целью подорвать влияние Кустова. Надо решить, как...

- Так ведь Музей находится на уровне земли! - неожиданно подал голос Ри.
- Да, прямо под залом заседания - станция метро. Они, естественно, принимают серьезные меры предосторожности, но им никогда не придет в голову...

- На каком конкретно расстоянии от пола зала заседаний находится станция? - осведомился Джонсон.

- Прямо под ним находится вход в метро.

Ри ликовал.

- Ведь Музей построен на большой площади, которая находится как раз над станцией Пятьдесят девятой улицы. На станцию было несколько входов, но они их заделали. Зал заседаний находится как раз над одним из таких входов. Тридцать или сорок сантиметров пластика - вот что преграждает доступ в зал в самый разгар!

- У меня такое предложение, - сказал Джонсон. - Незачем проникать в зал, достаточно положить мощный заряд. Торренс никогда не узнает, откуда нанесен удар. Итак, встречаемся на станции Пятьдесят девятой улицы. Ри, я, естественно, и Файнберг, ты у нас лучший специалист по взрывным устройствам, ты этим и займешься. Затем мы...

- Что это за шум? - вдруг воскликнул Форман.

И его крик понесся вдоль туннеля, бесконечный. И эхо не хотело умирать.

Джонсон услышал, что оно возвращается в виду звука шагов, которые направлялись в их сторону - это был глухой ритмичный звук, шум шагов многочисленного отряда, который продвигался по туннелю по левую сторону от платформы.

- Уберите свет! - шепнул Джонсон.

Показывая пример, он одновременно выхватил свой пистолазер.

Шаги приближались. Теперь почти в непроглядной тьме, и их поступь ускорилась.

- Человек двадцать, по крайней мере, - прошептал Ри на ухо Джонсону. - Вот они входят на станцию! Слушай! Чувствуешь изменение ритма в этот момент? Десять... Тринадцать... Семнадцать... Двадцать два... Да, двадцать два, это все.

- Ты считаешь, что они нас слышали? - спросил Джонсон.

Ри молча рассмеялся.

- Здесь звук распространяется на километры. Если мы слышим их, то они - нас.

- Следите за маскировкой, - предупредил Джонсон. - Если они включают фонари первыми, тем хуже для них. Если нет, тогда для нас.

Мысленно он пытался представить себе план станции в черной, как смола, окружавшей его тьме.

- Пути расположены примерно на два метра ниже уровня платформы, - сказал Ри. - Если мы спустимся в туннель, так что платформа окажется между ними и нами, они могут нас не заметить.

- Ладно, - сказал Джонсон.

Он осторожно сполз на полусгнившие шпалы и покрытые ржавчиной рельсы.

- Только осторожно. Если мы не будем шуметь, они, может быть, и в самом деле не обнаружат нас.

Все агенты Лиги быстро последовали его примеру, в то время как шаги все приближались. Теперь было ясно, что они доносятся прямо с другой стороны платформы.

Джонсон задержал дыхание, стараясь не выдать себя ни малейшим движением.

Слышны были только шаги Стражников, которые двигались вперед с потушенными фонарями.

Потом Джонсон услышал напряженное дыхание, шорохи, как будто кто-то карабкался на платформу. Оказавшись на ней, Стражники могли теперь воспользоваться фонарями и осветить станцию. Но тогда они превратили бы в мишень и самих себя.

Рука Джонсона непроизвольно сжала рукоятку пистолазера.

Вдруг платформу прямо над ним залил яркий свет. Ослепленный, он, однако, успел различить пять силуэтов всего метра в трех от него - с пистолазерами и фонариками в руках.

Прежде, чем он успел отдать приказ, Форман и Гомес, а также некоторые другие открыли огонь. Лучи красного цвета вонзились в тела Стражников, которые рассыпались в прах. Их все еще горевшие фонарики полетели во мрак, отбрасывая на стены туннеля снопы лучей ярко-желтого света.

Однако Стражники, не успевшие забраться на платформу и оставшиеся в параллельном туннеле, тотчас среагировали.

Укрывшись за платформой, они тоже открыли пальбу.

Джонсон нырнул вниз в тот момент, когда луч лазера разорвал мрак в нескольких сантиметрах над его головой. При свете смертоносных молний, которые перекрещивались над ними, Джонсон различил силуэты своих людей, лежавших ничком на путях. Они ничего не могли сделать. Их враги тоже не могли ничего предпринять - Джонсон и остальные держали свое оружие наготове - однако в любой момент Стражники могли получить подкрепление...

- Надо во что бы то ни стало выбраться, - пробормотал Джонсон.

До него донесся голос Ри:

- Слушайте! Другие Стражники заходят с юга! Настоящая экспедиция...

В самом деле, перекрывая время от времени свист лазерных разрядов, вдали послышался слабый шум, который можно было почувствовать скорее кожей, чем ушами, шум, который распространялся по туннелю, как приливная волна.

- Нам надо разделиться, - сказал Джонсон. - Половина на юг, другая со мной на север. Как только вы попадете на развилку, вы снова разделяетесь. Они не смогут преследовать всех нас сразу. Не пытайтесь выходить на поверхность до тех пор, пока не убедитесь, что вы их сбили со следа.

Увлекая за собой Дунтова, Ри, Формана и двух других, которых он не успел разглядеть в мерцавших отблесках лазерных лучей, Джонсон пустился бежать по туннелю в северном направлении. Запинаясь, задевая за полусгнившие шпалы и какую-то проржавевшую железную рухлядь, остальные бросились за ним, слыша в то же время за собой крики Стражников, карабкавшихся на платформу. Затем, совсем близко шум бегущей толпы...

- Быстрее! - подгонял Джонсон.

Он запыхался, но не замедлил бег.

- Надо во что бы то ни стало добраться до следующей станции, пока они нас не догнали!

Они пробежали через станцию и углубились в следующий мрачный туннель, продолжая спотыкаться и даже падать. Их по-прежнему продолжал настигать топот преследовавшей их толпы и слабые отблески фонарей.

Пробежав еще метров двести, Ри прошептал, отдуваясь:

- Разветвление! Прямой туннель налево ведет к станции Сто сорок пятой улицы, направо - к станции Сто тридцать пятой. Здесь мы разделимся. Если нам повезет, и они смогут преследовать только одну группу, то мы выберемся.

Ри взял Джонсона за руку и увлек его в непроглядную тьму коридора направо.

Ладонь человека-крота была влажной и не очень приятной на ощупь. Остальные свернули в левый коридор.

Они услышали свист лазеров позади, потом крики боли, потом снова свист.

Стражники догнали другую группу. Значило ли это, что...

Нет! Снова послышались быстрые шаги, которые приближались, и снова совсем близко лучи фонарей Стражников заплескали на стенах и потолке туннеля. Они тоже разделились на две группы!

Чувствуя, что сердце как будто готово выпрыгнуть из груди, и ощущая дыхание третьего их спутника на своем затылке, Джонсон ускорил бег, чтобы не потерять контакт с альбиносом.

Вдруг Ри резко остановился.

- Какого...

- Слушайте, - сказал альбинос. - Там, впереди, другие бегут нам навстречу. Мы окружены.

- Можно попробовать прорваться силой, - предложил третий.

Джонсон узнал голос Аркадия Дунтова.

- Их по крайней мере дюжина, - сказал Ри. - Вы не слышите? Нет, вы можете... Мы пропали! Нет, подождите, тут рядом должен быть...

Он потянул дальше во тьму Джонсона, который, в свою очередь, взял на буксир Дунтова. Продвигаясь вперед, он в то же время ощупывал стену свободной рукой.

Вдруг прямо перед ним на уровне груди появилось квадратное отверстие, забранное решеткой, и еле заметное пятнышко дневного света прорезало тьму.

- Вентиляционный колодец, - сказал Ри. - Он выходит на улицу на уровне земли. Если повезет, и там наверху нет делегации встречающих, то можно выбраться, посмотрите.

Джонсон отодвинул решетку и полез вверх. Это была труба шириной примерно шестьдесят сантиметров, которая под углом в сорок пять градусов поднималась к поверхности. Упираясь локтями и коленками, Джонсон поднялся между скользкими стенами и уперся в древнюю железную решетку, покрытую ржавчиной. Он разбросал обломки, загромождавшие решетку, и осторожно выглянул наружу.

Им повезло. Вентиляционный колодец выходил прямо в проход на уровне земли позади ветхой постройки, с виду необитаемой.

- Быстрее! - прошептал Ри. - Они уже рядом.

Джонсон немного отодвинулся назад, вытащил пистолазер и быстро расплавил несколько болтов, удерживавших решетку.

Упершись спиной в горячий металл, он выломал ее, прищемив себе заодно пальцы.

Он тотчас выбрался наружу и с лазером в руке бросился на мостовую у люка, жмурясь от тусклого света, проникавшего сверху сквозь многочисленные улицы и платформы, расположенные над уровнем земли. Через несколько секунд Дунтов присоединился к нему, моргая после тьмы подземелья.

Затем из люка появилась голова Ри - голова призрака с бледным, как у трупа, лицом, на котором горели красные, как у крысы, глаза.

Ри вдруг резко отодвинулся назад, застигнутый врасплох дневным светом. Он зажмурил глаза и простонал:

- Я тут больше ничего не вижу! Это меня ослепляет!

Он оперся обеими руками о решетку люка и застыл там без движения, с закрытыми глазами.

- Ну, давай, быстрее! - торопил его Джонсон.

- Я не могу, - прошелестел Ри. - А вы идите. Я останусь в колодце до тех пор, пока они не пройдут. - Он горько рассмеялся. - Я так долго пробыл внизу, что не могу переносить свет. Но не беспокойтесь за меня. Они никогда не схватят меня в моих туннелях! Я встречу с вами, как условлено, под музеем.

- Ты уверен, что...

- Не беспокойтесь, - повторил альбинос. - Я приду на встречу.

Джонсон бессильно развел руками, кивнул Дунтову, и они быстро покинули проход и углубились в пустынную улицу на уровне земли.

Джонсон бросил взгляд назад, в то время как Дунтов, не обращая больше на него внимания, быстро зашагал дальше, чтобы на ближайшем углу смешаться с толпой Опекаемых.

С того места, на котором находился сейчас Джонсон, была видна только голова мертвенно-бледного Ри и его тонкие руки, похожие на руки скелета. глядя на его лицо с крепко зажмуренными глазами, можно было подумать, что это какое-то подземное чудовище, распятое на солнце.

ГЛАВА V

Парадокс является основным вопросом Хаоса.

Грегор Марковиц.

"Хаос и культура".

- Таким образом, покинув Джонсона и оценив всю важность ситуации, я тотчас же затребовал к себе агента по связи и вызвал корабль для экстренных сообщений Братству и прибыл сюда, чтобы доложить вам об этом, Ответственные Агенты, - закончил свой рассказ Аркадий Дунтов.

Он еще раз взглянул на казавшиеся безучастными лица восьмерых Ответственных Агентов, сидевших вокруг все того же стола, вырубленного в скале. С наивностью послушной дрессированной собаки, он ожидал, что они тотчас же выразят свое удовлетворение - разве смерть Торренса не вела к возникновению беспорядков и усилению Хаоса? Разве тот факт, что Вице-Координатор будет убит Лигой, не является тем, что они называли фактором Случайности?

Однако семеро из восьми находившихся перед ним мужчин смотрели на него неприветливо, если не сказать недружелюбно.

Только на лице Главного Агента Роберта Чинга появилась еле заметная загадочная улыбка, непостижимая для большинства простых смертных.

НГана нарушил первым тяжелое молчание:

- Эта идея убить Торренса, Брат Дунтов, действительно ваша, а не Джонсона?

- Да, - ответил Дунтов.

Он чувствовал себя не в своей тарелке.

- Могу я тогда спросить вас, почему вы вдруг предложили этот план?

- К чему набрасываться на него? - сказал смуглолицый Агент с тонкими чертами лица по имени Фелипе. - Ты, как и все мы, прекрасно знаешь, какое у него задание - держать нас в курсе возможных происков Лиги и стараться всеми способами влиять на решения Джонсона, когда нам это необходимо. Поэтому Дунтов является весьма ценным агентом. Он подчинился полученным указаниям, предложив такой неожиданный план действий.

- Ты прав, - сказал НГана. - Однако, по нашему мнению, этот план абсолютно нереален. Зачем нам желать смерти Торренса? Будучи основной оппозиционной Кустову силой в Совете, он является важным источником факторов Случайности. Его смерть привела бы к усилению Порядка и к ослаблению социальной энтропии. А ведь не для этого, естественно, Брат Дунтов внедрен в Лигу!

- Ну уж! Твои доводы отдают упрощенством, Брат НГана. Ты забываешь, что Совет знает, что мы спасли Кустова. Если мы дадим Лиге убить основного врага Кустова, в данном случае Торренса, то создается впечатление, что мы выступаем на стороне Кустова. И это способно усилить Хаос. Каждый из оставшихся Советников начнет сомневаться и спрашивать, что же представляет собой Главный Координатор.

- Может быть, и так, - согласился НГана. - Однако, с другой стороны, смерть Торренса уничтожит источник Факторов Случайности в Совете, даже если мы создадим параллельно какой-нибудь другой. Основной вопрос, это выиграем ли мы или потеряем в результате его смерти? Другими словами, усилятся ли глобальное качество социальной энтропии?

Дунтов следил за этой дискуссией с возрастающим восхищением, изумленный при виде выявившихся противоречий, которые Ответственные Агенты видели в том, что с первого взгляда казалось ему не стоящим выеденного яйца. Мысли этих людей, казалось ему, вращались совсем в другом измерении. Для него служить Хаосу - значило сеять возмущение, страх и сомнение в лагере врагов. Но для Ответственных Агентов, казалось, Хаос был чем-то одушевленным. Чем-то таким, чему они повиновались так же, как сам он повиновался им.

И точно так же, как он являлся инструментом Агентов, так и они, казалось, были инструментом какой-то особой, сверхчеловеческой и абсолютно непонятной ему идеи. Тайна, которая окружала это непонятное явление, которое они называли Хаосом, только усиливала его желание служить ему. У него было такое чувство, что он встал на сторону непонятного Могущества, поставленного значительно выше всего человечества, могущества такого ужасающего, что оно должно было в скором времени проявить себя.

- Однако, самым хаотичным актом, - вмешался высокий Брат, которого Дунтов знал под именем Штейнера, - было бы организованное нами самим убийство Торренса. Это было бы самым иррациональным вмешательством. Кустов был бы поставлен в невыносимые условия: убийство, да еще с нашим участием, Вице-Координатора служило бы неоспоримым доказательством его сговора с нами. Совет выступил бы против него, может быть, приговорил бы его к казни. Торренса уже не было бы в живых, и Совет оказался бы в замешательстве, что действительно привело бы к Хаосу.

- Однако, это превратило бы наши действия в предвидимые, - возразил НТана. - То есть слишком ясные...

- Наоборот, потому что...

Роберт Чинг следил за этими дебатами, ни на минуту не выходя из своего состояния полнейшей невозмутимости, даже не обращая внимания на Ответственных Агентов, как будто его занимала какая-то другая мысль, которую даже эти люди не были в состоянии разделить с ним. Когда он начал говорить своим тихим и проникновенным голосом, тишина мгновенно воцарилась в зале.

- План Брата Дунтова, - сказал он, - содержит интересные и парадоксальные противоречия. - Он дружески улыбнулся в адрес Дунтова. - Даже тот факт, что он вызвал такую ожесточенную полемику среди вас, является для меня лишним доказательством того, что Брат Дунтов не совершил ошибки. В конце концов, Парадокс и Хаос очень близки друг другу. Хаос парадоксален, а Парадокс хаотичен. Да и самое простое определение закона социальной энтропии, которое приводит Марковиц, парадоксально само по себе: в области социальных отношений, как и в царстве физики, естественной тенденцией является такая, которая ведет к возрастающей энтропии (беспорядку). Поэтому, чем больше данное общество упорядочено, тем больше ему приходится тратить социальной энергии, чтобы поддерживать этот порядок, и тем больше нужно этого порядка, чтобы производить эту социальную энергию, причем эти две парадоксальные потребности будут взаимно влиять в виде экспоненциальной спирали. В силу этого общество с высоким уровнем упорядоченности обречено на постоянное его повышение и поэтому все меньше способно переносить Факторы Случайности по мере того, как цикл завершается". Откуда следует неизбежность Хаоса. То есть усиливающийся Порядок так же неумолимо ведет к Хаосу, как и ослабевающий. Все суть парадокс.

Дунтов старался думать так быстро, как это ему позволял его разум. Хоть он уже и неоднократно слышал каноническую формулировку Закона социальной энтропии, он ни разу не пытался подробно изучить произведения Марковица. Тем более никогда не приходилось ему рассматривать Закон с точки зрения его парадоксальности.

Ему сказали, что, следуя этому закону, любой акт, способный принести вред Порядку, служит на благо Хаосу. Ему никогда не приходило в голову, что Порядок - противоположность Хаоса - мог также хорошо служить Хаосу. До него еще не доходила полностью вся совокупность этого понятия, но именно его ограниченность и приводила его в странное состояние экстаза. Испытывали ли древние христиане аналогичные чувства по отношению к той самой сущности, которую они называли Богом? Было нечто невероятно вдохновляющее в мысли, что существует сверхъестественная сила, повелевающая всем, сила, которую можно использовать, но которую невозможно осознать. Каким же образом могла Гегемония эффективно противостоять Хаосу, когда сам факт противодействия служил ему самому?

- Я не понимаю, почему вы повторяете то, что все мы хорошо знаем, Главный Агент, - сказал Фелипе.

Однако в его голосе ни на минуту не исчезало глубокое и спокойное уважение к Чингу, как будто он не сомневался, что у Главного Агента есть причина так говорить - не потому ли, что Чинг всегда оставался Чингом?

- Потому что, - продолжал Чинг, - мы должны помнить, что действуем внутри парадоксов, которые сами функционируют в гуще других парадоксов. Не подлежит сомнению, что живой Торренс является источником Факторов Слу-

чайности в Совете. Ясно также, что убийство Торренса Братством породит другие Факторы Случайности в той мере, в какой оно вызовет подозрения Советников по отношению к Кустову. Вот вам очаровательный парадокс: с одной стороны, смерть Торренса повысит уровень социальной энтропии, однако, с другой, живой Торренс также является источником повышающейся энтропии. Именно в рамках этого парадокса мы и должны планировать нашу акцию.

- Мне кажется, - сказал НТана, - что мы просто должны выбрать решение, которое вызовет максимальный Хаос. Ведь фундаментальная стратегия заключается в постоянных попытках внедрения факторов Случайности в замкнутую систему Гегемонии - по крайней мере, до момента реализации проекта "Прометей". Мы же не можем следовать обоими путями.

- В самом деле, что же нам мешает? - сказал Роберт Чинг. - Мы оставляем Торренса в живых, и конфликт, который разгорается между нами и Кустовым, порождает Факторы Случайности. А если мы решим уничтожить Торренса? А еще лучше - если бы Братство и Лига решили уничтожить его вместе? Сначала мы лишаем Лигу ее триумфа, спасая Кустова, затем мы, казалось бы, заключаем союз с ней, и в то же время с Кустовым, потому что решаем вместе уничтожить Торренса: вот вам случайность в чистом виде!

- Я больше не успеваю за ходом ваших мыслей, Главный Агент, - сказал НТана. - Как же можем одновременно убить Торренса и оставить его в живых?

- Мы не обязаны доводить до конца нашу попытку, - ответил Чанг. - Хватит того, что мы сделаем вид, что хотим убить Торренса. Подумайте о возможных последствиях убежденности живого Торренса в том, что мы пытались убить его, а Кустова спасли! К тому же, если мы дадим Торренсу возможность спастись при попытке убить его агентами Лиги, а сами попытаемся убить его...

Еле заметные улыбки появились на лицах Ответственных Агентов. "Видимо, - сказал сам себе Дунтов, - они поняли, что он имеет в виду. Мне хотелось бы сказать то же самое о самом себе. Но так ли уж мне это нужно на самом деле? Ведь есть вещи, которые лучше не знать".

Борис Джонсон пробрался на платформу заброшенной станции метро и при свете своего фонаря увидел, что Майк Файнберг уже на месте, нагруженный двумя металлическими бидонами, большой кистью и небольшой металлической коробочкой.

- Ри еще нет? - спросил Джонсон.

- Я его не видел, - ответил Файнберг. - Я принес все необходимое, но без Ри ничего не получится. Я не в состоянии правильно ориентироваться в этих закоулках. Столько всяких переходов, а весь потолок покрыт пластиком. Как узнать, куда ставить заряд? А если Ри схватили Стражники?

- Это невозможно! - воскликнул Джонсон. - Во всяком случае, только не здесь. У Ри ведь не осталось почти ничего человеческого. Он в этом подземелье видит лучше, чем наверху. Но, если с ним что-нибудь случилось...

- Не беспокойтесь за меня! - раздался вдруг сзади свистящий шепот.

Джонсон резко обернулся в тот самый момент, когда призрачный силуэт Лаймана Ри появился из-за колонны. Этот человек и в самом деле передвигался, как призрак.

- Тебе не стоило бы развлекаться таким образом, - сказал Джонсон. - В один прекрасный день ты можешь расстаться со своей шкурой.

Ри громко рассмеялся.

- Это стало у меня как будто второй натурой. Но перейдем к более серьезным вещам.

Под предводительством альбиноса они вскарабкались по крутой лестнице, которая вела в просторное помещение, раньше соответствовавшее верхнему этажу станции. Потолком ему служил тот самый слой блестящего пластика, который странно контрастировал с окружающим беспорядком.

Наверху находился Музей Культуры. Тот самый.

Альбинос привел их к месту, где старинные турникеты отделяли станцию от выхода. Они перелезли через них, потом поднялись по нескольким ступенькам, которые неожиданно прерывались и исчезали в потолке: террористы уперлись в пол Музея.

Ри приложил к нему ухо и молча прислушивался в течение нескольких секунд.

- Да, - сказал он наконец. - Все правильно. Мы под залом для собраний, прямо под эстрадой. Слушайте! Начинает заполняться. Я различаю вибрацию от множества шагов, за исключением того места, которое прямо над нами. Это значит, что именно здесь находится трибуна. Нам повезло, и мы прибыли вовремя!

Джонсон еще раз восзился тонкостью слуха альбиноса и его безупречным знанием подземного мира. Гегемония заимела, безусловно, грозного врага, вынудив его укрыться в этих искусственных катакомбах.

- Что ж, прекрасно, - сказал Джонсон. - За работу.

Файнберг открыл один из огромных бидонов, обмакнул кисть в сероватую массу и начал обмазывать ею пластиковый потолок.

- Это нитропластик, - объяснил он, не прерывая своего занятия, - очень мощный и сохнет почти мгновенно.

Через несколько минут два на три метра поверхности потолка были покрыты полностью этим материалом. Файнберг оставил бидон и попробовал пальцем темно-серую поверхность.

- Ну, вот, готово, - сказал он. - Передай мне, пожалуйста, часовой механизм, Борис.

Джонсон протянул ему небольшую металлическую коробочку. На одной ее стороне виднелся циферблат со стрелкой, на другой - два острых металлических выступа.

Файнберг приложил часовой механизм к потолку, и он тотчас накрепко приспал к нему.

- Сигнал подается автоматически, - продолжал комментировать Файнберг. - Могу установить механизм между нулем и часом. Что ты об этом думаешь, Борис?

Джонсон задумался. Речь Торренса должна была, по всей видимости, начать-

ся через несколько минут. Скорей всего, он будет заниматься болтовней не менее часа. Надо было отрегулировать механизм таким образом, чтобы у них было время укрыться.

- Ну, скажем, полчаса, - сказал он.

- О'кей, - сказал Файнберг. Он повернул стрелку. - Теперь займемся реф- лектором. Передай мне кисть и другой бидон. - Он закрепил какую-то рези- новую деталь белого цвета на слой нитропластика.

Он старательно покрывал раствором из другого бидона каждый сантиметр су- хой взрывчатки.

- Не знаю точно, как она действует, но точно то, что она посылает в оп- ределенном направлении всю высвободившуюся в момент взрыва энергию. Тор- ренсу достанется весь заряд. Вполне можно остаться здесь, рискуя лишь тем, что несколько осколков пластика оцарапают нам рожи. Но наверху все будет по-другому. Они будут вынуждены выскрести потолок, чтобы собрать хоть что-нибудь из того, что останется от их Вице-Координатора!

Закончив свою работу, Файнберг осветил лучом фонаря сероватую поверх- ность: на ней нельзя было различить ни малейшей трещины. Даже часового механизма не было видно.

- О'кей, - сказал он. - Все нормально. Нам остается двадцать пять минут, чтобы удрать, после чего бай-бай, Джек Торренс.

Джонсон мечтательно и удовлетворенно улыбался, в то время как они спус- кались.

Теперь даже само Братство не могло спасти Торренса. Ничто не могло поме- шать взрыву, даже если бы удалось установить место, где заложен снаряд. И никто, кроме нескольких членов Лиги, не располагал такого рода сведе- ниями!

Джек Торренс вошел в просторный конференц-зал через боковую дверь, охра- няемую усиленным нарядом Стражников. Продвигаясь по центральному проходу к эстраде и установленной на ней довольно скромной трибуне, он с опреде- ленным удовлетворением отметил, что, несмотря на то, что зал был запол- нен только наполовину, все присутствовавшие Опекаемые были сгруппированы в непосредственной близости от трибуны таким образом, чтобы телевидение могло создать впечатление, что помещение переполнено.

Торренс поднялся на эстраду, занял место на трибуне и бегло просмотрел конспект речи, который лежал перед ним. Сегодняшней темой было "Положи- тельное влияние Порядка на созидание в искусстве".

Для Торренса все это было вздором.

Скорее всего, Опекаемые не очень-то обрадуются, узнав об ожидавшем их в скором времени установлении Глаз и Лучей во всех без исключения жилых помещениях, и сам он не одобрял генеральную линию по тем соображениям, что теперь ни один Советник не сможет критиковать даже равных себе.

Он также был против политики публичного издевательства над Лигой или Братством.

Ведь любая реклама могла в той или иной степени быть только на руку обе- им организациям. Оставалось только рекламировать, например, кремовые торты в качестве вида искусства. Как бы там ни было, Опекаемые не обра-

щали ни малейшего внимания на то, что говорилось. В таких случаях самым главным для выступавшего было показать свою физиономию на экране.

Торренс бросил взгляд в сторону группы телевидения. главный режиссер поднял указательный палец. Трансляция началась.

- Граждане Гегемонии, - начал Торренс, - я рад, что вас собралось сегодня так много в этом зале. Учитывая то, что искусство и культура составляют самые главные проявления человеческого разума, где еще могли бы они процветать, как под сенью Гегемонии Земли, наивысшего проявления человеческой цивилизации! Мы иногда забываем, что в варварскую эпоху Религии искусство, как и сам человек, находились во власти сотен догм и теорий, которые истощали друг друга в бесплодной борьбе. Нам трудно теперь представить, насколько искусство в те времена могло быть подчинено эстетическим традициям, предписываемым каким-либо бессмысленным культом или просто зародившимся в голове изгоев общества, которые...

Речь Торренса неожиданно была прервана суматохой в центре зала. Он увидел, как металлическая дверь того прохода, которым он только что воспользовался, стала раскаляться до вишнево-красного цвета, а затем с грохотом рухнула в зал.

В проеме показались силуэты двух мужчин в масках, вооруженных пистолетами.

Торренс моментально приложил указательный палец к горлу, давая этим знать телегруппе прекратить тотчас же трансляцию, затем бросился под трибуну, в то время как Стражники лихорадочно занимали позиции вокруг.

- Газы! - раздался чей-то вопль.

Опекаемые завизжали и в панике вскочили со своих мест.

Торренс рискнул выглянуть из своего убежища: в центре зала поднималось густое облако зеленоватого цвета. Сволочи, они применили нерволин: ведь попадание даже одной капли на кожу вызывало смерть.

Прямо под ним вскочившие со своих мест Опекаемые, пытаясь избежать угрожавшей им опасности, ревели от ужаса и создавали сутолоку.

Газовое облако достигло телегруппы, и операторы и техники попадали на пол, погибшие еще до того, как коснулись его...

Торренс почувствовал, как сердце у него ушло в пятки при виде надвигавшейся верной смерти, которая преграждала единственный выход.

Однако паника длилась недолго: те, кто бросил газовую гранату, плохо рассчитали, в самом деле, очень плохо. Этой тучи оказалось явно недостаточно, чтобы заполнить весь зал, и теперь газ быстро рассеивался. Вообще-то нерволин предназначался для подавления мятежей. Стражники использовали его для продвижения вперед, и действие его должно было быть строго ограничено, насколько возможно, во времени.

Чтобы произвести данный эффект, гранату следовало бросить в центр эстрады.

Однако бросок не удался. Отсутствие ли опыта бросавшего было тому причиной, или это быстро вмешались Стражники - как бы там ни было, покушение окончилось неудачей.

Торренс поднялся. Облако почти повсюду рассеялось. Да, вся телегруппа погибла, но сам он был жив и здоров, и Опекаемые начали успокаиваться. Торренс разразился нервным смехом, который не был в то же время лишен некоторого удовлетворения.

Это был один из тех промахов, которые обычно свойственны Лиге. Они даже не смогли...

Вдруг он увидел небольшой овоидный предмет, взлетевший над головами Опекаемых.

Он опять инстинктивно бросился под эстраду, но тотчас поднялся, сообразив, что опасный предмет был всего лишь бомбой-анонсом.

Сильный, с металлическим оттенком голос объявил:

- Смерть Совету Гегемонии! Хаос победит! Вице-Координатор Джек Торренс только что заплатил жизнью за свои многочисленные злодеяния! К вам обращается Братство Убийц!

- Братство? - пробормотал Торренс. - А как же Лига?

он быстро махнул рукой Стражникам:

- Немедленно эвакуируйте зал! никогда нельзя заранее ничего предвидеть с этим Братством! Вон отсюда, да побыстрее!

Торренс бегом спустился по лестнице, окруженный Стражниками, и устремился к выходу.

Они пробежали через холл, и Торренс обернулся, чтобы посмотреть, что происходит, в то время как ошеломленные Опекаемые начали выбираться из зала.

Торренс подождал, пока все они покинули здание. "Проклятая игрушка! - подумал он. - Что бы все это могло значить? Сначала Братство спасает Владимира Кустова, потом пытается убить меня. В конце концов, я не ошибался: очень может быть, что Владимир действительно спелся с Братством. К счастью, эти кровавые догматики не более опытные, чем их собратья, шуты гороховые, из банды Джонсона... Однако, надо что-то делать. Может быть... Ну, да, в сговоре Владимир с Братством или нет, я вполне могу извлечь определенную выгоду из всего этого. Почему бы и нет? Не прямая улика, однако улика. По крайней мере, довольно серьезное предположение. Я могу надеяться, что уговорю Горова вступить в союз со мной. И будет шестеро против четырех. Тогда достаточно, чтобы хотя бы один человек перешел в наш лагерь, чтобы ситуация осложнилась: Совет будет парализован, возникнет необходимость организовать всеобщие выборы. И, может быть...

- Эвакуация закончена! - доложил Стражник в чине капитана, который командовал личной охраной Торренса. - Надо ли...

БРУММ!

Чудовищной силы взрыв раздался в зале, после чего послышался грохот рушащегося потолка. Огромная туча дыма вместе с обломками самых различных предметов вырвалась из раскрытой двери зала, в то время как само здание закачалось на своем фундаменте. Волна опрокинула Торренса, а гиганты, окружавшие его, с трудом сохранили равновесие.

Как попавший в нокдаун боксер, Торренс с трудом встал на ноги и, пошаты-

ваясь, подошел к дверному проему, ведущему в зал.

Сквозь густой дым он различил провал, зиявший на том месте, где была эстрада.

Прямо над ним через дыру в потолке был виден коридор второго этажа.

Протирая глаза, Торренс отступил назад.

Во всем этом не было никакого смысла.

Мина, взорвавшаяся после попытки Братства отравить его газом? Зачем?

Если только мина не была подложена Лигой: два покушения с интервалом в несколько минут! Но это и был единственный логичный вывод. Убийцы не могли быть авторами обоих покушений. Они должны были опасаться, что, если вариант с газом не удастся, зал тотчас же будет эвакуирован: незачем подкладывать бомбу, чтобы успех был верным.

Несмотря на только что пережитые две попытки покушения на его особу, у Джека Торренса вырвался короткий и сухой смешок.

Неудачное покушение Братства спасло ему жизнь! Если бы этого не случилось, он остался бы на эстраде, на том самом месте, где взорвалась бомба.

Он скривился. Это нисколько не принижало важности дела: Лига начинала нагнать. По крайней мере, в этом вопросе Владимир прав: этих бродяг необходимо нейтрализовать как можно скорее. Неважно, какой ценой! Ведь они могли начать снова в любое время!

Когда с ними будет покончено, наступит время всерьез заняться Братством.

Владимиру придется попотеть, чтобы доказать отсутствие сговора с Убийцами, безоговорочно отрицать который теперь не смогут даже самые верные его последователи. Даже если не удастся ничего доказать, подозрения останутся.

"Когда с Лигой и Братством будет покончено, - подумал Торренс с ликованием, - наступит черед мистера Кустова Владимира!"

ГЛАВА VI

Может быть, вполне благоразумно ввести чистейшую случайность во все ваши действия, когда вы вступаете в противоборство с существующим порядком.

Сложность заключается в том, что случайность, по самой ее сути, невозможно запланировать.

Во всяком случае, человеческая эмоциональность является Фактором Случайности: таким образом можно сказать, что удовлетворение потребностей своей собственной эндокринной системы равносильно служению Хаосу.

Грегор Марковиц.

(Теория).

"Абсурдно, совершенно абсурдно!" - повторял про себя Константин Горов, слушая разглагольствования Джека Торренса: несмотря на то, что он, казалось бы, обращался к самому Кустову, было ясно, что на самом деле Ви-

це-Координатор говорил все это, имея в виду настроения остальных членов Совета.

- Я начинаю спрашивать себя, почему тебе так не терпится положить конец действиям Лиги, Владимир, тогда как в Братстве ты склонен усматривать всего лишь несущественную помеху?

Лицо Торренса выражало неподдельную ярость, которая для холодного и беспристрастного наблюдателя вроде Горова могла быть только наигранной.

- Если только именно для тебя это и есть на самом деле несущественная помеха.

"Кустов нахмурил брови - комедия продолжается", - подумал Горов.

- Что ты имеешь в виду? - проговорил глухим голосом Главный Координатор Гегемонии.

Торренс выдержал вполне театральную паузу и обвел взглядом каждого из членов Совета. Когда его взгляд остановился на Горове, у последнего исчезли последние сомнения в том, какие мысли бродили в изощренном уме Вице-Координатора. Ну и наворотили! Непосвященный наблюдатель неизбежно заключил бы, что у Совета Гегемонии нет других дел, как служить полем боя между такими дураками, как Торренс и Кустов.

- Я ничего не подразумеваю, - ответил, наконец, Торренс. - Я удовлетворюсь тем, что просто излагаю факты, а уж Совет сделает выводы. Факт первый. Демократическая Лига пыталась уничтожить тебя, Владимир Кустов, а Братство спасло. Тогда вполне понятно, что у тебя может возникнуть некоторая, скажем, слабость по отношению к братству. Факт второй: все здесь знают, что мы с тобой являемся в какой-то мере соперниками, но в рамках строгого уважения законности, безусловно. Факт третий: спасая тебе совсем недавно жизнь, Братство только что предприняло попытку покушения на мою жизнь. Но я далек, естественно, от мысли делать из этого преждевременные выводы. Каждый из присутствующих здесь достаточно умен, чтобы быть абсолютно объективным.

- Довольно клеветнических намеков, Торренс! - Кустов вспыхнул, затем более спокойным тоном сказал: - Позволю себе напомнить тебе, что Демократическая Лига пыталась уничтожить нас обоих. Именно Лига является главной опасностью. Братство же всего лишь сборище мистических фанатиков, акты которого вообще невозможно предсказать.

Он посмотрел Торренсу прямо в глаза и язвительно усмехнулся:

- Я должен напомнить вам, уважаемый мистер Торренс, что, нравится вам это или нет, я пока еще являюсь Главным Координатором Гегемонии, и ваши обвинения в предательстве вполне могут обернуться против вас. Берегитесь. На вашем месте я обратил бы внимание на мои слова.

- Кто говорит о предательстве, Владимир? - довольно беспечно отозвался Торренс. - Предать кого, предать что? Опекуна? Или просто Владимира Кустова? Если только это не само Братство...

- На этот раз ты потерял меру! - взревел Кустов.

Его лицо побагровело от ярости, которая на этот раз не была деланой.

Константин Горов больше не мог сдерживаться. Эти идиоты шли на поводу у Братства и даже не отдавали себе в этом отчет!

- Господа, прошу вас! - вмешался он. - Вы что же, ничего не понимаете? Разве вы не видите, что именно для этого Братство спасло вам жизнь, Советник Кустов, и именно для этого пытались убить Советника Торренса? Если только действительно пытались...

- Что значит эта старческая болтовня, Горов?

Кустов возмутился.

- Опять эти вздорные теории Социальной Энтропии? Честное слово, как будто перед нами выступает один из членов их полоумной секты! Я уже задаю себе вопрос, не поверил ли ты всерьез во все эти измышления о "неизбежности Хаоса", родившиеся в больной голове некоего Марковица?

- Чтобы эффективно противостоять фанатикам такого рода, - продолжал Горов все так же спокойно, - нужно понять их учение. Если этого не сделать, будет абсолютно невозможно предвидеть их действия.

- А ты, несомненно, способен предвидеть их действия? - бросил Торренс с презрительной ухмылкой.

- До некоторой степени, - ответил Горов. Он был все так же невозмутим и не обращал внимания на сарказм. - Теория Социальной Энтропии указывает, что упорядоченное общество, такое, как Гегемония, допускает все меньше и меньше присутствия случайности по мере того, как оно усиливает свое могущество. Вполне естественно, что стратегия Братства базируется на постоянных попытках внедрять такие факторы. То есть не надо быть большим умником, чтобы предсказать, что все их действия должны носить отпечаток стихийности, непредсказуемости.

- Все это диалектический ветер и ничего другого! - воскликнул Советник Уланужев.

"Но как же они могут быть такими слепыми?" - спрашивал себя Горов. Тем не менее он продолжал все тем же решительным тоном:

- Вовсе нет. Данное дело является прекрасной иллюстрацией логики Братства, или, если вам угодно, ее намеренного алогизма. Делая вид, что они выступают на стороне Координатора, то есть против Торренса, они сеют семена раздора в Совете. А вам не остается ничего иного, как с закрытыми глазами рваться в бой. Вы не видите, что...

- Хватит глупостей! - прокудахтал Кустов.

- Хватит, хватит! - угодливо подхватили некоторые Советники.

- На этот раз я разделяю мнение нашего уважаемого Координатора, - сказал Торренс. - Все это излишние мудрствования. Встает следующий вопрос - и именно тебе я его задаю, Владимир: намерен ли ты поставить на одну доску вопрос нейтрализации Братства и Лиги?

- Не может быть речи о том, чтобы трогать Братство до тех пор, пока мы не покончим с Лигой, - ответил Кустов холодно.

Торренс сделал вид, что озадачен.

- Ага, у тебя есть, конечно же, веские доводы...

- Если бы ты был способен хоть немного отвлечься от своих личных амби-

ций, ты легко понял бы причину, - ответил Кустов. - Она ясна: пока существует Лига, Братство служит нам. Опекаемые в состоянии понять мотивы, которые вдохновляют сторонников Лиги: речь идет просто-напросто об уничтожении царства Гегемонии. Тогда как, даже если предполагать, что у Братства есть какая-то цель, все равно никто не сможет понять, какая именно. Но, по мнению Опекаемых, это просто банда фанатиков, подчиняющихся непонятным законам. Будет лучше, если все неурядицы мы станем приписывать древним сектантам, чем организованному рабочему движению. Братство является для нас козлом отпущения, удобным и относительно беззащитным. Как только Лига будет нейтрализована, обещаю тебе, что приоритет будет тотчас же отдан уничтожению Братства. Но не раньше.

- И когда же наступит этот радостный день? - осведомился Торренс. - Можно помешать Лиге проявлять себя уж очень явно, но потратить миллиардные суммы, чтобы искоренить ее окончательно. В первую очередь следовало бы обезглавить ее, но как поймать главарей в подземных лабиринтах, где они прячутся? Всего их насчитывается несколько тысяч, в том числе две или три сотни человек, занимающих определенные посты по всей Гегемонии. Не пытаешься ли ты таким образом отложить на неопределенный срок тот момент, когда надо будет всерьез заняться Братством?

Кустов снисходительно усмехнулся.

- Да нет же, - сказал он с таким выражением, как будто обращался к маленькому ребенку. - Мы скоро покончим с Лигой. Для этого необходимо заманить всех ее главарей в подготовленную заранее западню, которой не сможет избежать сам Борис Джонсон. И, как только движение будет обезглавлено, оставшиеся продержатся недолго.

Горова начала впечатлять уверенность, с которой держался Главный Координатор.

- Есть у тебя готовый план? - спросил он.

- Министерство Опеки и Главный Опекун Системы занимались этим, - ответил Кустов. - Удалось разоблачить одного агента Лиги, который работает в отделе Министерства на Меркурии - то есть в пункте, который особенно лихорадит.

- Его взяли живьем? - спросил Советник Кордона.

- Его вообще не стали брать, - сказал Кустов. - Он больше полезен нам там, на свободе. Ведь мы охотимся за более крупной дичью. Так вот, Совет Гегемонии соберется на Меркурии через два месяца.

- Что? - воскликнул Торренс. - На Меркурии? Но мы никогда еще не собирались на этой дурацкой планете. Там ведь один купол самый последний из оборудованных Гегемонией и самый маленький. Есть местечки и получше. Он так близко от Солнца, что я понимаю, почему Опекаемые не рвутся туда. Должен признаться, что касается меня...

- Именно там мы и устроим засаду, - продолжал Кустов. - Мы объявим с большой помпой, что собираемся на Меркурий, чтобы показать, что купол совершенно пригоден для жизни.

- Я не могу сказать, что твоя идея вдохновляет меня, - возразил Торренс.

- Пространство слишком ограничено, ситуация ненадежная. Лиге будет достаточно сосредоточить там хотя бы часть своих сил, чтобы мы все пропали...

- Вот именно, - сказал Кустов с торжеством в голосе. - Именно этим и будет руководствоваться Борис Джонсон. Еще одним доводом будет для него наличие, как он думает, неопознанного агента в здании Министерства, то есть именно там, где будет происходить наше собрание. Он схватит наживку - и конец Демократической Лиге, конец всем неприятностям - окончательно и бесповоротно!

- Так наживкой будем мы сами, если я тебя правильно понял! - воскликнул Торренс.

Ропот возмущения послышался со всех сторон. Даже Константин Горов не знал, какой стороны ему держаться. Он понимал, конечно, что сам Совет Гегемонии был наилучшей приманкой: Лига не сможет удержаться от такого соблазна. Но ловушка должна быть без изъянов.

- Господа!

Кустов стукнул по столу молоточком, чтобы положить конец шуму.

- Даю вам слово, что в этом нет ни малейшей опасности. Ловушка будет безупречной.

Он снисходительно улыбнулся.

- Как только я введу вас в курс дела, сам Вице-Координатор, я уверен, не сможет ничего возразить.

Советники во главе с Торренсом были настроены скептически, но в конце доклада Кустова единогласно проголосовали "за". Торренс только поворчал для вида.

Борис Джонсон ощупывал в темноте стену туннеля старинной станции метро Четвертой улицы. Наконец его пальцы нашли щель, которая казалась чуть глубже, чем сотни других таких же на этой стене.

Он слегка раздвинул ее кончиками пальцев. Огромный каменный блок сдвинулся с места, приоткрывая вход в узкий коридор, терявшийся во мраке. Джонсон протиснулся в него, задвинул за собой плиту и, с фонариком в руке, двинулся вглубь.

Этот проход, который существовал всего два года, вел в самое секретное из мест сборов Лиги в лабиринтах под Большим Нью-Йорком. Это был небольшой искусственный грот, случайно обнаруженный года три назад. Не было найдено никаких его следов даже на самых старинных картах.

"Историки" Лиги предполагали, что он был прорыт беглыми рабами задолго до начала Войны за Освобождение. Таким образом, место было вдвойне надежным: с одной стороны, никто, кроме Лиги, не знал о его существовании, а с другой, даже если бы Стражники заняли станцию Четвертой улицы, вероятность обнаружения входа в галерею была ничтожной.

Естественно, это была не прогулка при луне, однако игра стоила свеч. На этом этапе операции нельзя было пренебрегать никакой осторожностью; наконец-то представлялся случай уничтожить одним ударом весь Совет Гегемонии. Риск был невероятным, однако, в случае успеха, дело борьбы продвинулось бы на годы вперед. И даже, может быть, Гегемония развалилась бы сама собой, как только она окажется лишенной Совета, который был ее единственным управляющим органом.

Наконец Джонсон добрался до цели: узкая галерея выходила в полукруглое

помещение длиной три или четыре метра и высотой не более двух. Купол был сложен из красно-коричневого кирпича, а полом служил слой влажной утоптанной глины. Было сыро, но не холодно: тепла двадцати человеческих тел, которые сгрудились в этом замкнутом пространстве, вполне хватало, чтобы поддерживать температуру на допустимом уровне. Здесь присутствовали все командиры отделений, которых удалось быстро собрать, а кроме того, естественно, Аркадий Дунтов и Энди Майсон. Последний был заведующим Отделом Фальшивых Бумаг Лиги.

Наигранно ворчливым тоном он обратился к Джонсону:

- Надеюсь, что у тебя были весьма веские причины, чтобы заставить нас спуститься в эту крысиную нору. Ведь здесь адская жара!

- Что касается причин, то я не думаю, что могут быть более веские, - ответил Джонсон. - Ставлю вас в известность, что у меня есть готовый план ликвидации одним ударом всех десяти Клоунов Совета Гегемонии!

Это заявление вызвало, по меньшей мере, всеобщее изумление.

- Ты рехнулся! - воскликнул Мануэль Гомес. - И для того, чтобы рассказать этот анекдот, ты приволок нас сюда? Ты что, ушибся, или еще что-нибудь?

- Смотрели ли вы в телевизор в последние дни? - отозвался Джонсон как ни в чем не бывало. - И газет вы не читаете? Через два месяца Совет Гегемонии должен собраться на Меркурии. Они хотят показать, что эта планета так же гостеприимна, как и любая другая. Но мы сделаем так, что гостеприимной она совсем не будет - для них, во всяком случае.

- Конечно, мы в курсе, для чего ты нас собрал, - сказал Гомес. - А дальше что? На каждой планете есть Зал Совета с идеальной защитой, который расположен в соответствующем Министерстве Опек. И ты можешь быть уверен, что за пределами здания они будут перемещаться только в окружении толпы Стражников, которые ни на шаг не отойдут от них. Ни малейшего шанса взять их в таких условиях...

- Все так и есть, - отозвался Джонсон. - Они будут ждать нашего нападения во время передвижения и будут готовы к встрече в таких условиях. - Он сделал паузу. - Поэтому мы нападём на них в самом здании Министерства.

- Немыслимо!

- Чистейшее безумие!

- Ни малейшей надежды на успех!

- Ты окончательно потерял голову, Борис! - сказал Аркадий Дунтов. - Ведь нет ни одного коридора, ни одного помещения, ни одного угла в здании, которые не были бы начинены глазами и Лучами. Нельзя позволить себе даже выглядеть подозрительно. Если мы решимся на такой штурм-самоубийство, мы не пройдем и трех метров. Твой план - абсолютная утопия!

- Именно этого мнения и будет придерживаться Совет, - возразил Джонсон. - И именно поэтому мой план удастся.

В глубине души он даже испытал удовлетворение от реакции на свое сообщение: если уж самые решительные его сторонники принимали командира за сумасшедшего, то Совет будет полностью захвачен врасплох.

- А что это за план? - спросил Гомес. - Что конкретно ты предлагаешь, чтобы избежать смертоносного действия Глаз и Лучей, расположенных в каждом помещении, в каждом коридоре?

- Это не совсем так, - ответил Джонсон. - В здании есть две комнаты, в которых их нет.

- Да?

Аркадий Дунтов удивился.

- В самом деле. Во-первых, сам Зал Заседаний Совета. Клоуны, которые там совещаются, не хотят, чтобы все их высказывания и поступки записывались ЭВМ. Ты можешь быть уверен, что уж они-то не лишают себя удовольствия совершать Запрещенные Акты.

- Ну и что? Какой нам толк от этого? - вмешался Майк Файнберг. - Ты же знаешь, какая охрана выставляется вокруг каждого Зала Заседаний. Рядом с каждым из них, а также по нижнему и верхнему этажу, проходят коридоры с системой контроля особого свойства. Достаточно, чтобы кто угодно, даже Стражник, углубился в один из них, чтобы все они тотчас были затоплены радиоактивными лучами. Конечно, если очень постараться - и если очень повезет - можно внедрить наших людей в здание. но от этого преграда в виде страшных коридоров не станет менее преодолимой.

- А что станет с Советом, когда радиация распространится по всем помещениям? - спросил Джонсон.

- Не будь идиотом, Борис! - воскликнул Файнберг. - Ты же прекрасно знаешь, что Зал Заседаний полностью защищен свинцовым экраном толщиной шестьдесят сантиметров. Они спокойно отсилятся в нем в ожидании окончания тревоги. У них там есть все, чтобы высиживать несколько суток, я думаю.

- А чем они будут дышать все это время? - спросил Джонсон. - Пустотой?

Он почувствовал, что лица присутствующих посерьезнели, и абсолютная тишина наступила в помещении.

- Это вполне в стиле Гегемонии, - продолжал Джонсон. - Настоящая одержимость своей безопасностью, доходящая до мании, и наряду с этим явный просчет. Как только начнется штурм снаружи, они тотчас же забарикадируются в своем дзоте. А когда они запрутся, где же они возьмут воздух для дыхания?

Никто не проронил ни слова.

- Нам удалось внедрить одного из наших людей в Министерство Опек Меркурия, - продолжал Джонсон. - Он работает в системе обслуживания. Как только я узнал о замыслах Совета, я затребовал у него детальный план здания. Итак, когда Зал Заседаний изолирован, воздух поступает по запломбированным трубопроводам. Компрессорная находится двумя этажами ниже. Нет никакой надобности пребывать в сам зал, достаточно добавить немного смертоносного яда в воздух.

- Да, но как? - сказал Файнберг. - Как только мы проникнем в компрессорную, Лучи начнут действовать...

- Думай, ну, думай же! - воскликнул Джонсон с нетерпением в голосе. -

Откуда там Лучи? Ведь в случае тревоги жизнь Членов Совета зависит только от бесперебойной работы аппаратуры в этом помещении. Ты думаешь, они пошли бы на риск установки там Глаз и Лучей? Нет, они удовольствуются тем, что пошлют туда полдюжины Стражников, чтобы следить за несколькими техниками, которые там работают. Естественно, дверь и стены этого помещения защищены свинцовым экраном на тот случай, если что-то приведет в действие Лучи, расположенные в соседних коридорах. Если нам удастся провести человек десять наших людей к этому месту, нам останется только прикончить Стражников, запереть экранированную дверь и пустить газ в систему вентиляции, после чего конец Совету Гегемонии.

- Да, но как именно пробраться туда? - спросил Гомес. - Ведь как только мы нападём, придут в действие Лучи в коридоре.

- Файнберг, ты специалист, - сказал Джонсон. - Сколько времени проходит между тем моментом, когда Глаз регистрирует Запрещенное Деяние, и реакцией соответствующего Луча?

- Максимум от двух до трех секунд, - ответил Файнберг.

- А сколько до того момента, когда доза радиации становится смертельной?

- Скажем, не более двух секунд.

- Что же, - сказал Джонсон, - у нас есть пять секунд между началом нашей операции и тем моментом, когда дверь захлопнется за нашими спинами.

- Так это же просто неосуществимо, - сказал Файнберг. - Не может быть и речи о том, чтобы взорвать дверь или расплавить ее лазером за это время. К тому же, я думаю, мы не должны этого делать по той причине, что дверь должна остаться невредимой, чтобы выполнять свою роль экрана от радиации.

- Абсолютно правильно, - согласился Джонсон. - А если дверь уже открыта? Тогда шесть человек вполне могут быстро войти и закрыть ее менее, чем за пять секунд, не правда ли?

- Несомненно, - ответил Файнберг. - Но как практически это произойдет? Мы постучим и вежливо попросим Стражников впустить нас? Ведь может так случиться, что Опекун расценит это как Запрещенное Деяние.

- Не беспокойтесь об этом, единственное, что мне необходимо знать, это возможно ли наделать достаточно фальшивых документов, чтобы высадить двести человек на Меркурии до начала официальных празднеств? Что ты об этом скажешь, Мэйсон?

- Нелегко, но осуществимо, - ответил Мэйсон. - Остается проблема двери. Меня тоже это беспокоит.

Улыбка Джонсона стала шире.

- Я уже упоминал о нашем человеке в системе обслуживания Министерства, не так ли? Так вот, его зовут Джереми Дэйн, и он работает как раз в компрессорной!

Улыбка Джонсона стала еще шире, а суровые лица, окружавшие его, стали терять выражение недоумения, стали мягче. Заговорщики переглядывались. Они начали разделять его веру. Выложив этот последний козырь, он превратил выглядевший до сих пор утопический проект в реальность.

В то же время это было нечто новое, к чему надо было еще привыкнуть: после десяти лет неудач и огорчений, провала даже менее амбициозных предприятий дело, казалось, должно было завершиться верным успехом. Но в плане Джонсона не было, с виду, никаких недочетов.

Аркадий Дунтов перевел дыхание и с некоторой нервозностью обвел взглядом непроницаемые лица восьми Ответственных Агентов Братства Убийц. Семеро из них, казалось, погрузились в глубокое раздумье, как будто пытались взвесить значение только что полученной информации. И только восьмой, Роберт Чинг, спокойно улыбнулся.

- Так вот, - подвел итог Дунтов, - Джонсон планирует уничтожение Совета Гегемонии посредством газа. Предприятие безнадежно самоубийственное, но это не заставит отступить такого, как он, фанатика.

- Каково ваше мнение, Главный Агент? - сказал Брат Фелипе.

- Действительно, что вы об этом думаете, Главный Агент?

Все взгляды были обращены на Чинга, все ждали, что он ответит.

Однако, когда Чинг заговорил, оказалось, что обращается он только к Дунтову, пристально глядя на него взглядом проникновенным и слегка обеспокоенным.

- А вы, Брат Дунтов, вы что скажете? Ведь вы присутствовали, вы хорошо знаете Бориса Джонсона.

- Что я скажу? О чем, братья? - пробормотал сконфуженный Дунтов.

- Начнем с плана Джонсона, - сказал Роберт Чинг.

Дунтов обратил внимание на то, что вопрос не был задан ему конкретно, и он начал думать вслух:

- Что ж, нет сомнений, это довольно сложно. Однако, атакуя здание снаружи, они действительно вынуждают Совет запереться в спасительном для него Зале Заседаний. Если им повезет, и если организация будет достаточно четкой, им может удастся ввести своих агентов в компрессорную. Конечно, не все может пойти, как по маслу, но ведь они привыкли к такого рода действиям. А уж оказавшись на месте и пользуясь эффектом внезапности, они без особых затруднений смогут разделаться со Стражниками, а затем судьба Членов Совета станет пустой формальностью. Просто надо проникнуть в компрессорную до того момента, когда уровень радиации дойдет до опасного уровня. Если у них это получится, то их план увенчается успехом. А так как у них там есть свой человек...

- Н-да, - сказал Роберт Чинг. - Прекрасный анализ, Брат Дунтов. В целом вы различили все нюансы, не правда ли, Братья?

Дунтов обвел взглядом Ответственных Агентов и заметил в выражениях их лиц отблески своего собственного сомнения.

Роберт Чинг также обратил внимание на всеобщее недоумение и рассмеялся.

- Так вот, друзья мои. Жизнь Совета висит на ниточке. Демократическая Лига мигает ва-банк. Речь идет о сотнях жизней. И все это зависит от одного человека. От одного!

Вдруг Дунтов понял. Ведь это было предельно ясно: все зависело от Джере-

ми Дэйда!- От агента Лиги, который работает в компрессорной, - пробормотал он.

- Вот суть проблемы, - сказал Роберт Чинг. - Так вот, если, благодаря этому самому Дэйду, Джонсону и его людям удастся попасть в помещение, Совет обречен. Если же Дэйду не повезет, значит, Джонсона и его людей ждет верная смерть, а Гегемонию - триумф. Один-единственный человек, от которого зависит успех или провал операции. Это ничего не напоминает вам, Братья?

- Рука Хаоса! - воскликнул Смит. - Его величие случай во всем своем блеске! С одной стороны - Лига со своими людьми, которых она бросает в бой, Лига со своим невероятно сложным, если не сказать - ненадежным, планом, а с другой - Гегемония со всеми своими возможностями и своей гигантской организацией подавления, а в центре всего этого - жалкий индидуум, который является всего лишь простой пешкой на шахматной доске!

Роберт Чинг опять улыбнулся.

- Я бы не сказал, что это правильно. Подумайте только: перед вами Гегемония со своими строгими порядками, членами Совета с их параноидальной одержимостью безопасности. Не кажется ли вам как минимум странным, что они выбирают для собрания единственную планету, где у Лиги есть агент, внедренный в самое решающее место? Не кажется ли вам странным, что этот агент до сих пор не обнаружен? Подумайте. При совпадении такого количества случайных факторов - не имеем ли мы основания различать во всем этом руку Порядка, замаскированную под видом Хаоса?

- Что вы имеете в виду, Главный Агент? - спросил Брат Фелипе.

- Задумайтесь сами, - продолжал Чинг. - Какую более соблазнительную приманку можно предложить Лиге, чем Совет Гегемонии в полном составе, поданный практически как будто на закуску? Каким бы наивным он ни был, мистер Джонсон сам почувствовал бы ловушку, если бы не был уверен, что у него есть решающий фактор в лице мистера Джереми Дэйда! Но, предположим, этот мистер Дэйд тоже попадает в ловушку. Тогда в чью же пользу оборачивается этот решающий фактор, в пользу Лиги или в пользу Гегемонии?

- Ну, конечно, - воскликнул Дунтов. - Теперь ясно, что это ловушка.

Чинг кивнул.

- Да, я тоже так думаю. Мы не знаем, естественно, всех деталей, но мы должны верить в способности Гегемонии и в то, что ловушка сработает. В этом отношении мистеру Джонсону есть чему поучиться у Кустова. Но главный вопрос для нас вот в чем: в каком направлении мы должны действовать?

- Самым справедливым, может быть, было бы вообще не вмешиваться, - высказался Н'Гана. - С первого взгляда может показаться, что Лига является силой, оппозиционной Гегемонии, но, если анализировать ее действия с точки зрения социальной динамики в свете теории Марковица, то можно сделать вывод, что она действует на самом деле как предвиденный фактор - подпольная оппозиция - и поэтому способствует снижению социальной энтропии. Пусть Гегемония делает все, что хочет: исчезновение Лиги только нам на руку, особенно в данный момент, когда близится к концу разработка проекта "Прометей".

- Твоя аргументация не лишена смысла, - согласился Роберт Чинг. - Н-да. В самом деле, Лига обречена, а случай, который представляется для ее полной нейтрализации, стоит многих других. Однако, мне не хотелось бы

отдавать преимущество и Гегемонии в этой операции. Это было бы равнозначно усилению Порядка. К тому же, если Лига и должна исчезнуть как социальный фактор, то я совсем не желаю смерти Борису Джонсону...

- Я что-то совсем не узнаю вас, Главный Агент!

НТана усмехнулся.

- Можно подумать, что у вас есть какая-то слабость к этому типу!

Чинг улыбнулся.

- А разве нельзя хотя бы иногда позволить себе что-нибудь в таком роде? Этот человек меня трогает: он двигается наугад во тьме, чтобы способствовать триумфу Демократии, о которой он ничего не знает. Он даже не может опереться на Теорию Социальной Энтропии, чтобы укрепить свою веру в неизбежное падение Гегемонии. Вся деятельность Демократической Лиги является длинным перечнем провалов. Однако он не опускает руки. В конце концов, неудачливая храбрость является также фактором Случайности. Как героизм. Как чистое и простое ослепление. А в Джонсоне сочетаются эти три достоинства. Или недостатка. К тому же, если судить объективно, он ведет борьбу, параллельную нашей. У нас общая цель - падение Гегемонии и всеобщая свобода. Несмотря на все его недостатки, разве не заслуживает такой человек, нечто большего, чем бесславная смерть в лапах Гегемонии?

Брат Фелипе рассмеялся.

- А вы уверены в том, что не рационализировали произвольно обычное чувство фатализма, Главный Агент?

Роберт Чинг улыбнулся и пожал плечами.

- Еще раз я оказываюсь во всем виноватым. Но подумайте сами: разве сама аффективность не является фактором Случайности? Спасая Бориса Джонсона, без достаточных на то оснований, разве не следуем мы закону Хаоса? Важное уточнение: я ведь предлагаю спасти не Лигу, а только Бориса Джонсона. Лига должна исчезнуть, но Гегемония не должна извлечь из этого выгоду. У нас особая роль. На этот раз мы открыто примем сторону Лиги. К тому же, мы должны получить перевес как над Лигой, так и над Гегемонией. Мы указываем победителя и побежденного, однако и победитель может быть неудачником!

- Мне кажется, что у вас уже есть готовый план, Главный Агент, - сказал Фелипе.

- Конечно, - ответил Роберт Чинг. - Это будет самый хаотичный акт, который мы когда-либо осуществляли, акт, который понравился бы самому Марковицу. Я даже осмеливаюсь утверждать, что невозможно сделать ничего более хаотичного, кроме, разве что, Всеобщего Хаотичного Акта.

Затем он продолжал, повернувшись к Дунтову:

- Я считаю, что для вас настал момент порвать с Демократической Лигой, Брат Дунтов. Мне кажется, что будет справедливо, если мы доверим вам руководство нашей небольшой экспедицией на Меркурий. До сих пор вы служили Хаосу в тени - и вы хорошо служили ему. Теперь вы будете служить ему открыто. У меня есть некоторые планы на ваш счет. Планы в масштабе Галактики.

Дунтов был ошеломлен. Он в растерянности покачал головой, как лунатик.

Он чувствовал, что чудо захватывает его, - то самое чудо, которому он до сих пор служил всей душой, слепо, безоговорочно веря в него. И эта вера была вознаграждена!

Однако у этого нового чувства был в то же время небольшой горьковатый привкус. Ведь эта вера в грандиозную неизвестность была его единственным и достаточным смыслом жизни. Усилится ли она или уменьшится в контакте с людьми, живущими с Хаосом в таком единстве, о котором он до сих пор не осмеливался даже мечтать?

Если кто-либо спрашивает у вас, как же люди с их несовершенными органами чувств могут убедиться в присутствии этого самого Хаоса, о котором вы ему рассказываете, покажите ему усыпанное звездами небо - ведь именно в пустыне бесконечного космоса сияет лик Хаоса...

Грегор Марковиц.

"Хаос и культура".

На юго-западе Большого Нью-Йорка, намного дальше того места, которое когда-то называлось Ньюарком, монотонная равнина Нью-Джерси представлялась заинтересованному взгляду в виде нескончаемой гряды просторных и низких зданий, стеклянные крыши которых блестели и переливались под солнечными лучами: это были многие километры гидропонических оранжерей.

Некоторое оживление было здесь заметно только на ленте-экспресс движущегося тротуара, которая на высоте многих десятков метров пересекала эту переливавшуюся равнину. Вел этот тротуар только к городскому космопорту.

В данный момент Борис Джонсон катился по этой ленте-экспресс, опустив голову, чтобы мерцающие отблески не слепили, как фары встречных автомобилей.

Его багаж следовал за ним по багажной ленте, но три действительно самых дорогих для него предмета были спрятаны в его одежде.

В каблуке его левой туфли находилась ампула со смертоносным газом. Разобранный пистолазер был спрятан везде понемногу: в подкладке одежды, в другом каблуке, даже в трусах.

Однако, для того, чтобы ампула и оружие могли в свое время быть пущены в ход, хотя бы два из трех компонентов его фальшивых документов должны были удачно пройти контроль.

В Большом Нью-Йорке Джонсон жил под видом Михаила Олинского, техника телевидения, человека достаточно скромного, чтобы привлечь чье-то внимание. Это весьма часто практиковалось Лигой.

Но у "Олинского" не было никаких объективных причин для полета на Меркурий, поэтому цех фальшивых бумаг Мэйсона изготовил другой комплект фальшивок на имя Даниэля Ловарена, коммивояжера фирмы "Юнайтед Техникс". Пропуск на Меркурий должен был официально разрешить ему изучение на месте возможностей строительства завода по производству настольных калькуляторов. Повод был вполне подходящим, учитывая тот факт, что Гегемония старалась любыми способами развить индустрию под экологическим куполом планеты.

Едва высадившись на Меркурий, "Даниэль Ловарэн" должен был превратиться в "Юрия Смита", рабочего из обслуживающего персонала Министерства Опек. Если план удавался, и если Джонсону удавалось выбраться целым и невредимым, он должен был добраться до Земли под видом Гаррисона Ортеги, публициста, отправившегося на родную планету с целью организации там кампании по вербовке новых переселенцев на Меркурий: цель в высшей степени благородная, которая могла встретить только поддержку Гегемонии.

Джонсон иронически улыбнулся, потрогав карман, где лежали документы на имя Ловарэна. Иногда было довольно трудно не запутаться в этих многочисленных удостоверениях на различных пунктах контроля.

Однако, сделать по-другому было просто невозможно. "Ловарен" имел право отправиться на Меркурий, "Смит" - пройти в Министерство Опек, а "Ортеге" было разрешено лететь на Землю. А вот любой человек, обладавший одновременно всеми этими тремя правами, немедленно вызвал бы подозрения Стражников. Обычно они удовлетворялись тем, что просто проверяли, соответствуют ли фотографии и описание внешности того, кто предъявлял документы. Реже они сравнивали отпечатки пальцев с теми, которые фигурировали в документе. Документы Джонсона были сфабрикованы достаточно хорошо, чтобы он мог опасаться такой проверки.

Однако любая подозрительная или просто необычная деталь одежды или внешности могла стать поводом для более детального расследования. В таком случае Стражники обращались к ячейкам памяти Опекуна, который быстро вынес бы свой приговор: человек, предъявивший данные документы, на самом деле не существует. Отсюда следовало, что удобнее было иметь несколько комплектов бумаг с пропуском для каждой конкретной цели.

Солнечные блики от стекол оранжерей исчезали на горизонте. Лента быстро приближала Джонсона к просторной бетонированной площадке, где находился пропускной пункт космопорта. Еще несколько минут, и он будет на пути к Меркурию - или умрет...

Но это казалось маловероятным. До сих пор все шло так гладко, что он и не предполагал. До этой операции Лига еще ни разу не перемещала больше нескольких десятков человек с одной планеты на другую. Теперь же надо было переправить на Меркурий двести человек менее чем за два месяца. Цех фальшивок работал день и ночь, чтобы все бумаги были готовы вовремя. Взяв за основу безучастный статистический расчет, Джонсон предусмотрел возможность разоблачения примерно дюжины своих агентов. Но эта цифра, несмотря ни на что, была достаточно скромной, чтобы возбудить подозрения. Учитывая потерю нескольких человек, Джонсон рассчитывал на конечный успех всей операции.

Однако, до сих пор, опровергая его самые пессимистические прогнозы, более ста пятидесяти человек прошли через систему контроля без всяких недоразумений. Это было тем более примечательно, что речь шла о самых активных сторонниках Лиги: все хотели участвовать в операции, и Джонсон решил, что самым разумным будет выбрать тех, кто уже зарекомендовал себя в качестве бойцов. Представлялось почти невероятным, что ни один из этих людей, большинство которых фигурировало на видном месте в списках Гегемонии, не были арестованы. Но в прошлом Лигу преследовали такие неудачи, что было бы только справедливо, если бы фортуна наконец улыбнулась и ей...

Здания конечной станции и космопорта были теперь совсем рядом. Джонсон перешел на тротуар с уменьшавшейся скоростью и вскоре ступил на бетонированную платформу перед куполообразной постройкой из прозрачного плас-

тика.

Прямо за ней виднелся окрашенный в темно-синий цвет корпус огромного транспортного корабля. Так как никаких других кораблей на взлетной площадке видно не было, Джонсон сделал вывод, что это его корабль.

Он решительной походкой поднялся по ступеням из синтетического мрамора и вошел в помещение космопорта под неусыпными и подозрительными взглядами четверки дикарей, стоявших у входа.

Внутри здание состояло, в основном, из просторного холла с десятью дверями, на каждой из которых виднелся номер.

Светился только один из них - седьмой.

Он не ошибся: единственным рейсом на сегодня был седьмой - на Меркурий. С некоторой нервозностью он отметил, что три другие стены были буквально напичканы Глазами и Лучами.

Джонсон вынул свои документы на имя Ловарэна и быстро пересек порог двери номер семь, чтобы тотчас очутиться в помещении, где начиналась соединительная труба. Эти трубы, которые соединяли выход из здания космопорта непосредственно с люком корабля, были еще одной дополнительной преградой: в глубине, прямо перед трапом несколько Опекаемых терпеливо стояли в очереди, чтобы пройти контроль Стражников, которые бегло просматривали документы, время от времени проверяя соответствие сетчатки глаз у какого-нибудь пассажира.

Джонсон встал в конец и за два человека от себя обнаружил Игоря Маленова.

Естественно, оба сделали вид, что совсем незнакомы.

Колосс с густой шевелюрой рассеянно просмотрел документы Маленова, затем пропустил его. Опекаемый, который стоял за ним, предъявил свои и также был пропущен.

Затем был проверен стоявший впереди Джонсона. Подошла очередь Бориса.

Несмотря на то, что Джонсон далеко не первый раз подвергался контролю такого рода, у него кольнуло в сердце, когда Стражник протянул огромную ладонь, проворчав:

- Документы!

Ведь сколько значительно более важных, чем его жизнь, событий, зависело теперь от его самообладания...

Не говоря ни слова, он протянул Стражнику бумаги на имя Ловарэна, в том числе пропуск. Стражник бросил чисто формальный взгляд на них и быстро сравнил фото с лицом пассажира. Он уже собрался пропустить Джонсона, когда другой Стражник, негр, сказал:

- Надо бы копнуть гляделки у этого.

Первый Стражник пожал плечами, отделил небольшой кусочек пленки от документов Джонсона и протянул его негру. Тот поднял свой прибор для контроля. Это была небольшая металлическая коробочка, в нижней части которой виднелись две лампочки - красная и зеленая, которые были расположены по обе стороны от прорези, куда вставлялась пленка. На задней стенке находи-

лась кнопка, а на передней - два окуляра.

Джонсон знал, как функционирует этот прибор: пленку вставляли в прорезь, и окуляры приставлялись к глазам проверяемого.

При нажатии на кнопку микрокамера сравнивала сетчатку глаза с фотографией.

Если они совпадали, загоралась зеленая лампочка, сигнализовавшая, что все в порядке. В противном случае загоралась красная. Тогда Опекаемый обвинялся в Запрещенном Деянии, караемом смертной казнью.

Стражник вложил пленку в аппарат и, не говоря ни слова, поднял коробочку на уровень глаз Джонсона. Не нужно было никаких объяснений: Опекаемые были слишком хорошо знакомы с этой процедурой. Джонсон посмотрел в окуляры.

Стражник нажал кнопку. После этого он опустил прибор, вернул Джонсону его документы и сделал знак проходить.

Протирая глаза, Джонсон с облегчением вздохнул и пошел к люку. Он знал, что тест был положительным, но привычные рефлексy не давали ему покоя.

Следующий Стражник провел его к антигравитационным ячейкам. Платформа с ячейками бесшумно поднялась и замерла в середине просторного центрального отсека корабля. Примерно половина ячеек уже была занята.

Джонсон выбрал одну из них и устроился на мягкой обшивке.

Примерно через десять минут в центральном отсеке раздался звук гонга, и несколько задержавшихся Опекаемых торопливо заняли свои места.

Сотни тончайших пластических волокон выступили из стен ячейки и опутали целиком тело Джонсона. Затем включилась система искусственной антигравитации корабля, и в следующий момент тяжесть исчезла.

Но длилось это недолго, так как включились стартовые двигатели: если теперь у корабля и пассажиров не было веса, то инерция оставалась. Распластанный в своей ячейке, обвитый сотнями волокон, Джонсон не смог на этот раз сдержать чувство торжества: их ждала удача! Теперь ничто не могло помешать ему добраться до Меркурия. Первая фаза операции прошла успешно.

Роберт Чинг обвел взглядом бесстрастные лица семи Ответственных Агентов, собравшихся, как всегда, вокруг большого, высеченного в скале, стола. Он не мог не сравнить их привычное спокойствие с выдержкой, которую демонстрировал Аркадий Дунтов, стоявший перед ним.

Этот человек оставался для него загадкой.

Невежественный, однако счастливый в своем невежестве, человек действия - и ничего более, но в то же время всегда готовый выполнить приказы людей, в подчинении у которых он себя чувствует, или х о ч е т чувствовать. Что же заставляло этого человека служить Хаосу, а не Гегемонии?

- Корабль готов к старту, Брат Дунтов? - спросил Чинг.

- Так точно, Главный Агент.

- Задача ясна?

- Так точно, Главный Агент.

- Других вопросов нет?

- Нет, Главный Агент.

Роберт Чинг вздохнул. Нет, никогда не поймет он этого человека. Прямо-таки настоящий пережиток: все тот же тип религиозного фанатика в эпоху, когда даже понятие религии исчезло. То есть могло быть и так, что для человека, который не пытался постичь всю глубину учения, Братство представлялось религиозным орденом, а Хаос - богом? Да, это было бесспорно; для людей типа Дунтова Хаос был богом, а служба ему - религиозным призванием. Точнее, религиозные проявления были еще сильны у таких людей, которые давно привязались к Братству, потому что Хаос больше всего соответствовал их представлениям о божественном...

Что же писал по этому поводу Марковиц?

"Бог является экраном, который люди ставят перед собой, чтобы хоть немного защититься от слепящих лучей, которые испускает Царство Хаоса. Этот всемогущий бог, повелитель Вселенной, основатель сверхчеловеческого Порядка, на самом деле является для людей своеобразной компенсацией, защитой от ужасающей истины: кажущийся беспорядок Вселенной не является иллюзорным, связанным с неспособностью простых смертных проникнуть в божественное предназначение. На самом деле единственная и всеобщая реальность, суть Хаос, а у Вселенной, в конечном счете, нет другой структуры, кроме Его Величества Чистого Случая, абсолютно безразличного к намерениям Человека".

"Какая ирония судьбы! - подумал Чинг. - Видеть людей, которые отчаянно стараются верить в Бога - верховного организатора, но кончают тем, что начинают служить Хаосу! И в то же время как можно мечтать о более Хаотичной ситуации?!"

Оторвавшись от своих размышлений, он сказал:

- Очень хорошо. Вы тотчас отправитесь на Меркурий.

- Есть, Главный Агент! - вытянулся Дунтов.

Он четко развернулся и вышел.

Задумчиво провожая его взглядом, Чинг спрашивал себя, не заключается ли определенная доля истины в поведении таких людей.

Ведь в какой-то мере Братство можно было сравнить с религиозным орденом. Разве религия определялась только верой в какого-нибудь бога? Не могла ли она просто отражать убежденность в том, что где-то существует нечто высшее, чем человек и его деятельность - нечто такое, что неподвластно абсолютному порядку, не нечто идеальное, которое человек всегда пытался определить для себя? В самом деле, какая разница, если это нечто, это всемогущество не было богом или смертным, а только всеобщей тенденцией Вселенной и всех ее составляющих - атомов и галактик - тенденцией, направленной к все более возрастающей энтропии, то есть, другими словами, к Хаосу? Может быть, Хаос и был тем самым бессмертным богом, бесконечным, всемогущим.

Брат Фелипе прервал размышления Главного Агента.

- Можем мы считать, что дела идут, как надо, не правда ли? Этот Дунтов, может быть, не особенно умен, но он точно выполняет все приказы и...

- Он возвращается!

В зал ворвался доктор Шнеевайс, неистово размахивая своими короткими ручками.

Лицо его покраснело от возбуждения.

- Кто возвращается? - хором спросили Ответственные Агенты.

- Зонд "Прометей"! - воскликнул Шнеевайс. - Он вернулся с Синюса 61. Ультралюминисцентная тяга полностью себя оправдала. Пленка в процессе монтажа.

В зале стало шумно. Сам Роберт Чинг вскочил со своего кресла с радостной улыбкой. Наконец-то! Первая фаза проекта "Прометей" прошла успешно! Зонд доставит первые изображения планеты, находящейся за пределами Солнечной системы. Несомненно, это открывало новую страницу в истории человечества, однако Чинг заглядывал далеко в будущее: для него это было началом заката Гегемонии, началом неизбежного Хаоса.

Что покажет пленка? Вдруг это обитаемая планета за пределами Солнечной системы, вне досягаемости цепких лап Гегемонии? И может быть, даже...

- Идемте со мной! - воскликнул Шнеевайс. - Сейчас в кинозале все будет готово.

- В самом деле, - согласился Чинг, - мне не терпится увидеть это собственными глазами.

Все присутствовавшие дружно встали со своих мест и углубились в коридоры астероида.

В скоростном лифте с искусственной гравитацией Чинг не переставал думать об этом, и тысячи вопросов не давали ему покоя. Есть ли у Синюса 61 обитаемая планета? Или даже несколько планет?

Есть ли там разумная цивилизация, выполняющая свое высокое предназначение в соседстве с этим далеким солнцем?

Выйдя из лифта и пройдя высеченным в камне коридором, Братья попали в небольшой зал, где несколько рядов кресел выстроились перед экраном.

В то время как Чинг и другие Братья рассаживались перед ним, Шнеевайс о чем-то разговаривал с техником, после чего лицо физика расплылось от удовольствия, а Чингу пришлось сдержаться, чтобы не приказать ему тотчас же начать отчет. Но обещанный спектакль стоил нескольких минут терпения.

- То, что вы сейчас увидите, - объявил Шнеевайс, - всего лишь монтаж самого важного материала, заснятого со значительно большей скоростью. Тем не менее, я предпочитаю дать вам возможность самим сделать надлежащие выводы. Поехали!

Фильм начался с изображения ночного неба, усеянного неподвижными звездами.

Скоро одна из них начала отделяться от остальных, с каждым новым кадром увеличиваться в размерах, пока не превратилась в широкий диск.

В глубине зала послышался голос Шнеевайса.

- Мы приближаемся к Синюсу 61. В системе пять планет...

На экране появились голые скалы, хаотические нагромождения, резко контрастирующие с черной бархатистостью космоса.

- Внешняя планета, - продолжал комментировать Шнеевайс. - На окраине системы. Мертвая, лишенная атмосферы. Размерами похожа на Луну.

Тотчас же на экране промелькнули одна за другой две огромные планеты. Первая была испещрена красными, оранжевыми и желтыми полосами. Вторая - исчерчена голубыми полосами и голубовато-зелеными.

- Два газообразных гиганта, размерами с наши Уран и Сатурн соответственно, - сказал Шнеевайс. - А теперь вы видите небольшую внутреннюю планету, диаметр которой равен приблизительно двум третям диаметра Титана.

Это был небольшой черный диск с резко очерченным сиянием близкой звезды контуром.

- А вот вторая планета! - Шнеевайс сделал театральную паузу. - 1,09 диаметра Земли, кислородно-азотная атмосфера, уровень гравитации 0,94. Вода в жидком виде! Смотрите же!

Голубовато-зеленый диск, который скачками увеличивался в размерах, - сначала с горошину, потом с апельсин, с дыню - занял весь экран, вызвав у Чинга вздох восхищения. Можно было ясно различить океаны, четыре континента зеленовато-коричневого оттенка, шапки льда на полюсах, извилистые реки, острова, облака...

Перспектива снова изменилась: камера засняла обширную часть одного из континентов. Показались зеленые массивы - скорее всего, леса - реки, голубые озера.

Ж и з н ь !

Камера спустилась еще ниже, и детали стали четче: деревья, зеленые поля и обработанные участки. Сомнений больше не было: ровные полосы насаждений, изгороди у подножий курганов...

- Да, свидетельства пребывания мыслящих существ!

Шнеевайс торжествовал.

- Но есть кое-что поинтереснее. Смотрите!

Казалось, что теперь камера скачками двинулась к поверхности. Она задержалась на какой-то миг над плотиной, под которой воды широкой и полноводной реки низвергались в море. Затем еще одно изменение плана, и на экране появился...

Город! Высокие серебристые здания, которые на протяжении десятков километров обступили берега реки и доходили до самого моря. Дамбы на реке. Широкие дороги, связывавшие город с провинцией.

Вдруг пейзаж опрокинулся, как будто гигантская волна ударила в зонд. Голубое небо, снежно-белые облака. Потом...

Потом металлическое веретенообразное тело красного цвета заполнило экран. Передняя часть его была прозрачной, а ряд люков или выхлопных сопел опоясывал середину, тогда как задняя часть казалась удлинённой за счёт чего-то похожего на голубоватый соленоид.

Затем все исчезло.

- Вы отдаёте себе отчет, что все это значит? - воскликнул Чинг.

- Конечно! - ответил Шнеевайс. - Это другая цивилизация, достигшая значительно более высокого уровня развития! Кроме того...

- Несомненно, - перебил его Чинг с внезапным раздражением. - Но не это самое главное. Подумать только: мы обнаружили мыслящие существа в первой же системе, которую решили исследовать, в ближайшем соседстве от нашей, если иметь в виду галактические масштабы. Разве не ясно, что отсюда следует? Галактика должна просто кишеть разумными расами - сотнями, тысячами, может быть, миллионами! Хаос, Братья, в своем неподражаемом облике! Факторы Случайности без счета! Вот настоящее лицо Хаоса: бесконечная Вселенная с бесчисленными цивилизациями, абсолютно отличными одна от другой!

- Хаос! В самом деле Хаос! Конец Гегемонии! Крах Порядка!

Все говорили одновременно. Роберт Чинг поднял руку.

- Да, и...

Неожиданно раздался вой сирен. Тревога! К астероиду приближался посторонний объект. Могло ли так случиться, что Гегемония...

Высказав вслух мрачные мысли Чинга, НТана заметил:

- Тревога! Надо ж, в тот самый момент, когда...

- Быстрее! - скомандовал Чинг. - В обсерваторию!

Преследуемые непрекращавшимися звуковыми сигналами, руководители Братства бросились по скоростным лифтам, которые за несколько секунд доставили их в самое сердце астероида в непосредственной близости от ядерного реактора.

Казалось, что они поднимаются прямо в космос: довольно странное чувство в конце подъема. Полное состояние невесомости. А вокруг - сверху, снизу - космическая тьма, мерцающая звездами. И только почти прозрачная верхняя крыша лифта, странная "прореха в пространстве" портила иллюзию, создаваемую огромным сферическим экраном, который в самом центре астероида, в точке, где исчезала сила тяжести, был похож на гигантскую оболочку прозрачного яйца.

Какой бы иллюзией это ни было, Чинг не смог преодолеть головокружение в тот момент, когда он пристально всматривался в "пространство", пытаясь обнаружить нарушителя. В этом помещении он чувствовал себя значительно ближе к Истине, ему казалось, что здесь возникал какой-то особый контакт с Хаосом. Он довольно часто посещал эту обсерваторию, чтобы лишиться раз проникнуться чувством бесконечности Вселенной, чтобы еще раз увидеть, пощупать Хаос, в структуре которого человек был всего лишь карликом - карликом меняющимся...

Однако непрерывное завывание напомнило ему, что сейчас не время для раз-

мышлений.

- Ну, и? - спросил он у кажущейся безлюдной тьмы вокруг себя. - Вам удалось определить траекторию объекта?

Усиленный невидимыми динамиками, чей-то голос, шедший, казалось, прямо из космоса, ответил:

- Объект установлен, Главный Агент.

В псевдо-пространстве перед Чингом начала увеличиваться в размерах ярко-красная точка, которая превратилась в диск, быстро приближавшийся к астероиду.

Но диск этот летел не со стороны Солнца или Земли! Он летел с н а р у ж и , со стороны Сатурна или Юпитера.

- Откуда он? - спросил Чинг.

- Мы еще не можем определить это с большой точностью, Главный Агент, - ответил все тот же призрачный голос. - Однако, мы рассчитали его путь от орбиты Плутона - и пока все. Такое впечатление, что он летит ниоткуда. Если только это не происки Гегемонии, то объект появился из межзвездного пространства.

Чинг обвел взглядом тех, кто его окружал, и задержался на Шнеевайсе. Глаза физика были устремлены на объект, форма которого вырисовывалась все отчетливее: больше не могло быть сомнений, они видели перед собой дискоид.

Да, но каких размеров? Для этого было необходимо знать расстояние до него.

- Расстояние? - осведомился Чинг.

- Три километра, - ответил оператор лаконично.

- Невероятно! - воскликнул Шнеевайс. - Это значит, что его диаметр всего около трех метров! Проверьте еще раз!

В наступившей опять тишине было видно, что поведение объекта изменилось, он перестал увеличиваться, как будто он остался на постоянной орбите вокруг астероида на высоте не более двух километров.

Он пролетел над головами наблюдавших за ним Братьев, исчез у них за спиной, появился у них из-под ног, чтобы подняться прямо перед ними вверх и продолжать свое вращение. "Однако слишком уж большая у него скорость, - подумал Чинг, - трудно объяснить обычными законами астрофизики".

- Расстояние 1580 метров, - послышался все тот же бесстрастный голос. - Мы предприняли необходимые контрмеры. Он продолжает вращаться вокруг астероида. Но крутится он чертовски быстро. Несомненно, это космический корабль.

- Не может быть, - возразил Шнеевайс. - Уж слишком он мал...

- Дайте нам максимальное увеличение, - командовал Чинг.

Тотчас же "пространство", которое их окружало, потеряло свои очертания, как будто сместилось. Затем оно стабилизировалось, и изображение снова

стало четким.

Далекие звезды остались яркими точками, а черная пустота пространства - все такой же черной и пустой. Вроде бы ничего не изменилось, кроме...

Кроме неопознанного объекта, который оказался ракетой ярко-красного цвета диаметром метра четыре, с выхлопными соплами, опоясавшими центральную часть, и с голубоватым соленоидом сзади.

В то же время ракета безостановочно продолжала свой путь, Шнеевайс воскликнул:

- Теперь вы понимаете? Надеюсь, вы понимаете? Тот же тип ракеты, который был заснят зондом, только значительно меньших размеров. Он, должно быть, следовал за сигналами оттуда!

- С самого Синюса! - воскликнул Фелипе.

- С самих звезд!

- Мы приняли радиосигнал, - вмешался все тот же безразличный голос. - Передана формула водорода.

- То есть как это принято при межзвездных сообщениях! - возликовал Шнеевайс.

- Пошлите ответ, - сказал Чинг.

Послышалось завывание, свист, затем странный ритмичный звук, серия "бип", прерываемых паузами, не обозначавшими, казалось, ничего конкретного, раздался в зале обсерватории, в то время как объект продолжал свое безостановочное вращение.

Чинг почувствовал, что ему становится плохо. Как будто он остается в одиночестве в открытом космосе, в полной зависимости от этого объекта, который, чувствуя, что за ним наблюдают, следят за каждым его шагом, продолжал, тем не менее, все так же вызывающе вести себя с какой-то прямо сверхчеловеческой самоуверенностью.

- Бип - бип - бип.

Пауза.

- Бип.

Пауза.

- Бип - бип - бип - бип.

Пауза.

- Бип.

Пауза.

- Бип - бип - бип - бип - бип - бип.

Пауза. Затем долгая пауза. Затем все сначала.

- Что же это? - спросил Чинг. - Что-то мне этот ритм напоминает...

- Три, один, четыре, один, шесть, - повторил задумчиво Шнеевайс. - Ну, конечно же! Пи! Число Пи с приближением до четвертого знака, записанное для бесконечного повторения. Он говорит нам, что понимает нашу математическую систему, что наше исчисление на десятичной основе!

- Он говорит нам, что он существует, и что он продукт разума, - добавил Чинг. - Он признает в нас людей, обладающих разумом.

Вдруг красная ракета покинула свою орбиту и, быстро уменьшаясь в размерах, направилась в сторону внешних планет по траектории, которая обрывалась на орбите Плутона. Чингу даже не надо было уточнять направление: это мог быть только Синюс 61.

Затем, в тот момент, когда еще ее форма различалась на экране, ракета неожиданно задрожала и как будто провалилась в пустоту.

Братья остались в одиночестве в бесконечном пространстве среди тысячи звезд.

Но Роберт Чинг знал, что они больше не одиноки и больше никогда одиноки не будут, ведь мириады красных, голубых, желтых, белых точек, которые их окружали, больше не были просто холодными и равнодушными звездами. Отныне на Братьев были направлены взоры сотен тысяч цивилизаций, рассеянных в бесконечности пространства и времени.

Вселенная наконец-то приоткрыла свое лицо Человеку, и Роберт Чинг различал его очертания.

Это был лик Хаоса.

ГЛАВА VIII

Учитывая только тот факт, что он пытается сохранить островок Социальной Энтропии, окруженный морем враждебного Хаоса, служитель Порядка должен вообразить все опасности, которые подстерегают его.

Служителю Хаоса, с другой стороны, нечего вообразать эти опасности: он знает, что они собой представляют.

Грегор Марковиц.

"Теория Социальной Энтропии".

Одетый в просторный комбинезон сотрудника Отдела Обслуживания, Борис Джонсон прогуливался по зеленому скверику, расположенному прямо перед парадной лестницей Министерства Опекы Меркурия.

Это было самое высокое здание, за исключением самого экологического купола.

Фасад из белого пластика вздымался к прозрачному ультрафиолетовому куполу, который служил единственной защитой поселенцев от дыхания невероятно плотной и едкой атмосферы планеты. Покинуть это убежище значило обречь себя на немедленную смерть: Гегемония не могла придумать более совершенной тюрьмы для своих подданных. А сияющий диск совсем близкой звезды, почти что физическое присутствие которой чувствовалось, несмотря на защитные чувства опалового купола, постоянно стоял на близком горизонте, чтобы напомнить обитателям о ненадежности их пребывания на этой негостеприимной планете.

Сквер, по которому прогуливался Джонсон, свидетельствовал об определенных усилиях Гегемонии смягчить это неприятное чувство замкнутого пространства: был создан островок зелени площадью примерно шестьдесят квадратных метров, содержание которого обходилось довольно дорого. В центре возвышались два настоящих дуба, которые с невероятными трудностями доставили с Земли, и содержание которых должно было стоить огромных денег.

Эта буколическая иллюзия не была продиктована чисто эстетическим капризом архитектора: в опаловой клетке Гегемонии она была жизненно необходима с точки зрения психологии.

Вокруг Джонсона десятки Опекаемых бесцельно бродили по миниатюрному парку.

Можно было подумать, что все те, кого в данное время не направляли на работу, назначили свидание именно здесь, чтобы хоть на минуту забыть, что они попали в ловушку на самой негостеприимной планете Солнечной системы, если не считать гигантские газообразные...

Засунув руки в карманы брюк, Джонсон погладил рукоятку пистолазера и капсулу с газом. Все шло, как по маслу. В скверике находилось примерно триста Опекаемых, однако среди них растворились сто пятьдесят агентов Лиги, готовых рискнуть своей жизнью, с большей вероятностью потерять ее в лобовой атаке на здание Министерства, чтобы вынудить Совет Гегемонии закрыться в Зале Заседаний, как это было предусмотрено планом.

А всего полчаса назад в толпе Опекаемых было на пятьдесят сторонников Лиги больше: это были те, кто выбрал верную смерть.

Обычная для данного типового проекта лестница из пластомрамора, ведущая к входу в Министерство, была постоянно запружена толпой Опекаемых, направлявшихся за пропусками, разрешениями на устройство на работу, удостоверениями на право проживания или за другими официальными документами, необходимыми для жизни в пределах Гегемонии.

Таким образом пятьдесят агентов не испытали никаких трудностей, чтобы один за другим проникнуть в здание, смешавшись с толпой. Теперь наступила очередь Гильдера - одного из шестерки, которую Джонсон отобрал для штурма компрессорной.

В тот момент, когда бойцы, собранные в сквере, начнут штурм Министерства снаружи, пятьдесят добровольцев пожертвуют своими жизнями, вызвав на себя огонь смертоносных Лучей, расположенных в коридорах на подступах к Залу Заседаний.

Естественно, Джонсону абсолютно не нравилась идея посылки пятидесяти человек на почти что верную смерть. Поэтому он скрыл эту часть плана от тех, кто не участвовал в ней лично. Однако ставка была слишком большой, чтобы предаваться излишней щепетильности. Штурм снаружи был так явно заранее обречен на неудачу, что Совет и Стражники не должны были догадаться об его истинном значении как средства отвлечения и успеть подготовиться к настоящему удару. Настоящим нападением для них должна была стать атака пятидесяти камикадзе изнутри. И будет слишком поздно, когда они поймут, что и на этот раз речь идет об отвлекающем маневре.

Пятьдесят человек должны были заплатить своими жизнями за уничтожение Совета Гегемонии. Борис Джонсон испытывал смутное сожаление, но никакого чувства вины. Как и все, кто участвовал в этой операции, в число пятидесяти попали только добровольцы, полностью сознававшие, что их ждет.

К тому же Джонсон не строил иллюзий насчет своей собственной судьбы. Он надеялся, что удастся проникнуть в компрессорную, пустить в трубопроводы смертоносный газ, а уж что будет потом...

Но игра стоила свеч. Гегемония будет обезглавлена одним ударом. Начнется хаос. Благодаря всеобщему замешательству, может быть, удастся ускользнуть от Стражников. Однако каждый из участников операции должен был считать себя условно мертвым. При этом наступало странное состояние свободы: в конце концов, когда-то приходится умирать, и если сказать себе, что этот день наступил, смерть начинает приобретать некоторый смысл, а подумав о жизни можно будет после выполнения задания.

Еще один агент Лиги поднимался по лестнице.

Джонсон посмотрел на часы. Точное распределение по минутам было необходимо для удачи всей операции. Штурм Министерства должен был начаться через двадцать семь минут. Через две минуты после этого пятьдесят бойцов, рассеянных по всему зданию, ворвутся в коридоры, ведущие в Зал Заседаний. В этот момент все Стражники будут заняты или отражением внешнего штурма, или защитой Зала Заседаний.

В этот момент Джонсон и шесть выбранных им агентов двинутся к компрессорной абсолютно спокойно, избегая любых, даже самых незначительных, Запрещенных Деяний.

У находившегося в компрессорной Джереми Дэйда будет несколько секунд, чтобы открыть дверь - а именно, не более пяти секунд, необходимых механизму пришедших в действие Лучей, чтобы испепелить все вокруг.

Если оценивать всю операцию в целом, то абсолютная синхронизация всех действий приобретала прямо-таки характер суровой необходимости. Единственная ошибка, минимальное опоздание - и весь план проваливался: Стражники могли запустить вручную все коридорные Лучи здания, если бы Опекун не сделал этого сам.

Джонсон снова посмотрел на часы. До часа X оставалось двадцать пять минут.

Джонсон рассчитал, что ему понадобится девятнадцать минут, чтобы добраться до двери компрессорной, не вызывая при этом особых подозрений. Что значило, что у него есть еще шесть минут...

По мере того, как проходили эти минуты - слишком медленно, как казалось ему - Джонсон чувствовал, что возбуждение его возрастает. Чтобы план удался, нужно было следовать его пунктам с абсолютной точностью, а это зависело от стольких факторов, ведь столько людей принимало участие в этом.

Еще три минуты...

Джонсон вытер вспотевшие ладони об одежду и почувствовал успокаивающий холодок от рукоятки пистолазера у бедра.

Одна минута.

Джонсон поднял голову и взглянул вверх, на купол из прозрачного пластика - там, далеко, увидел солнечный свет, с трудом проникавший через него, и сказал себе, что у него, пожалуй, мало шансов снова однажды увидеть его.

Ноль!

Он вышел из сквера прогулочным шагом, пересек площадь и начал подниматься по широким ступенькам, ведущим к входу в Министерство Опек. Стараясь идти в таком же темпе, как дюжина Опекаемых рядом с ним, он постарался затеряться среди них.

Два Стражника стояли по обе стороны монументального подъезда, ощупывая подозрительным взглядом каждого входившего.

Джонсон даже задержал дыхание, проходя между этими двумя колоссами: проверка его документов на этой стадии операции уже нарушила бы так тщательно составленное расписание.

Однако Стражники ошупали его все тем же равнодушным взглядом, как будто это был неодушевленный предмет, и на этот раз Джонсон благословил их высокомерное безразличие.

Теперь он находился в просторном главном холле. Лифт находился рядом. Над ним висело объявление: "Только для персонала".

Сверху виднелось устройство Глаза с Лучом, которое пристально следило за ним. Такими устройствами были усыпаны все четыре стены холла на расстоянии примерно три метра одно от другого. Ему нужно было во что бы то ни стало взглянуть на часы, но этот жест должен был выглядеть вполне естественно.

Он поднял руку, чтобы почесать нос, и воспользовался этим, чтобы бросить взгляд на экранчик: без шестнадцати X.

Пока он укладывался.

Он медленно направился к широченной лестнице, видневшейся в глубине холла.

На это отводилось две минуты. Навстречу ему попадались Стражники, шедшие к лифтам, Опекаемые, направлявшиеся к выходу, двое рабочих Отдела Обслуживания, которым он машинально кивнул. Наконец он очутился у подножия эскалатора.

Какое-то мгновение он колебался, прежде чем вступить на него, спрашивая себя, может ли он еще раз посмотреть на часы. Бросив беглый взгляд на Глаз и Луч, расположенные прямо над ним на потолке, он решил, что разумнее будет этого не делать.

Предположив, что сейчас без четырнадцати X, он вступил на движущуюся ленту эскалатора. Теперь от компрессорной его отделяло четыре этажа. Он решил, что подъем займет восемь минут.

Путь наверх показался ему невероятно более долгим, чем он мог предположить. На каждом промежуточном пролете его охватывало дикое желание посмотреть на часы, но вездесущие Глаза и Лучи быстро его в этом разубеждали.

Наконец он добрался до четвертого этажа. Теперь ему нельзя было медлить.

Он бросил взгляд в сторону открывавшегося перед ним коридора, придав своему лицу испуганное выражение, как это могло быть у заурядного Опекаемого, обеспокоенного тем, что он опаздывает на официальный прием, и быстро посмотрел на часы.

Со стены напротив на него уставился Глаз. Однако, по всей вероятности, ЭВМ не обнаружила ничего подозрительного.

Джонсон вздохнул с облегчением, констатируя, что он еще жив.

Без пяти X. Это означало, что у него немногим более пяти минут, чтобы добраться до двери компрессорной. В данном случае преждевременный приход был нисколько не лучше, чем опоздание.

Он пошел вперед по длинному коридору с пронумерованными дверями, с неизбежными Глазами и Лучами на каждом шагу, повторяя в памяти маршрут: до конца коридора прямо, потом направо, опять прямо до конца, повернуть налево, пройти еще пятьдесят метров, чтобы оказаться у входа в компрессорную.

Он шел медленно, постоянно ощущая тяжелые взгляды Глаз на своем затылке, и думал, что они могли обнаружить сквозь одежду наличие пистолазера и ампулы с газом, и что в любой момент любой встречный Глаз может прийти в действие. Еще он говорил себе, что идет слишком медленно, что его походка подозрительна. В то же время он в оправдание убеждал себя, что слишком долгое ожидание у двери компрессорной может стать фатальным.

Какой-то встречный Стражник пристально посмотрел на него, два рабочих Обслуживания обменялись с ним традиционным кивком, и вот он на месте встречи.

Боковым зрением он заметил Гильдера, приближавшегося по поперечному коридору.

Метрах в десяти за ним следовал Ионас, еще один агент Лиги. Джонсон постарался не обмениваться с ними никакими взглядами и знаками и пошел дальше, не меняя походки. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в том, что Гильдер и Ионас следуют за ним в направлении компрессорной.

Теперь он подошел к перекрестку в виде буквы "Т". Правая ветвь была явно более посещаемая. Десятки Стражников, а также Опекаемых бродили по ней взад и вперед.

Прекрасно! В этой толпе их группу будет не так-то легко обнаружить. А вот...

В самом деле, это был Райт - метрах в двенадцати впереди. Пути их начали скрещиваться, как это и было предусмотрено.

Слегка ускорив шаг, Джонсон начал сокращать расстояние, так что перед следующим перекрестком Райт опережал его уже не более чем на восемь метров. В тот момент, когда Райт поворачивал налево, Джонсон бросил быстрый взгляд на часы - было без трех минут X.

Дойдя, в свою очередь, до перекрестка, он увидел, что между Гильдером и Ионасом было теперь менее шести метров.

Гильдер, который пришел первым, теперь находился менее чем в восьми метрах позади Джонсона. Отлично! Все шло, как по маслу!

Джонсон задержал взгляд на стенах длинного коридора и усидел вечные Глаза и Лучи, расположенные регулярно через каждые три метра между дверями белого цвета. Метрах в тридцати от него можно было различить темного

цвета дверь, над которой, по всей видимости, должно было светиться табло с надписью "Только для персонала". И прямо над ней опять глаз и Луч. Это был вход в компрессорную.

А еще дальше, в противоположном конце коридора, появились и направились в сторону Джонсона два человека: Паульсон и Смит. А вот появился и Людовик - метрах в пяти позади Смита. Прекрасно! Ну, просто здорово!

Джонсон еще больше ускорил шаг, в то время как Райт замедлил свой. Таким образом Райт, Паульсон, Смит, Людовик и он сам должны были оказаться у бронированной двери в одно и то же время, и в тот же момент их должны были догнать Гильдер и Ионас.

В эти минуты агенты, рассеявшиеся в сквере, пересекали площадь, чтобы начать штурм Министерства.

Джонсон представлял себе это так ясно, как будто сцена разворачивалась прямо перед его глазами: неожиданный и жестокий натиск сквозь толпу убежавших от страха и разбежавшихся Опекаемых.

Сто пятьдесят агентов Лиги, подбегавших к нижним ступеням лестницы, падавших, открывавших адский огонь из своих пистолазеров, взбегавших по лестнице, не встречая сопротивления на первых порах, пока первые Стражники не появятся у подъезда Министерства...

А потом беспощадная схватка, почерневшие тела у подножия лестницы, крики ужаса растерянных Опекаемых, и воздух, как это обычно бывает, наполненный сладковатым и тошнотворным запахом сторовшей плоти.

А там, наверху, Зал Заседаний, поспешно замурованный, переключенный на автономное питание всеми видами энергии и кислорода. А в совсем близкой компрессорной запускаются механизмы, нагнетающие в трубопроводы этот самый спасительный кислород, который через несколько секунд или минут не принесет ничего, кроме смерти.

В самом деле, теперь это было делом нескольких минут: Райт почти остановился метрах в пяти впереди его, а Смит, Паульсон и Людовик дошли до самой двери, тогда как шаги Гильдера и Ионаса приближались, и второй штурм должен был вот-вот начаться.

Джонсону казалось, что видит теперь и те пятьдесят человек, бросившихся в коридоры возле Зала Заседаний. Он даже как будто ощущал те десятки Лучей, которые своей смертоносной радиацией превращали эти коридоры в преддверия смерти.

Люди падали один за другим, отдав свою жизнь за дело торжества Демократии.

Все семь членов штурмовой группы собрались теперь у двери компрессорной.

Джонсон с замиранием сердца представил себе картину, которую Глаз над ними передал Опекуну, запятанному в недрах Министерства.

Он выхватил пистолазер и заметил, что остальные последовали его примеру. Затем он услышал несколько негромких хлопков и глухой стук от падения на пол колпачков, которые прикрывали отверстия Лучей. Он увидел, как колпачок над дверью тоже соскочил, и клубы густого белого дыма, а с ними и смертоносная и невидимая радиация начали распространяться по коридору.

Владимир Кустов обвел довольным взглядом Зал Заседаний, белую обшивку

его стен, которые скрывали тридцатисантиметровый слой свинца, решетки из закаленного железа на входных дверях, телеэкран на столе орехового дерева прямо перед ним, переговорное устройство с автономным питанием, серебристо-серые резервуары с кислородом в глубине помещения.

Кустов презрительно усмехнулся, заметив напряженные лица Советников, безразличное выражение лица Константина Горова, похожее сейчас на застывшую маску робота, волнение этого дурачка Торренса, который не расставался с графином бурбона, стоявшим на серебряном блюде в центре стола.

Главный Координатор больше не стал сдерживать смех. Он налил себе рюмку водки, которую начал медленно смаковать, чтобы как следует ощутить ее вкус.

- Извини, Владимир, но до меня не очень доходит весь комизм ситуации, - пробормотал Торренс. Он опустошил залпом свой стакан. - Мы обнаружили десятки агентов Лиги на подступах к Министерству. Они несомненно вооружены. Другие уже пробрались в само Министерство. Весь этаж буквально кишит ими. Твой план, может быть, очень тонок, но я что-то пока не вижу в нем ничего стоящего.

"Вот ведь трус какой!" - выругался про себя Кустов.

И даже хуже, чем трус. Торренс - это настоящий анахронизм, человек, который значительно больше подошел бы для жизни в эту ужасную эпоху, которая предшествовала Царству Гегемонии, в эпоху, когда человечество было разделено на сотни наций, которые думали только о том, как бы перегрызть друг друга глотку. Вот его стихия.

Его понял бы любой слабоумный: если Джек выбрал Порядок, то только потому, что в наше время это единственный путь к власти.

Он так и не понял, что такое Порядок.

Если бы это было не так, он уже давно убедился бы в тщетности своих низких замыслов. Он также не понимает всей бессмысленности и обреченности попыток Лиги, потому что в глубине души сам он не верит в то, что мы контролируем абсолютно все. Он, несомненно, не верит и в то, что возможен всеобщий Порядок. Ведь если бы он верил, то не растрачивал бы столько времени на бессмысленные и коварные интриги. Если бы он действительно понял, что такое Гегемония, до него дошло бы, что все - и все, от Стражников до Опекаемых - играет против него, в мою пользу.

Служа Порядку, обеспечивая мир и благосостояние, Владимир Кустов в то же время служил своим собственным интересам, и это было неизбежно. Ведь вся Гегемония, от планеты Земля до самого презренного Опекаемого, воплощала абсолютный и незыблемый Порядок, и именно он, Кустов, находился в центре всего этого. Он служил Порядку, а Порядок вознаграждал его за это. И казался он самым лучшим в мире порядком вещей, и нужно было нечто значительно более мощное, чем Торренс, чтобы изменить его.

Поэтому он довольно спокойно ответил на замечание Торренса:

- В моем плане нет абсолютно никаких неувязок. Стражники готовы встретить агентов Лиги, как полагается, хоть эти агенты в сквере и притворяются, что они - это не они, и я могу гарантировать, что ни одному из них не удастся добраться до входа в Министерство. К тому же абсолютно непонятно, зачем им атаковать здание, буквально начиненное Стражниками, Глазами и Лучами.

- Именно это и беспокоит меня больше всего, - сказал Торренс.

Он опустошил свой стакан, чтобы тотчас же наполнить его снова.

- Даже Джонсон не такой дурак, чтобы не понимать, что у них нет ни малейшего шанса. Это может быть только отвлекающим маневром. Меня больше беспокоят другие, те, которые уже пробрались в здание. Что они замышляют на самом деле? Или ты рассчитываешь на какие-то колдовские чары, Владимир? Мы знаем, что в здании их, по меньшей мере, сорок. И среди них немало руководителей этой организации. Так чего ж мы ждем? Не лучше ли спустить на них все Лучи этой проклятой коробки и абсолютно успокоиться?

- Ты разочаровываешь меня, Джек. Я не понимаю, как ты со своим вкусом к подобным, скажем, изощренным планам, не можешь постигнуть прозрачные намерения мистера Джонсона. Штурм здания снаружи должен, видимо, убедить нас в том, что настоящее нападение состоится изнутри. Но не подлежит сомнению, что Джонсон должен отдавать себе отчет в том, что его агенты, проникшие в здание, тоже почти ничего не смогут сделать. Штурмовать Зал Заседаний? Как только прозвучит тревога, мы тотчас же переходим на автономное обеспечение, и окружающие коридоры будут буквально затоплены смертоносными лучами. А в Зале мы будем в абсолютной безопасности, даже если в здании не останется ни одного Стражника. Джонсон прекрасно понимает все это. Поэтому перед нами двойная хитрость: обе группы являются приманкой.

- Ну и что? - перебил его Торренс. - Какого дьявола нам еще надо? Приманки это или нет, нужно просто ликвидировать их всех!

- Все дело в том, - ответил Кустов, - что есть возможность заловить более крупную дичь. Я имею в виду лично Джонсона. И именно живым. Нам, несомненно, предстоит многое узнать, если мы применим особые методы дознания. Надо полностью нейтрализовать Лигу, но это еще не все. У меня есть желание узнать, что же толкает людей на такие глубокие заблуждения, чтобы понять их и принять соответствующие меры для предупреждения подобных митуаций. Всеобщая Гегемония не за горами. Мы уже контролируем все окружающее. Следующим шагом будет начало контроля над наследственностью. У меня есть надежда, что противоречия между генетической наследственностью Джонсона и его мыслительной деятельностью предоставят нам ценные сведения об этом. Как только "вирус возмущения" будет найден и препарирован, будет легко искоренить его, и тогда Царство Порядка будет действительно всеобщим!

Торренс презрительно усмехнулся.

- Ты говоришь о Порядке и о том, как поддержать его, но что же ты делаешь? В данный момент наша жизнь является ставкой, а ты пребываешь в полной уверенности, что сможешь опровергнуть доводы Джонсона. Почему ты так уверен в успехе? Что ты можешь поделать с тем, что Джонсон назвал бы Фактором Случайности?

Горов счел необходимым вмешаться.

- Он не так уж неправ. Рассматривая твой план со всех сторон, Владимир, приходишь к выводу, что он должен увенчаться успехом. Тем не менее, в нем есть слабое место: а если Джонсон думает так, как ты не предполагаешь?

Кустов не смог сдержать улыбку, полную сострадания. Все они идиоты, даже Горов, который, однако...

- Я сейчас продемонстрирую все на пальцах, если только вас это в чем-нибудь убедит. Посмотрите на этот экран. Я думаю, что даже наш друг Торренс должен поверить своим глазам.

Торренс скривился, однако занял место позади Кустова, держа в руке неизбежный стакан. Остальные Советники поворчали, но тоже последовали его примеру и повернулись к экрану.

- Этот аппарат соединен с Опекуном, у нас есть возможность увидеть то, что видит в то же время каждый Глаз, находящийся в здании, - прокомментировал Кустов.

Он повернул выключатель и нажал одну из многочисленных кнопок на пульте.

Экран засветился, и на нем появилось изображение сквера перед зданием Министерства.

- Итак, перед вами люди Джонсона, которые сейчас пойдут штурмом снаружи, прекрасно замаскированные в безликой массе Опекаемых, как они думают. Но они недооценили уровень запоминающего устройства Опекуна. Многие из них фигурируют в списке врагов Гегемонии - с фотографиями под различными ракурсами, естественно. Как только они начнут...

Кустов нажал на другую кнопку, и экран перенес присутствовавших в один из коридоров.

- Эти агенты...

Появилось изображение другого коридора.

- И вот эти...

На экране появился еще один коридор.

- И еще вот те... Вот люди, которые пойдут на вторую отвлекающую атаку на Зал Заседаний. Именно это, пожалуй, и будет тот самый момент, который выберет мистер Джонсон, чтобы...

Кустов нажал еще на одну кнопку, и на экране появилось изображение двери компрессорной с пространством коридора прямо передней - направо и налево. И тут Советники вскочили в едином порыве изумления и ужаса: Борис Джонсон собственной персоной появился в зоне видимости Глаза, который передавал в этот момент изображение.

- Луч! - завопил Торренс. - Вот он! Чего мы ждем?

- Я же тебе уже объяснял, - спокойно возразил Кустов, - что мне он нужен живьем. Смотрите внимательно: вот другие Агенты Лиги, которые направляются к компрессорной. Видишь, Джек, я не ошибся, утверждая, что мысли Джонсона для меня, как открытая книга. Два никому не нужных нападения, чтобы отвлечь, и решающий удар по компрессорной. А мы просто закрываемся в Зале Заседаний, и Джонсону только и остается пустить немного смертоносного газа в воздухопроводы. Вполне можно было бы отдать дань уважения человеческой храбрости, если бы в ее основе не было ясно заметно отсутствие мысли. Ведь он слепо верит Дэйду, своему агенту, внедренному туда, который должен открыть дверь до того, как смертельная радиация Лучей достигнет фатального уровня.

- Понятно, а ты уже нейтрализовал этого самого Дэйда, - проговорил Кордона задумчиво.

- Совсем нет, - ответил Кустов. - Дэйд откроет дверь, как это было предусмотрено, чтобы Джонсон окончательно попался.

Кустов нажал другую кнопку, и на экране снова появилось изображение сквера.

- Теперь нам остается ждать, - сказал он.

В течение нескольких секунд ничего не происходило. Затем абсолютно неожиданно из мирной толпы вырвалась бешеная человеческая волна, которая бросилась на приступ вверх по лестнице.

Кустов осклабился.

- Ну вот, капкан сейчас захлопнется.

Он повернул переключатель на пульте управления.

- Теперь мы полностью зависим от воздухопровода из компрессорной, как и хотелось мистеру Джонсону. Мы в его руках. А теперь вот что...

Он быстро встал и подошел к резервуарам, уложенным в глубине комнаты, и повернул кран одного из них.

- У нас есть абсолютно автономный запас воздуха на два часа. Теперь мы можем предоставить мистера Джонсона его счастливой судьбе.

В то время как Лучи продолжали свое черное дело в коридоре, Борис Джонсон, держа наготове свой пистолазер, с возрастающей тревогой спрашивал себя, что же происходит за свинцовой дверью. По идее, Дэйд уже несколько секунд назад должен был сказать одному из Стражников, что он услышал странный шум в коридоре, как будто кто-то пытается открыть дверь. Стражник должен был выругаться и заворчать, тем не менее обязан был среагировать и пойти проверять. Каждую минуту, каждую секунду дверь могла открыться. Если она не откроется...

И тут тяжелая дверь начала медленно открываться. Просвет становился все шире. Как только появилась возможность, Джонсон просунул туда ногу, чтобы заблокировать дверь.

Из-за нее послышалось ругательство.

Кто-то потянул ее на себя, чтобы снова закрыть. И тут Джонсон и его четверка бросились вперед.

Дверь распахнулась. За ней оказался Стражник, который с ошеломленным видом полетел на пол, пытаясь, тем не менее, поднять вверх свой пистолазер. Прежде, чем он успел это сделать, Джонсон и четверо его спутников открыли по нему перекрестный огонь. В тот момент, когда сожженное тело превращалось в пепел, дело было сделано. Райт, который входил последним, захлопнул дверь.

"Спасены! - подумал Джонсон. - На месте, и живы!"

Он вздохнул с облегчением, быстро осмотрел комнату и оценил ситуацию.

Вдали у стены виднелись компрессорные установки и пульта управления. Пять человек в форме служащих застыли с ошарашенным видом. Один из них, невысокого роста, с нервным лицом, сохранивший выдержку, несмотря ни на

что, должно быть, и был тем самым Дэйдом. Между дверью и механизмами пространство было превращено в склад. Тут стояли штабеля ящиков, лежали запасные части и прочее.

Между компрессорными установками и ящиками укрылись пятеро Стражников. Когда дверь захлопнулась, они вскочили, вскидывая одним и тем же заученным движением свои автолазеры, и какую-то долю секунды Стражники Гегемонии и Агенты Лиги в растерянности, но злобно, в упор, смотрели друг на друга.

Джонсон опомнился первым и, выстрелив, почти не целясь, бросился на пол. Один Стражник застонал и рухнул, тогда как Джонсон тотчас спрятался за ближайшим металлическим ящиком, а остальные агенты последовали его примеру. Однако сзади раздался сдавленный крик. Джонсон обернулся и увидел Гильдера, который медленно падал с почерневшей правой рукой и плечом.

Все остальные успели укрыться и спрятаться за импровизированной баррикадой из ящиков, после чего они тут же открыли огонь по застигнутым врасплох Стражникам.

Два луча сразу попали еще в одного дикого зверя, который рухнул с жалобным стоном.

Однако, три оставшихся Стражника, укрывшись с другой стороны за ящиками, открыли бешеный ответный огонь, чтобы задержать продвижение атакующих. Джонсон видел, как луч расплавил угол ящика, за которым он укрылся; и почувствовал, что металл обжигает ему щеку.

В этот момент раздался еще один душераздирающий крик: Людовик, как дикий зверь, неожиданно перепрыгнул через баррикаду и бросился на Стражников. Раненный в левое плечо, он рухнул, но в падении успел нажать на спуск и попал одному из Стражников прямо в лицо. У того голова разлетелась прямо на куски, и густая пелена черного и едкого дыма покрыла поле боя. Воспользовавшись этим, Ионас подкрался поближе и свалил еще одного. Однако, падая, тот успел выстрелить в Ионаса, и сразу две обугленные головы покатались по полу, покрытому кровавым ковром.

Тогда Джонсон выскочил из своего укрытия и прикончил последнего, который уже не сопротивлялся. Раздался последний вопль, а затем наступила тишина.

Джонсон тут же устремился к компрессорам. Оставшиеся в живых поспешили за ним.

Пятеро служащих с опаской следили за ворвавшимися к ним злодеями. Джереми Дэйд с радостным возгласом отделился от группы:

- Прекрасная работа! Мы победили!

Опешивший Джонсон повернулся к группе напуганных работников:

- Стойте на месте, и вам не сделают ничего плохого. Лишнее слово или движение - и вы погибли. - Затем, повернувшись к Дэйду, он спросил: - Где трубопровод Зала Заседаний?

Дэйд кивнул и молча повел его к компрессорам.

- Вот этот, - сказал он.

Он указал на тонкую трубку, которая уходила в потолок.

Джонсон вынул из кармана ампулу с газом.

- Как это делается?

Дэйд указал на воздухозаборник на лицевой части компрессора.

- Сюда всасывается воздух. Ты бросаешь ампулу, я закрываю, а автоматика сделает все остальное.

Джонсон отбил кончик ампулы и вставил ее в заборник. Газ мгновенно исчез.

Дэйд нажал кнопку, и герметическая заслонка плотно прикрыла заборник.

- Готово! - воскликнул Джонсон. - Весь Совет Гегемонии уничтожен!

- Наконец-то! - воскликнул Райт. - Мы их...

- Эй! - послышался голос Смита. - Смотрите!

Толстая свинцовая обшивка в середине двери меняла свою окраску, становясь вишнево-красной.

- Это Стражники! - крикнул Паульсон. - Они быстро с этим справятся!

Джонсон почувствовал, что его тошнит.

Он уже давно знал, что это кончится именно так, но уж слишком глупо было умереть после полной победы. Им овладело яростное желание жить.

Дверь продолжала раскаляться. В помещении становилось нестерпимо жарко. Какая-то смутная мысль не давала Джонсону покоя, мысль, на которой он не мог сосредоточиться.

- Ну, конечно! - вдруг воскликнул он.

Это было так ясно. Если Стражники заняли коридор, значит, уровень радиации снаружи больше не был опасен.

- Приготовьтесь! - приказал он своим людям. - Если нам удастся пробиться - мы, может быть, сумеем выбраться.

Опекаемым было приказано укрыться за ящиками. Джонсон устроился за кучей запасных труб и приготовился к стрельбе.

Дэйд позаимствовал пистолазер у одного из убитых Стражников и присоединился к уцелевшим членам команды.

"Они перестреляют нас, как уток, - подумал Джонсон. - Как только дверь рухнет - залп. Можно продержаться довольно долго, и, если перебить их достаточно по мере того, как они будут появляться, есть небольшой шанс добраться до выхода, прокладывая себе дорогу силой".

Джонсон, конечно же, сам себе не верил, но если уж смерть, то в бою, отправляя на тот свет как можно больше Стражников: десять, двадцать, сто - какая разница! Во всяком случае, Гегемония запомнит этот день.

Может быть, у некоторых Опекаемых после этого возникнет мысль, что...

Дверь все больше прогибалась. Металл как будто вздохнул, петли лопнули, и, в потоках раскаленного свинца, дверь рухнула.

Джонсон и его люди инстинктивно нажали на спуск своих пистолазеров и открыли яростный огонь. Однако лучи вонзились в пустоту: никто не появился в дверном проеме.

Потом прямо из порога забили фонтанчики красноватого дыма, которые быстро превратились в густое облако, начавшее постепенно заполнять помещение.

Джонсон и его товарищи отступили в глубину компрессорной. Однако, объем воздуха, пригодного для дыхания, непреодолимо сокращался, съедаемый красным газом.

Прижатый к установке компрессора, Джонсон почувствовал, что металлические выступы впиваются ему в спину, а газ уже полностью заполнил помещение.

Затем красный туман окутал его, ослепил. Он задержал дыхание, насколько смог, так что у него чуть было не разорвались легкие. Однако рефлекс оказались сильнее.

Углекислый газ вырвался из его страдавших легких, а его место занял газ, проникший через ноздри в легкие, желудок и в кровь.

Он почувствовал, что как будто тонет в необъятной и вязкой трясине. Он еще боролся несколько секунд, затем последние остатки воли покинули его, и он превратился в ничтожную частичку пустоты, которая удалялась в вечность. Небытие.

ГЛАВА IX

Служитель Порядка старается заставить своего противника признать невозможное. Чтобы плодотворно служить Хаосу, создайте вашему врагу ситуацию с присутствием невозможного: он с радостью выберет наименьшее зло, которое вы предложите ему в качестве неизбежного.

Грегор Марковиц.

"Хаос и культура".

Какой-то разноцветный круговорот в темной пустоте. Какой-то просвет в небытие - едва ли менее глубокий, чем вся эта трясина, которая засосала его...

Затем осязательные ощущения: какая-то твердая поверхность под ягодицами, за спиной. Его тело сидело. Стул...

Непомерная радость охватила Бориса Джонсона: жив! Он был жив!

Мало-помалу зрение у него прояснилось, и он начал различать нечто похожее на белый шар, который парил над ним - нар с длинными черными волосами. И шар этот улыбался.

Неожиданно Борис Джонсон почувствовал, что все его существо сжимается и леденеет, так как он узнал улыбающееся лицо в нескольких сантиметрах от своей головы.

- Счастлив познакомиться с вами, мистер Джонсон, - сказал Владимир Кус-

тов.

- Жив... Вы все еще живы! - пробормотал потрясенный Джонсон.

Он обвел ошеломленным взглядом окружавшую его действительность. Массивный стол орехового дерева, лица людей вокруг него: Горова, Торренса - Совет Гегемонии в полном составе рассматривал его, изучал, как будто препарировал его взглядом, как это сделал бы энтомолог с малоизвестным ему насекомым. Все они были абсолютно целы и невредимы. Его опять постигла неудача!

Заговор потерпел провал по всем статьям.

Но почему?

Кустов добродушно рассмеялся.

- Мне кажется, что вы несколько озадачены, мистер Джонсон. Вы, несомненно, уже были уверены, что мы все перешли в мир иной. Когда газ сморил вас, вы тоже думали, что отправляетесь вслед за нами. Что ж, как вы теперь видите, это было всего лишь безобидное снотворное, такое же безобидное, как ваша безумная попытка. И вот все мы перед вами, живы и здоровы. Признайтесь, что вам в какой-то мере даже приятно, что вы увидели хотя бы нас после всего, что пережили.

- Но каким образом? Смертоносный газ, - пробормотал Джонсон в отчаянии.
- Это просто невозможно. Вы должны были...

Кустов принял еще более добродушный вид.

- Что ж, даже такой человек, как вы, приходит к тому, что начинает верить своим органам. Вы верно заметили, что мы абсолютно живы. Вы возмнили, что нам не удастся раскрыть одного из ваших агентов, внедренного в наше слабое звено - в компрессорную. Это одна из самых банальных психологических особенностей личности: обычно верят в то, во что хотят верить. Вы бросились, зажмурив глаза, в расставленную ловушку. Мы дали вам возможность выполнить ваш план, предприняв только одну дополнительную меру - установили в Зале Заседаний автономный источник воздуха, а остальное вам известно.

Джонсон был абсолютно уничтожен. Он вел себя, как идиот, как последний идиот от начала до конца. Гегемония не переставала все это время водить его за нос!

- Что же вы не прикажете убить меня, Кустов? - проговорил он с выражением бесконечной усталости. - В ваши намерения не входит, я думаю, пощадить меня?

Координатор посмотрел на него с явным интересом.

- Вы являетесь слишком наглядной иллюстрацией к интересующему нас случаю, чтобы я мог просто-напросто уничтожить вас. Я ведь не понимаю и хочу понять. Демократическая Лига принадлежит теперь прошлому, вы отдаете себе в этом отчет?

Против своей воли, несмотря на всю свою ненависть к Кустову и ко всему, что он воплощал, Борис Джонсон кивнул головой.

Все кончено, все потеряно для него и для Лиги. Однако, в конце концов, разве это так уж важно? Разве был у них, на самом деле, хоть когда-ни-

будь малейший шанс одержать победу? Всего лишь горстка людей, противостоящий правительству, которое контролирует каждый квадратный сантиметр Солнечной Системы, каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка, которые в ней проживают? Он вдруг ощутил всю тщетность своих надежд и замыслов. И как только он осмелился пуститься на подобную авантюру?

Как мог он верить хотя бы секунду, что можно свергнуть Гегемонию с ее Стражниками, ее Опекунами, ее неистощимыми и безграничными возможностями?

- Я с удовольствием констатирую, что мы, по крайней мере, согласны по одному вопросу, - продолжал Кустов. - С Лигой покончено. Ваша организация никогда не казалась нам представляющей серьезную опасность, но я признаю, что вы дали нам некоторые основания для беспокойства. Нас это тревожило. А нашей задачей является слежка за тем, чтобы подобные инциденты не могли возобновиться в Гегемонии Земли. По этой причине мы и нейтрализовали вас. Единственное, что я хотел знать, так это причину, которая может толкнуть человека на участие в движении подобного рода, целью которого является свержение существующего строя Гегемонии. Я хочу обнажить корни этого странного психоза. Ну зачем, Джонсон, все это? Я хочу только услышать ваши объяснения. На что вы надеялись?

Джонсон смотрел на Координатора с абсолютным недоумением. Зачем? Но все предельно ясно. По-другому и быть не могло.

Потому что человеческой природе свойственно отвергать Тиранию. Даже такой вот Кустов был способен понять это.

- Но уничтожение Гегемонии, естественно! - порворчал он. - Конец Тирании! Освобождение человечества!

Кустов вздохнул и покачал головой.

- Уничтожение Гегемонии? Но зачем? Чем вы могли бы заменить ее?

Кустов снова недоверчиво покачал головой.

- Но зачем? В чем вы можете упрекнуть Гегемонию? Разве не положен конец всем этим войнам, которые разоряли Землю в Век Религий и Наций? Порядок, установленный Гегемонией, впервые в истории человечества принес настоящий мир. Видите вы людей, умирающих от голода? Видите вы эпидемии, которые обрушиваются на Опекаемых? Нет! Никогда еще здоровье и процветание населения не были на таком высоком уровне. Нет бедняков, нет отбросов общества. У этих слов теперь только исторический смысл. Мир, изобилие, благоденствие, всеобщее удовлетворение! Вам известно лучше, чем кому бы то ни было, что Опекаемым нравится Гегемония. Сколько человек вступили в вашу организацию за десять лет ее существования? Кого привлекли вы? Горстку невротиков и тупоумных! А скоро вообще исчезнут неврозы и безумие. Они тоже будут побеждены. Мы на пороге осуществления Утопии! Через несколько лет Порядок будет всеобщим! Солнечная система превратится в рай не на год, век или тысячелетие, а навечно, навсегда, пока жив человек! Как же какие-то людишки, даже если они безумны, могут желать разрушения всего этого? Мы дали человеку все, чего он хотел. Что же ему еще надо?

Несмотря на всю свою невероятную усталость, несмотря на чувство полнейшей опустошенности, тщетности, которые охватили все его существо, Джонсон удивился, что какие-то слова еще могут трогать его, возмущать. Ведь Кустов действительно верил тому, что говорил! Он был полностью и слепо в этом убежден. Он не считал себя тираном и был в этом абсолютно искренен!

Это был триумф тирании, само ее воплощение: сам деспот превратился в пленника системы. Он не был даже способен вообразить что-нибудь другое.

- С вами все ясно, Кустов, - ответил он. - Вы когда-нибудь слышали о свободе?

Это слово не слишком взволновало Кустова.

- Да, несомненно. Но разве это не просто звук? Свобода от болезней, от бедности, от войн - мы добились всего этого. Если только вам нужна свобода умирать от голода, убивать, воевать, быть несчастным... Что же такое свобода? Слово, лишенное смысла, термин, потерявший всякий смысл! Как же можно быть настолько безумным, чтобы посвятить свою жизнь слову?!

- Нет, это не только слово, - почти бессознательно прошептал Джонсон. - Это...

- Ну, и? - продолжал Кустов. - Что же? Просветите меня, потому что у вас такой вид, будто вы знаете. А может быть, вы и сами не в курсе?

- Это Демократия, это когда у людей такое правительство, какое они хотят, это когда большинство решает...

- Но у людей уже есть такое правительство! - воскликнул Кустов. - Они хотят Гегемонию. Опекаемые счастливы.

Он бросил взгляд в сторону Торренса, который следил за этим диалогом с саркастической гримасой.

- Если вы только не хотите прибрать к рукам право решать, как некоторые из присутствующих здесь, которых я не буду называть. Уверены вы, Джонсон, в том, что это совсем не так?

Речи Владимира Кустова открывали перед ним бездонную бездну. Никогда еще никто не расспрашивал его о мотивах, заставлявших его бороться с Гегемонией, о личных мотивах. Он знал, что Лига и Демократия были воплощением добра, безраздельное господство Гегемонии - воплощением зла. Он всегда знал это, и этой уверенностью было всегда проникнуто все его существо.

Но неизвестно, каким бы он был, если бы смог хоть сколько-нибудь разобраться и привести хоть какое-то обоснование этой уверенности. Неужели он жил до сих пор в плену великой лжи? А если Кустов прав? Если он, Борис Джонсон, посвятил свою жизнь химере?

Но зачем?

Повернувшись лицом к ослеплявшему свечению Меркурия, Аркадий Дунтов отрегулировал защитный экран шлема своего скафандра. Жара уже начала чувствоваться - специально сконструированный скафандр мог защитить человека только в течение четырех часов от ужасной температуры на освещенной стороне планеты.

Но четырех часов вполне должно было хватить.

Он обернулся, чтобы посмотреть, что творится у него за спиной. Десять человек спрятались в тени корабля. Все они были, как и Аркадий, запакованы в свои скафандры с непроницаемыми для взгляда снаружи экранами шлемов. Каждый был вооружен пистолазером, а двое несли на спине рюкзаки с боеприпасами и взрывчаткой. Дунтов махнул рукой, и они приблизились, неловко передвигаясь по сильно пересеченной местности. Было приказано соб-

людать полнейшее молчание по радио до момента предъявления ультиматума. Задание было сто раз проработано в мельчайших подробностях, и каждый точно знал, что ему надлежит делать в каждый следующий момент.

Поверхность планеты состояла только из разрушенных обрывистых скал, из гигантских эрратических валунов - плодов деятельности ионизированных газов разреженной атмосферы. Земля была буквально усеяна миллионами каменных обломков интенсивно разрушающихся скал, что было также вызвано резкими перепадами температур при ужасной дневной жаре и сильными ночными похолоданиями. Предательские пропасти, заполненные порошкообразной массой, чередовались с лужами свинца, расплавленного жаром близлежащей звезды.

Человек, который случайно взглянул бы на нее прямо, тотчас получил бы ожог сетчатки глаза, несмотря на максимальную поляризацию экрана своего шлема.

Возглавив группу, Дунтов направился в узкий проход между двумя скалистыми стенами, старательно обходя лужи расплавленного свинца у входа. Температура в скафандрах продолжала повышаться, становясь непереносимой.

Бесспорно, поверхность Меркурия была самой труднопроходимой из всех планет Солнечной системы, если не считать гигантские газообразные. Но в то же время это было залогом успеха операции.

Каньон переходил в гигантский котлован, образовавшийся в результате падения огромного болида.

В центре этого котлована, окруженного эрратическими валунами, впадинами с расплавленным свинцом, среди миллионов скалистых обломков выделялось похожее на жемчужину в куче отбросов гигантское полушарие экологического купола - настоящий вызов человека этому аду, который сам был вызовом всему живому.

Однако вызов аду был довольно робким.

Купол был оборудован двумя люками: основным, который находился с другой стороны и предназначался для связи с миниатюрным астеродромом, и запасным, который Дунтов в этот момент заметил прямо перед собой. Люк этот, однако, был почти что бесполезен, так как в случае повреждения купола всем его обитателям грозила верная смерть. Скорей всего, этот второй люк предназначался на тот случай, если первый по какой-либо причине вышел бы из строя.

Оба выхода, естественно, охранялись.

В своей мелочности Гегемония не упускала ни одной такой возможности, как бы бесполезно это ни было. Однако охрана здесь была немногочисленной.

Дунтов снова махнул рукой своим людям, которые тотчас разделились на две группы: семеро должны были обойти купол и выйти к основному люку, а трое оставшихся во главе с Дунтовым направились к запасному.

Метрах в тридцати от люка Дунтов остановил своих людей и жестом приказал им спрятаться за близлежащими нагромождениями скал. Последовав их примеру, он тотчас же осторожно выглянул, чтобы оценить ситуацию. К собственному входу вел туннель полуцилиндрической формы, похожий в какой-то мере на "иглу" эскимосов.

В глубине туннеля стояли на страже два Стражника в космических комбине-

зонах, с довольно праздным видом. Всего двое! Это было даже слишком хорошо! Дунтов вытащил свой пистолазер и прицелился в ближайшего Стражника, потом поднял руку.

Тотчас же один из его людей направил ствол своего оружия на того же Стражника, а двое других взяли на прицел второго.

Дунтов застыл с поднятой рукой. Операция была расписана по минутам. Необходимо было дать время второму отряду обогнуть купол и занять позиции у главного входа.

Потянулись долгие минуты ожидания, в течение которых Аркадий продолжал держать на прицеле свою жертву, а капли пота прочерчивали дорожки на его пылавшем лице.

Три, пять, десять минут, четверть часа...

Они должны быть на месте. А если нет, тогда... Нажав подбородком на кнопку внутреннего переговорного устройства, он еле слышно пробормотал в микрофон, стараясь не нарушать радиомолчание:

- Мыше...

Ответ раздался тотчас же:

- ... ловка.

Движением подбородка Дунтов выключил передатчик. Все в порядке!

Он резко опустил руку, и четыре лазерных луча ослепительно яркого цвета вырвались из стволов, заставив побледнеть на какую-то долю секунды сияние гигантской звезды.

Оба Стражника рухнули с поразительным единодушием. Клубы черного дыма поднялись над обугленными телами в пробитых скафандрах: лазерные лучи и ужасная жара Меркурия не оставили им никакого шанса.

Продолжая следить за состоянием эфира, Дунтов вскочил и увлек свой отряд к люку. Войти туда было непросто даже с помощью лазерных лучей. Дверь была сконструирована из наиболее прочных материалов, способных выдержать высочайшую температуру поверхности Меркурия. Но, быть может, - по этому вопросу Братству не удалось получить точных сведений - имелось какое-либо отпирающее устройство изнутри?

И в самом деле! Похоже, что это было именно так! На массивной двери виднелось именно такое устройство - залог спасения.

Дунтов повернул рычаг, и тяжелая масса медленно поползла вверх. На всякий случай он взял наизготовку свое оружие, в то время как дверь продолжала свое движение, и...

Лицо стоявшего за ней Стражника исказилось от боли, когда свет снаружи проник через плохо отрегулированный экран его шлема.

Дунтов нажал спуск, целясь в живот Стражника, который тотчас рухнул. В это время один из его людей уже запирает дверь на внутренний запор за спиной последнего члена команды.

"Наконец-то мы на месте!" - подумал Дунтов. Он подождал, пока земная атмосфера установится в помещении, затем поднял экран своего шлема и с

удовольствием вдохнул свежий воздух. Отдышавшись, он обратился к одному из своих:

- О'кей, Роджерс, начинайте...

Роджерс снял рюкзак и достал из него заряд липкого пластика, который он прикрепил к внутреннему покрытию входной двери, в то время как другой член группы занимался взрывателем - миниатюрным радиоприемным устройством. Сигнал мог быть подан из нескольких точек: прямо передатчиком Дунтова, с космического корабля, а также передатчиком второй группы с другой стороны купола. Два аналогичных заряда могли быть также взорваны одновременно одним сигналом, откуда бы он ни исходил.

- Готово! - доложил Роджерс.

Дунтов расстегнул ремни, которыми у него на спине был закреплен мощный передатчик, осторожно опустил его на пол, включил и отрегулировал на обычной чистоте Министерства Опек Меркурия.

Затем он пробормотал в невидимый микрофон своего шлема:

- Мышеловка один. Мышеловка два! Сыр Один готов!

После непродолжительного молчания прозвучал ответ:

- Мышеловка два. Мышеловка один! Сыр номер Два готов!

На той стороне тоже все шло, как надо: вход в космопорт был захвачен.

- Вас понял, - сказал Дунтов. - Не отключайтесь.

Затем, взяв микрофон мощного передатчика, он начал говорить.

- Я мог бы, конечно, уничтожить вас, - сказал Владимир Кустов скованному Джонсону.

Джонсон замкнулся в угрюмом молчании.

- Скорее всего, именно это решение я и приму в конце концов. Но может случиться и так, что я вас пощажу, если вы дадите согласие на несколько углубленных психофизических тестов. Нам принесет огромную пользу открытие генетических особенностей, влияющих на появление индивидуумов, подверженных такому, как у вас, психозу: нейтрализуя эти гены у тех Опекемых, которые являются их носителями, нам удастся создать практически чистую расу Порядка.

Джек Торренс слушал весь этот разговор с одновременным чувством удивления и презрения. Какое убожество! Перед ним открылся один из потайных уголков личности Кустова, о котором он до сих пор не имел никакого представления. Кустов был ученым, педантом. В этом он был очень похож на Горова. И Кустов - фанатик, блаженный. Действительно ли он верил в то, о чем говорил? Мог ли такой прожженный политик быть в душе таким наивным?

Нет, нелегко. Невозможно прийти к власти, веря в такой вздор. Повелитель должен использовать своих подчиненных, а не служить им.

"Если бы я был на его месте..." - подумал Торренс.

Но до него так и не доходило, для чего понадобилась эта уже порядком наскучившая комедия. Зачем пытаться во что бы то ни стало пощадить Джон-

сона?

Владимир Кустов Блаженный... Это могло стать хорошим аргументом против самого Главного Координатора.

Не сдержавшись, он кончил тем, что взорвался.

- Ну же, Владимир, когда ты только кончишь этот фарс? Покончим с Джонсоном и забудем о нем!

- Я уже говорил тебе, Джек, что Джонсона необходимо понять так же, как и побудительные мотивы, которые...

- О, да сколько можно! - грубо оборвал его Торренс. - Сначала ты заигрываешь с Братством, потом с Борисом Джонсоном. Надо ли напоминать тебе, что мы только что чуть не подошли по его милости? Ты, я и все те, которые здесь присутствуют. - Он обвел взглядом остальных. - Может быть, мучают запоздалые угрызения совести, Владимир? Ты ведь прекрасно понимаешь, что Гегемония не может позволить себе подобные фантазии!

Торренс еще раз внимательно посмотрел на присутствовавших Советников. На лицах даже самых верных сторонников Кустова было выражение растерянности. В конце концов, в самом деле, этот человек систематически пытался расправиться с ними, поэтому он заслуживает смерти. Только Горов, казалось, в какой-то мере разделял взгляды Кустова, но подобный ему человек с живейшим научным интересом рассматривал бы любого сумасшедшего, который стал бы кромсать его самого ножом.

Было заметно, что самому Кустову не очень-то понравилось выступление Вице-Координатора.

- Ты начинаешь надоедать мне, Джек, - начал он медленно. - Разрешите напомнить вам, что мой план совершенно удался. Результат превыше всего, а никто здесь не сможет отрицать, что мы достигли всего, чего хотели. У Вице-Координатора Торренса талант произносить речи, явно ораторский талант. Однако результаты говорят сами за себя. Я считаю, что в этом отношении...

Неожиданно низкое гудение прервало заключительную часть его речи.

Нетерпеливым жестом Главный Координатор нажал на клавишу.

- Да, это я. Что случилось?

Незнакомый мужской голос раздался в Зале Заседаний:

- В моем лице с вами говорит Братство Убийц. Оба выхода из экологического купола под нашим контролем, оба заминированы. Любое сопротивление с вашей стороны вызовет их немедленное разрушение. В вашем распоряжении семь минут, чтобы убедиться, что мы не блефуем. По истечении этого времени вы получите другие указания. Если они не будут точно выполнены, и если вы попытаетесь применить силу, заряды взорвутся, и все обитатели купола познакомятся с условиями жизни на незащищенной поверхности Меркурия. Никто из вас не выживет. Проверяйте и ждите. Конец.

В помещении воцарилась напряженная тишина. Затем поднялся рой возмущенных голосов:

- Не может быть!

- Самый настоящий блеф!

- Достаточно послать Стражников...

- Надо всего лишь загерметизировать зал, - предложил Торренс.

Однако он тотчас же прикусил язык, осознав всю глупость своего предложения: под воздействием адской жары освещенной части Меркурия все системы регулировки атмосферы моментально выйдут из строя.

Это могло только задержать неизбежное. Выбора не было.

Только Борис Джонсон заливался хохотом.

- Ну, как оно - чувствовать себя пойманным в собственной ловушке? Охотник становится дичью. Что-то это мне напоминает...

- Напрасно радуешься, несчастный безумец! - перебил его Торренс. - Ты, может быть, думаешь, что Братство так старается из-за твоей шкуры? Тогда как...

- Хватит! - гаркнул Кустов так, что его голос перекрыл суматоху.

Все замолчали - Советники, Торренс и даже сам Джонсон.

- Не время сводить счеты! - продолжал он. - Надо действовать и прежде всего проверить. Гипотезу, что это просто блеф, тоже не стоит сразу отбрасывать.

Инстинктивно вспомнив свой родной язык, он отдал несколько коротких приказаний по-русски в микрофон.

Торренс, как всегда, возмутился:

- Не все из нас говорят по-русски! О чем это ты там...

- Я просто дал указание командиру Стражников установить контакт с часовыми у люков. Он тотчас сообщит нам...

Голос сильно запыхавшегося человека скоро дал ответ на вопросы Советников.

Торренс, хотя и не понимал, о чем шла речь, вполне мог прочитать приговор по лицу Кустова, который, стукнув кулаком по пульта, разразился потоком ругательств на двух языках.

- Это не блеф, - выдавил он из себя наконец по-английски. - Радиосвязь с поставленными у люка Стражниками полностью прервана. На дополнительных частотах "Тревога" тоже ни звука. Надо смотреть правде в глаза - у них в руках все козыри.

- Но что касается меня... Может быть, это все-таки блеф, - предположил без особого, впрочем, энтузиазма и убеждения Советник Курякин. - Если пойти на штурм...

- Если они завладели люками, то зачем им блефовать в остальном? - возразил Кустов. - Прежде, чем что-то предпринимать, надо сначала услышать, что же они от нас требуют.

Воцарилась давящая тишина. "Как скот, предназначенный для бойни", - по-

думал Торренс. Но больше всего его, естественно, волновала собственная судьба. Действительно, с этой Гегемонией никогда не знаешь... Но ведь не может же быть, что все кончится вот так. Просто невозможно.

Голос посланника Братства нарушил молчание.

- У вас было достаточно времени, чтобы проверить наши слова. Теперь у вас есть выбор: или точно выполняйте наши указания, или погибнете. Мы даем вам пятнадцать минут, чтобы решиться.

После многозначительной паузы голос продолжал:

- Вот эти указания: Борис Джонсон будет отведен к люку и передан Братству Убийц.

Снова пауза, которой Советники воспользовались, чтобы вздохнуть с огромным облегчением, тогда как на лице Джонсона появилось выражение неподдельного изумления.

Джек Торренс мысленно рассмеялся: Братство вполне могло уничтожить их всех, а все, что оно потребовало, это всего лишь жизнь Джонсона! В конце концов, не так уж и плохо все поворачивалось. Полная победа, которая превратилась в частичную победу. А могло быть и хуже...

Чужой голос снова раздался в комнате:

- Джонсона должны сопровождать Константин Горов и Главный Координатор Владимир Кустов. Все трое подойдут без всякого сопровождения к входу в люк. Если только мы заподозрим малейшую попытку обмануть нас, двери будут взорваны. В вашем распоряжении пятнадцать минут, чтобы выполнить все указания. Отчет начинается немедленно. Конец.

Кустов страшно побледнел.

- Ни под каким видом! Я пошлю всех Стражников к люкам. Мы...

Сбросив с себя недолгое оцепенение, Торренс грубо оборвал его:

- Секундочку, Владимир! Я не думаю, что ты можешь взять на себя всю ответственность в решении судьбы этого Совета и всех тех, кто живет под этим куполом! Последнее и решающее слово принадлежит Совету. Я требую голосования. Я склоняюсь к тому, чтобы удовлетворить требования Братства. Есть ли у нас выбор? Или мы все погибнем, или расстанемся с нашим дорогим Советником Горовым и в то же время с нашим возлюбленным Главным Координатором. Всего два заложника в обмен на наши жизни. Что касается меня, то я не буду колебаться ни секунды. Перейдем к голосованию.

Остальные Советники также выразили свое согласие.

- У нас нет выбора! - сказал Штейнер.

- Он прав!

- Было бы абсурдно сопротивляться!

- Подождите! - завопил Кустов. - Вы не можете так поступить со мной! Мы не должны поддаваться шантажу! Надо...

- Мне кажется, что Вице-Координатор прав, - объявил Горов. Его голос был лишен всякого выражения. - Сопротивление приведет только к смерти всех

нас, в том числе и к нашей, Владимир. Таким образом, мы ничего не теряем, согласившись на требования Братства. Может так случиться, что Братство пощадит нас: действия Убийц предсказать невозможно. Они ведь никогда не делают то, что кажется необходимым...

Торренс мысленно заплодировал. В лице Горова он нашел неожиданного союзника. Такого безумца он еще не встречал!

Прямо не человек, а настоящий робот.

- Голосуем, господа! - бросил он нетерпеливо. - Кто "за"?

- Ты не имеешь права! - заревел Кустов. - Я все еще Главный Координатор!

Торренс язвительно улыбнулся.

- А все мы являемся членами Совета Гегемонии, насколько мне известно. Это мы тебя избрали, и в нашей власти решить твою судьбу. Пусть те, кто согласен на условия ультиматума, скажут "да".

- Да! Да! Да! Да! Да! Да! Да!

- Да, - сказал, в свою очередь, Константин Горов.

- Нет! - завопил Кустов. - Нет! Нет!

- Большинство решило, - подвел итог Торренс. - Объявляю решение принятым.

Он вскочил и сказал в микрофон:

- Стражники! Немедленно послать отделение в Зал Заседаний! Задание: отвести Бориса Джонсона, Советника Горова и экс-Координатора Кустова к безопасному люку.

Затем, повернувшись к советникам, он произнес:

- Я считаю, что было бы благоразумно освободить Владимира от его обязанностей Координатора, чтобы не ставить Стражников перед труднейшей дилеммой. Не подлежит сомнению, что, если тем или иным образом Владимира нам возвратят, он автоматически снова займет свой пост. Однако, в данной ситуации мне кажется справедливым взять на себя обязанности Главного Координатора. Надеюсь, это не вызовет дополнительных трудностей?

Никто не сказал ни слова.

Торренс снова повернулся к микрофону.

- Командир, вы объявите Стражникам, что функции Координатора Кустова отменяются решением Совета Гегемонии. Вы объясните им, что Советник Джек Торренс временно исполняет обязанности главы Совета, и поэтому никто не имеет права противиться его указаниям. Это также относится к Советнику Горову.

Ожидая прибытия Стражников, Торренс с трудом сдерживал свою радость: временно исполняющий обязанности Координатора!

Наконец-то! И это "временно" скоро исчезнет, как только Владимир Кустов будет окончательно отстранен от власти.

Главный Координатор Гегемонии Джек Торренс!

Надо было еще привыкнуть к этому. Необходимо произвести некоторые реформы. А если прямо сейчас представится возможность перехватить корабль Братства...

Лучше всего сразу же дать приказ уничтожить его без дополнительных переговоров...

Да, перемен будет немало!

ГЛАВА X

Абсолютно напрасно будем мы искать твердый участок поверхности, чтобы устоять на нем. "Твердость" почвы является, в конечном счете, иллюзией, вызванной особыми энергетическими свойствами. И точно также обстоит дело с ногами, которые опираются на эту почву.

Материя является иллюзией, мы сами тоже иллюзия. И только Хаос реален.

Грегори Марковиц.

"Теория Социальной Энтропии".

Борис Джонсон шел размеренным шагом между Горовым и Кустовым по длинному коридору по направлению к запасному люку под конвоем отделения Стражников, у которых был довольно-таки ошарашенный вид.

Естественно, как только они покинули Зал Заседаний, Кустов приказал Стражникам вернуться и схватить самозванца Торренса. Это выглядело сплошным ребячеством, и реакция была абсолютно отрицательной: командир отделения, невозмутимый и молчаливый, заставил всех их сесть в уже ожидавший транспортер, обратив на экс-Координатора не больше внимания, чем на какого-нибудь обычного Опекаемого.

Видимо, до Кустова дошло: он не стал настаивать.

Теперь сгорбившийся, с мертвенно-бледным лицом экс-Координатор выглядел совершенно разбитым, разбитым до такой степени, что Джонсон чуть было не почувствовал нечто вроде симпатии к старику.

В течение часа оба они в последнюю минуту были лишены плодов своей побуды, дыхание которой они уже чувствовали. И вот теперь они шли... Куда?

В самом деле, куда же они шли? У Братства Убийц все было, не как у людей.

Вызволив Кустова, а затем Торренса, они теперь вырывали из когтей Гегемонии Бориса Джонсона, но одновременно пленяя Кустова и Горова. Почему Горова? Почему Кустова? Почему Джонсона? И вообще, почему все это?

Джонсон не испытывал никакого страха.

Пройдя за такой короткий промежуток времени через радость победы, отчаяние, поражение и облегчение при спасении, он уже не был способен вообще ничего испытывать.

Все, чем он жил, внезапно рухнуло, и свою дальнейшую судьбу он рассматривал с безразличием, граничившим с апатией. Когда человек лишен всего, чего же ему еще терять?

Метрах в десяти от внутренней створки люка Стражники остановились, и их командир грубо толкнул пленников вперед.

- Мы останемся здесь, - проворчал он. - Сообщите им по интерфону, что вы здесь.

Трое мужчин обменялись нерешительными взглядами: кто возьмет на себя ответственность за переговоры? Кустов, главный противник Братства, Горов, который находился в таком же положении, или Джонсон, потерпевший поражение вождь, которого, как песчинку, перебрасывало из одного лагеря в другой?

- Ну! - крикнул командир Стражников с нетерпением. - Осталось несколько минут. Один из вас должен решиться!

Джонсон и Кустов переглянулись, как будто каждый приглашал другого взять на себя инициативу. но этим человеком оказался Горов, который сказал в микрофон:

- Говорит Советник Горов. Со мной Джонсон и Кустов.

Ему тотчас ответил голос, некоторые интонации которого на этот раз показались Джонсону знакомыми:

- Мы перемещаем заряд на внешней створке таким образом, чтобы ее можно было открыть. Другой заряд остается на месте, и оба они могут быть мгновенно взорваны при малейшей попытке к сопротивлению. Стражники, сопровождающие вас, должны тотчас удалиться. Если мы заметим хоть одного Стражника, мы все взорвем.

Стражники удалились, даже не пытаясь скрыть своей бессильной ярости, и исчезли за ближайшим поворотом.

Внутренняя створка поползла вверх.

- Давайте! Быстрее! - скомандовал тот же голос.

Трое заложников переступили порог, и створка тотчас опустилась за их спинами.

Джонсон чисто автоматически обвел взглядом помещение, в котором они очутились: неподвижное тело мертвого Стражника, взрывной заряд на стене, четыре силуэта в космических скафандрах. Затем ему чуть не стало плохо, когда он узнал командира вражеского отряда.

- Аркадий! - пролепетал он сдавленным голосом. - Ты! И Братство...

Вновь все показалось полнейшим абсурдом при этом новом свидетельстве тщетности всей его жизни, всего его дела: Аркадий Дунтов - член Братства! Его самый верный сторонник, самый инициативный член Лиги! Аркадий Дунтов!

Джонсон тотчас получил ответы на все вопросы, которые задавал себе. Как мог Дунтов, такой простоватый на вид, предлагать подобные по-макиавеллиевски хитроумные планы... Как могло Братство расстроить все эти планы - сначала с Кустовым, потом с Торренсом и, наконец, с Советом...

Но за всеми этими "как" вырисовывался еще более сногшибательный вопрос.

Для чего?

Чего добивалось Братство? Что все это значило?

- Но зачем, Аркадий? - пробормотал Джонсон. - Зачем все это?

Дунтов смотрел на него так, как будто не видел его.

- Я объясню тебе это позже, Борис, а пока наденьте вот это, - сказал он спокойно.

Он указал на скафандры, висевшие у стены.

Три пленника выполнили это указание.

В тот момент, когда Джонсон уже собирался опустить экран своего шлема, взгляды их встретились, и перебежчик сказал:

- Мне хочется, чтобы ты знал, Борис, ну... если все это плохо кончится: хоть мы с тобой и не были в одном лагере, сражались мы за одно и то же дело.

- Как ты можешь так говорить! - Джонсон возмутился. - Ведь Братство не прекращало вставлять нам палки в колеса!

- Я хотел бы иметь возможность объяснить тебе все это. Мне хотелось бы быть уверенным, что я сам понимаю как следует. Но ты скоро встретишь одного человека, который расскажет тебе обо всем значительно лучше, чем я, человека, которому я полностью доверяю. В самом деле, поговорив с Робертом Чингом, ты поймешь все. Ладно, а теперь вперед!

Дунтов открыл внешнюю створку люка, и Джонсон заморгал от ослепляющего жара поверхности Меркурия. Окружив пленников, люди Братства повели их по искореженной расщелине. Когда они добрались до окружавшей цирк стены, их догнала другая группа из семи человек. Все вместе углубились в проход, который открылся среди отвесных скал.

В молчании продолжали они путь. Вскоре Джонсон заметил резкое повышение температуры в своем скафандре. Особого значения это не имело. Вообще ничего не имело значения. Он чувствовал себя бессильной игрушкой значительно превосходящих сил. Да и делал ли он до сих пор хоть что-нибудь, что мог бы приписать своей собственной инициативе? Все было иллюзией, жалким заблуждением. Одна лишь мысль засела у него в голове: чем же было в действительности Братство? За кого оно было? Чего оно добивалось?

Наконец они добрались до небольшого космического корабля, отливавшего серебром в лучах безжалостного светила, и окруженного нагромождением скал. Дунтов отодвинул крышку люка, и все забрались в корабль.

Как только крышка захлопнулась за их спинами, Дунтов, даже не снимая скафандра, отдал приказ:

- А теперь ни секунды промедления! Займитесь пленными, пока я подготовлю корабль к экстренному запуску!

Под неусыпным наблюдением трех молчаливых Братьев они освободились от скафандров и вошли в миниатюрную кабину с восемью ячейками.

- Лезьте! - приказал, не повышая голоса, один из Братьев.

Затем они дождались, пока волокна полностью окутали Кустова, Джонсона и Горова, чтобы последовать их примеру. Ровный гул двигателей раздался в каюте, и вскоре все они оказались в уже знакомом состоянии невесомости. В это время корабль уже пронзал космическую тьму над Меркурием, унося их к неведомой судьбе.

Мало-помалу, в результате расслабляющего действия волокон, Джонсон почувствовал, что прежнее оцепенение и отчаяние покидают его.

Вся прежняя жизнь, все десять лет борьбы во главе Демократической Лиги - все теперь было в прошлом, в славном прошлом! Ни к чему было терзаться бесплодными сожалениями.

Самым главным было теперь понять, что же ждало его в будущем, в том самом будущем, о котором Борис Джонсон начал думать с определенным интересом. Гегемония провела его, с самого начала до конца он был всего лишь марионеткой Совета, однако Братство посмеялось, в свою очередь, и над Советом и доказало, что Гегемония не была непобедимой.

Он перевел взгляд на Владимира Кустова. Все такой же бледный, с отвисшей губой и потухшим взглядом, экс-Координатор выглядел человеком, который все потерял.

И в самом деле, он потерял значительно больше, чем Джонсон, только потому, что ему было, что терять, и значительно больше, чем Джонсону. Он обладал безграничной властью, а теперь все пропало, он попал в руки Братства, намерения которого были непредсказуемы.

Джонсон начал, в конце концов, спрашивать себя, не должен ли он благодарить Братство за то, что оно доказало ему всю тщетность его намерений. И если он боролся в течение десяти лет, то не потому ли, что нечем больше было заняться, куда приложить свои силы?

Братство лишило его этого прошлого.

Может быть, Аркадий сказал правду, может быть, оба они сражались за одно и то же дело, только каждый по-своему?

В этом случае Братство было, бесспорно, лучше оснащено, чтобы сейчас торжествовать.

Позади у него века существования, ему удалось внедрить своих агентов в Лигу, и у него даже есть космический корабль.

Если оно действительно борется за свободу, экс-вождь Лиги мог надеяться найти свое место в его рядах. В конечном счете, важнее всего была борьба за свободу, а не личность того, кто поведет в бой. И - Джонсон был вынужден признать это - если Братство действительно боролось за свободу, его вождь был, бесспорно, более удачлив, чем он.

Курс корабля, казалось, изменился. В передней части каюты засветился огромный экран. Резко контрастный диск Меркурия занимал почти всю его площадь, но на фоне освещенной стороны, как раз над центром равнины, где возвышался купол, появились два новых блестящих объекта.

- За нами гонятся, - объявил по интерфону Аркадий Дунтов. - Два тяжелых крейсера.

Неожиданно Владимир Кустов как будто ожил. С довольной улыбкой он произнес:

- У вас нет ни малейшего шанса оторваться, но вы можете избежать больших неприятностей, если тотчас же сдадитесь мне. Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы с вами обошлись по возможности хорошо. Честно признаюсь вам, что мне будет легче заступиться за вас, если я вернусь победителем, а не только что освобожденным пленником. Даю вам слово, что вы не пожалеете.

В каюте раздался смех Дунтова.

- Да, нельзя сказать, что Гегемония очень уж старалась развивать науку. Вы давно потеряли вашего лучшего специалиста по космическим исследованиям, доктора Рихарда Шнеевайса. Братство решило воспользоваться его услугами. Например, на нашем корабле применено несколько оригинальных приспособлений, которые должны позволить нам компенсировать преимущество в скорости и стрельбе этих крейсеров. К тому же на вашем месте, Кустов, я молил бы бога, чтобы нам удалось от них скрыться. У меня такое чувство, что у них нет приказа взять нас живьем.

- Боюсь, что он прав, - сказал Горов, - по крайней мере, в том, что касается распоряжений Джека Торренса. Ты не хуже меня знаешь его амбициозность, Владимир. Если ты погибнешь, он может быть уверен, что его избежит пожизненным Координатором. Я надеюсь только на то, что наши похитители одинаково уверены как в своем корабле, так и в своих способностях читать мысли Джека Торренса.

Джонсон не мог сдержать улыбку при виде того, как менялось выражение лица экс-Координатора, как это выражение так ясно передавало состояние его души. Он явно слишком хорошо знал Торренса, чтобы строить иллюзии в отношении своей судьбы, если бы "освободителям" удалось догнать корабль.

Тем временем изображение на экране изменилось: стало темно, и даже звезды как будто погасли. Джонсон скоро понял причину этих изменений. Включив защитные экраны на максимум, Дунтов направил корабль прямо к пылавшему плазменному шару, которым было Солнце!

Диск звезды на экране стал увеличиваться. Теперь были хорошо видны гигантские солнечные пятна.

- Мы все сгорим! - воскликнул Джонсон. - Нельзя так близко приближаться к Солнцу!

- Именно это и подумают командиры крейсеров, - спокойно возразил Дунтов. - Но у нашего корабля есть термическая броня, установка которой была недавно закончена под руководством профессора Шнеевайса. Ведь корабль становится преобразователем солнечной энергии огромной мощности, и преобразователь этот приводит в движение систему насосов, перегоняющих жидкий гелий в цепи капилляров, пронизывающих весь наружный слой корпуса корабля. Чем выше наружная температура, тем лучше система работает. Действительно, хорошо придумано: солнечная энергия применяется для охлаждения внутренних помещений корабля.

Солнечный диск продолжал увеличиваться. Теперь он занимал почти всю поверхность экрана. Однако температура в каюте оставалась нормальной. Система охлаждения была, бесспорно, эффективной.

- Я думаю, они нас обнаружили, - сказал Дунтов. - Однако это ничего им не даст. Мы находимся между ними и Солнцем. Здесь их радарные установки бессильны, а их лазерные излучатели нам тоже не страшны.

- Вы же не сможете забавлять их до бесконечности, несчастный вы безумец!
- крикнул Кустов. - Мы же в ловушке!

- В таком случае нам только и остается, что исчезнуть, не правда ли? -
спросил Дунтов. У него было невинное выражение лица.

Корабль продолжал свое падение к пылавшему диску. Гигантский протуберанец, чудовищная капля плазмы, появилась в нескольких миллионах километров справа от корабля, пересекая его траекторию.

"Господи, мы же совсем рядом", - подумал Джонсон.

Адское пекло продолжало приближаться.

Затем гигантский диск перестал расти, однако не уменьшался. Джонсон почувствовал усиление силы тяжести, однако они по-прежнему не приближались и не удалялись от Солнца.

Вдруг он понял: Дунтов переводил корабль на параболическую траекторию, траекторию кометы, используя двигатели корабля и притяжение звезды, чтобы увеличить скорость. Они собирались обогнуть Солнце и на самом деле исчезнуть для своих преследователей. Командиры крейсеров, которые, естественно, не знали о существовании термозащиты, подумают, что корабль Братства притянут Солнцем и перешел в газообразное состояние. Им никогда не придет в голову, что этот корабль может обогнуть светило, ведь такой маневр им самим был бы не под силу. А ведь им так всегда расхваливали преимущества научной мысли Гегемонии!

В самом деле, солнечный диск скользил к краю экрана. Маневр начался.

Теперь диск занимал половину экрана и становился все уже. Теперь Солнце было почти что у них за спиной.

Вскоре маневр закончился. Тонкая полоска в форме полумесяца полностью исчезла с правой стороны экрана, и звезды снова окружили корабль.

- Ну вот! - воскликнул Дунтов. - Следующий этап - генштаб Братства.

Несмотря на необычность ситуации, движимый как тревогой, так и любопытством, Константин Горов не мог сдержаться и не заговорить с агентами Братства.

Какой бы ни была их дальнейшая судьба, им предстоял долгий путь. Кустов отвечал унылым ворчанием. Борис Джонсон только и желал поговорить, но Горов уже знал все, что ему было нужно, о Демократическо́й Лиге.

А вот с представителями Братства дело обстояло по-другому. Те, которых он видел на корабле, или соблюдали строжайшую секретность, или сами ничего не знали.

Горов робко произнес несколько цитат из Марковица, из его "Теории Социальной Энтропии", а также из других менее известных произведений, как, например, "Культура и Хаос", но ответом ему были только изумленные взгляды. Могло ли так быть, что эти люди ничего не знали и не понимали в учении, которому служили? Это было весьма любопытно. Создавалось впечатление, что снова наступила Эпоха Религий, когда верующие создавали различные культы, не очень ясно разбираясь, что же они собой представляют: они верили, и этого им хватало. Действительно, странный поворот в человеческом мышлении!

"Может быть, их командир..." - подумал Горов, увидев вошедшего Дунтова.

Приподнявшись в своей ячейке, он обратился к человеку, который, видимо, руководил всей операцией.

- Мне кажется, что вы обладаете определенным уровнем развития, - начал он нравоучительным тоном. - Что же заставляет вас верить, что теория Марковица в состоянии опрокинуть Гегемонию? Я готов допустить, что они имеют бесспорную притягательную силу, однако в них, мне кажется, есть определенное несовершенство: Марковиц вообще не рассматривает фактор времени и вытекающие из этого ограничения в его трактовке парадоксов Порядка и Хаоса. Ведь если рассматривать бесконечный отрезок времени, упорядоченное общество, безусловно, стремится к своему краху, вытекающему из спирали парадоксов, заключенных в нем самом. Но, как мне кажется, теория не принимает во внимание тот факт, что длительность эволюции человеческого общества имеет свой конец. Если только Марковиц не касается этой проблемы в других своих трудах, к которым я не смог получить доступ?

Глаза у Дунтова полезли на лоб, а на лице у него застыло выражение полнейшего непонимания.

- Я, по правде говоря, не читал все произведения Марковица, - ответил он. - Я не понимаю, что вы имеете в виду.

"Немыслимо! - подумал Горов. - Абсолютно немыслимо. Предводитель оказался таким же невежей, как и остальные члены банды!"

- Вы хотите сказать, что добровольно отказались от возможности оставаться лояльным Опекаемым Гегемонии со всеми вытекаемыми отсюда преимуществами, даже не имея представления о том, что вы получаете взамен? - воскликнул Горов.

Дунтов переступил с ноги на ногу.

- Это просто потому, что в Гегемонии чего-то не хватает. Насколько я помню, меня никогда не покидало это ощущение. Мне кажется, что Братство в состоянии восполнить этот пробел посредством Хаоса. А я верю в Хаос, и у меня создается впечатление, что я служу праведному делу, и мне приятно...

- А что же такое этот самый Хаос, который вызывает у вас чувство такой уверенности?

Дунтов пожал плечами.

- Нечто неизмеримо большее моих возможностей восприятия, какая-то высшая для человека сила, которая правит всем миром. Неужели вы никогда не испытывали потребность быть приобщенным к чему-то такому, что превосходило ваше воображение?

"Невероятно! - подумал Горов. - Даже не отдавая себе в этом отчет, стоявший перед ним безумец проповедовал понятие "Бога", как говорили в Век Религий!". Затем новая мысль пришла ему в голову: может ли так быть, что у некоторых людей существует подсознательная потребность верить в этот давно исчезнувший образ, смутное желание найти где-то над собой какой-то сверхъестественный порядок или существо, желание, не воплощенное в конкретной форме, желание, которое само по себе может быть формой?

В конце концов, Горов был восхищен: он напал на теорию, достойную изуче-

ния и развития. В конечном счете, может быть, еще не все потеряно. Пути Познания неисповедимы!

- Внимание! - раздался по интерфону голос Аркадия Дунтова. - Посадка через пять минут!

Джонсон вытянулся в своей ячейке, в то время как на обзорном экране появилось изображение голой и покрытой трещинами скалы, с виду абсолютно необитаемой, которая одиноко парила в космической пустоте. Он почувствовал, что волокна плотно облегают его тело, однако механизмы антигравитации, видимо, не работали: собственное притяжение булыжника, к которому они приближались, было незначительным.

Оставшись на низкой орбите, корабль, казалось, собирался совершить облет астероида, как будто Дунтов наизусть знал траекторию снижения. Однако, несмотря на все свои усилия, Джонсону не удалось различить никаких признаков жизни на этом эрратическом булыжнике с невероятно пересеченной поверхностью, усеянной как будто острыми зубами, выступавшими из глубоких провалов. Не было также заметно ни одной более или менее ровной площадки, подходящей для приземления.

Затем, в то время как корабль начал снижать скорость, по-прежнему кружась вокруг астероида, одна из расщелин скалу трещин начала раздвигаться, как будто это была раковина устрицы, и Джонсон понял, что в этом месте то, что он принимал за естественное проявление сил природы, было на самом деле тщательно замаскированной шахтой. Вход в нее находился между двух скалистых выступов, а дальше она, по всей вероятности, должна была перейти в глубине во взлетно-посадочную площадку. Похоже, что эта площадка должна принимать и значительно большие корабли, чем тот, на котором они летели.

И в самом деле, когда их корабль застыл внизу, Джонсон различил пять других кораблей, стоявших слева от шахты.

Правая часть была занята кораблем поистине гигантских размеров. Еще более удивительным было то, что на гладком серебристом корпусе овоида нигде не было заметно ничего, напоминавшего систему двигателей - только две широкие металлические полосы со сложными приборами опоясывали корабль посередине.

Прежде чем корабль Дунтова закончил спуск в шахту, наружные створки начали сдвигаться, и поверхность астероида снова приняла свой заброшенный вид.

- Что это такое? - спросил Джонсон в микрофон в тот момент, когда их корабль бесшумно опустился в глубину шахты.

- "Прометей", - ответил Дунтов. - Будущее человечества. Наступит день, когда я займу место на его борту, чтобы улететь туда, где никакая Гегемония...

- Гегемония повсюду! - не вытерпел Кустов. - Никто не сможет убежать от нее!

- Несомненно, - поторопился согласиться Дунтов.

У него был такой вид, как будто он хочет исправить допущенную ошибку.

- Больше я ничего не могу вам об этом сказать. Вам скоро все объяснят, по крайней мере, тем из вас, кого Роберт Чинг посчитает достойным этого.

Готовьтесь к встрече с человеком самым мудрым из всех, кого я встречал.

Выбравшись из своей ячейки, Борис Джонсон уже не думал об этом таинственном Чинге, о котором Дунтов был такого высокого мнения.

"Туда, где никакая Гегемония..."

Слова эти продолжали звучать у него в ушах. Как мог простой корабль отправиться туда, где нет никакой Гегемонии?

Ведь безраздельное царство Гегемонии простиралось от Меркурия до Плутона! Если только... Но все утверждали, что это невозможно! Все знали, что это невозможно...

Если только Гегемонии не удалось убедить всех, что это невозможно.

ГЛАВА XI

В силу своего исключительно антиэнтропического характера Порядок для своего нормального существования нуждается в определенной и лимитированной сущности.

В Хаосе же содержится бесконечное количество таких сущностей - обычно не принимаемых во внимание частичек - в которых временно обосновывается сопротивление всеобщей тенденции к возрастающей Социальной Энтропии.

Грегори Марковиц.

"Хаос и Культура".

Роберт Чинг сидел в полном одиночестве за каменным столом в Зале Собраний.

Сегодняшний день должен был подвести итог всей его жизни, он стал апогеем всей его карьеры Главного Агента - а он не делал различия между своей жизнью и своей карьерой. Это был тот самый момент жизни, который он не мог разделить ни с кем.

Итак, три человека, судьба которых полностью зависела от личности, которая им самим представлялась неразрешимо загадочной, ждавшие своей смерти с минуты на минуту. Однако никто из них не умрет, если только сам этого не захочет. Для двоих спасение, а для третьего - судьба худшая, чем сама смерть.

Во всяком случае, значительно более хаотичная судьба, чем простое возвращение в ничто.

В самом деле, события ускоряли свой ход, как будто для того, чтобы подготовить развязку драмы, начавшейся века назад. Менее чем за месяц "Прометей" будет готов к полету, а Гегемония почувствует возникновение Факторов Случайности в таком ритме, какого она еще не знала в своей истории.

Лиги больше не было. Отныне Совет Гегемонии будет вынужден признавать руку Братства в любом событии, способном поколебать его порядок. Разница станет значительной: ведь теперь Гегемонии придется столкнуться с организацией не наивных конспираторов-идеалистов, которыми она манипулировала, как хотела, а с таинственной силой, действия которой нелегко предвидеть, в намерения которой невозможно проникнуть.

То же касается изменений в Совете Гегемонии, то они могли только усилить Социальную Энтропию. Такой оппортунист, как Джек Торренс, окажется более гибким, чем Кустов, что не помешает ему, в случае необходимости, быть еще более свирепым. Когда "Прометей" взорвет замкнутый мир Гегемонии, устремившись в бесконечность Хаоса, Торренс - в отличие от Кустова - предпочтет скорее извлечь выгоду из этого, чем напрасно противиться неизбежному. На этой стадии операции лучше было иметь дело с оппортунистом - даже если это был такой полупсихопат, как Торренс - чем с таким фанатиком, как Кустов, особенно, если упомянутый фанатик оставался настоящим дамокловым мечом, висевшим над головой нового Координатора. И в самом деле, живой Кустов мог по-своему служить интересам Хаоса...

Жужжание интерфона прервало размышления Чинга. Он нажал клавишу приема.

- Слушаю.

- Пленники здесь, Главный Агент.

- Впустите их. Одних. Но пусть стража будет рядом и готова вмешаться.

Через несколько секунд дверь открылась, и несколько внушительного сложения Братьев ввели Джонсона, Горова и Кустова.

Роберт Чинг внимательно обвел взглядом лица трех мужчин, которые нерешительно продвигались в его сторону.

Борис Джонсон казался заинтригованным, скорее сдержанным, но без всякой враждебной предвзятости. Он выглядел как человек, покончивший со своими иллюзиями, который с определенным любопытством ждет, когда ему предложат что-нибудь взамен, может быть, даже с определенным нюансом готовности к этому. Это поведение, если оно и не вызывало восхищения у Чинга, то производило на него скорее благоприятное впечатление.

Мысли, волновавшие Кустова, ясно читались у него на лице. Он явно испытывал страх, но в глазах его читались одновременно ненависть и презрение, то самое инстинктивное презрение, которое испытывает фанатик к другому фанатику, который служит другой идее, противной его собственной. Против воли Чинг признал, что, может быть, инстинкт его и не обманывал.

Напротив, лицо Горова было абсолютно бесстрастно. Подтверждались слухи, что это был, скорее, не человек, а живой робот, думающая машина, личность, которую оживляла только жажда познания. Однако, несмотря на инстинктивную неприязнь, которую ему внушал Горев, Роберт Чинг чувствовал определенное сходство характеров с этим человеком. Ведь невзирая на все то, что их разделяло, у обоих была способность восхищаться снова и снова чудесами окружавшего их мира. Способность восхищаться - и Горев, несомненно, стал бы отрицать это - переходящая в какое-то мистическое чувство. Чинг знал, что из этих троих именно Горев был лучше всех готов воспринять смысл слов, которые Чинг собирался сейчас произнести.

- Добро пожаловать в генштаб Братства Убийц, - произнес он торжественно.
- Садитесь, господа.

Не колеблясь, Борис Джонсон тотчас уселся напротив Чинга, и его любопытный взгляд так и застыл на лице Главного Агента. Чинг должен был признать, что таких, как Джонсон, людей Гегемонии удавалось воспитывать лучше всего: скрытые бунтовщики, непримиримые оппозиционеры, которые были в то же время способны на удивительную приспособляемость, когда этого требовали обстоятельства.

Поколебавшись минуту, Горов уселся рядом с Джонсоном. Владимир Кустов остался стоять, вызываясь смотреть прямо в глаза Чингу.

- Ну, господин Кустов! - обратился к нему Чинг одновременно укоризненным и покровительственным тоном. - Вы же не станете вынуждать меня призвать стражу. Вы ведь прекрасно знаете, что мне всегда неудобно, когда кто-либо стоит, в то время как сам я сижу. Я позволю себе настаивать. Я прихожу в ужас от ненужного насилия...

- Вы... - пробормотал Кустов, запинаясь.

Впрочем, он тотчас же упал в кресло.

- Вы приходите в ужас от насилия! Вы, который руководит бандой безумцев! Убийц! Садистов! Опасных фанатиков!

- Я имел в виду ненужное насилие, - поправил его спокойно Чинг. - Но получилось так, что в условиях жизни, созданных Гегемонией, даже самый миролюбивый человек вынужден обратиться к насилию, чтобы заставить услышать свой голос. И только насилие может сокрушить Гегемонию.

- Так Аркадий говорил правду! - воскликнул Борис Джонсон. - Вы в самом деле противники Гегемонии? Но почему тогда вы систематически мешали нам? Вы же знали, что мы, как и вы, боремся против Гегемонии. Мы могли бы объединить усилия. В конце концов, у нас был общий противник. Зачем же постоянно вставлять нам палки в колеса?

Чинг не очень-то твердо знал, что отвечать. Как объяснить такому человеку, что своими заговорами он постоянно вредил тому самому делу, которому, как он думал, служит? Как объяснить ему это, не сломив его окончательно?

Он все-таки попробовал навести его на мысль.

- Вы когда-нибудь слышали что-либо о Законе Социальной Энтропии?

Джонсон вытаращил глаза.

Чинг вздохнул. Конечно, нет. Да и откуда?

- По крайней мере, имя Грегора Марковица говорит вам хоть что-нибудь?

- Пророк Века Религий? - пробормотал Джонсон застенчиво. - Ходят слухи, что вы его последователи, что вы принимаете решения, глядя на внутренности животных, причем консультируетесь по кодексу, который называется "Библией". Именно поэтому все, что вы делаете, с виду не имеет смысла?

Чинг расхохотался.

- Внутренности животных! Библия! Мой бедный друг, я и не знал, что Гегемония воспитала вас в таком темном невежестве! Но мы не Авгуры, а Марковиц никогда не объявлял себя пророком. Такие люди раньше назывались социологами или этнологами. И "Теория Социальной Энтропии" не сборник пророчеств, а научный труд. Уверяю вас, что в основе всех моих действий - безупречная логика. А кажутся они нелогичными только тому, кто не знает, что логика - это Случай.

- Я и не понимаю, - не сдавался Джонсон. - Мне это кажется противоречивым.

- Да, я знаю. Это как раз то, что вам вдалбливала Гегемония. Порядок логичен, а Хаос - нет. Те, кто служит Порядку - реалисты, а кто Хаосу - религиозные фанатики. Однако вдумайтесь в положения Закона Социальной Энтропии. Разрешите мне изложить его вам в доступных выражениях. Мир физики, в общем, стремится к все более возрастающей в объеме неорганизованной материи - к постоянному разложению материи. Именно это мы и имеем в виду, говоря о Хаосе или об Энтропии. Но точно так же обстоит дело в области человеческой культуры. Нужно потратить немало энергии, чтобы остановить в пространстве и во времени склонность к энтропии в области материи. Тот же феномен наблюдается в случае человеческого общества - Социальная Энтропия. Чем больше данное общество упорядочено - а потому ненатурально - тем больше требуется Социальной Энергии, чтобы поддерживать этот противоестественный порядок. А где взять эту Социальную Энергию? А просто-напросто организовать общество так, что оно будет производить ее. Что требует еще более строгого Порядка, и, соответственно, еще большее количество Социальной Энергии, чтобы поддерживать этот Порядок. Теперь вы понимаете, в чем парадокс?

Выражение лица Джонсона передавало усилие, которое он делал, чтобы понять, о чем шла речь.

- Обратитесь к вашему же опыту, - продолжал Чинг. - Гегемония является неестественным образованием, строго организованной структурой, которая противопоставляет себя полностью хаотичной природе вселенной. Демократическая Лига попыталась свергнуть этот Порядок вполне определенным способом. Попытка заранее обречена на неудачу, так как Гегемония несравненно более организована, чем Лига, и вам было абсолютно неоткуда взять достаточно Социальной Энергии, чтобы ее Порядок заменить своим. В самом деле, своими действиями Лига объективно способствовала консолидации вражеских сил, среди которых всегда имелись определенные противоречия, в частности, в верхушке Гегемонии. Лига преобразовывала Факторы Случайности в факторы предвидимые и таким образом способствовала усилению Порядка, который хотела свергнуть. А что касается нас, то наоборот, действуя методом случайности, внося в события невероятные Факторы Случайности, мы обязательно должны были добиться конечного успеха, потому что мы боролись, используя теорию Хаоса, следуя естественному развитию Вселенной.

- Довольно глупостей! - воскликнул Кустов. - Убейте нас - и покончим с этим! Незачем еще и мучить нас дурацкими рассуждениями...

- Убить вас? - Чинг улыбнулся. - Это было бы слишком логично, предсказуемо. Вы враг, а врага надо нейтрализовать. Это как раз то, что вы бы и сделали на моем месте, не так ли? Но вы представитель Порядка, а я - Хаоса. Поэтому мне кажется, что в данной ситуации вас надо пощадить...

С загадочной улыбкой Чинг следил за реакцией своих собеседников. На лице Кустова можно было прочесть надежду, ничем не прикрытое презрение, а также лихорадочно обдумываемые возможные варианты и проекты. Выражение лица Джонсона выдавало абсолютное непонимание происходящего.

Только Горов оставался безмятежным, как будто он ожидал именно такого развития событий. Чинг подумал, что он правильно сделал, выведя его из Совета Гегемонии: этот человек, наряду с ненасытной жадой знаний, точно так же стремился к безграничной власти. В самом деле, Горов в качестве Главного Координатора был бы грозным соперником!

- Естественно, - продолжал Чинг. Он по-прежнему обращался к Кустову. - Я попрошу вас еще некоторое время оставаться моим гостем на другой базе Братства. Мне кажется, что шести стандартных месяцев для этого вполне хватит. По истечении этого срока вас отпустят. Ваше неожиданное появле-

ние после довольно долгого пребывания в рядах Братства вызовет у Джека Торренса реакцию довольно хаотичную!

Кустов побледнел.

- Вы не можете так поступить со мной! Совет подумает, что я все это время сотрудничал с вами! Торренс уже неоднократно намекал на это. Они казнят меня!

Может быть, - ответил Роберт. - А может быть, и нет. Ведь вы позволили Торренсу захватить власть, поэтому мне кажется справедливым предложенный вам способ сохранить жизнь. Подумайте сами: вы можете сказать Совету, что казнь экс-Координатора может нанести урон интересам Гегемонии, особенно, если пойдут слухи, что этот Координатор всегда был агентом Братства. Ведь тогда придется признать чрезвычайное могущество Братства. Даже сам факт вашего устранения из Совета тоже был бы ошибкой по тем же соображениям: очень трудно было бы дать удовлетворительные ответы на все вопросы, которые станут задавать себе Опекаемые. Я уверен, что с вашими талантами вы без особого труда сумеете выдержать наскоки и со временем снова претендовать на пост Координатора...

Чинг нажал на кнопку.

- Стража может увести господина Кустова.

Через несколько секунд дверь отворилась, и стражники вошли в зал. Чинг посмотрел вслед Кустову с чувством полного удовлетворения. Социальная Энтропия значительно усиливалась: пока Торренс будет исполнять обязанности Координатора, Кустов станет очагом оппозиции в Совете, возникнет новый источник междоусобиц, и задолго до того, как Кустову удастся восстановиться, "Прометей" вернется, доставив ощутимые доказательства того, что Галактика является необъятным скоплением цивилизаций, каждая из которых уникальна в своем роде, а это открытие чревато такими революционными потрясениями, что невозможно будет отрицать его или долго скрывать. Гегемония развалится, и дадут плоды многовековые старания и те самые Факторы Случайности, которые терпеливо и один за другим внедрялись в замкнутую систему Деспотии. И Царство Хаоса будет увековечено!

Когда дверь затворилась за спиной свергнутого Координатора, Константин Горов раскрыл рот.

- Так я не ошибался. Действия Братства, с виду лишённые смысла, были составной частью общего плана, предусматривавшего воплощение в жизнь идей Марковица. Идей, безусловно, интересных, которые, однако, содержат определенное количество скрытых пороков, обрекающих ваши попытки на провал.

- Смотри-ка, - сказал Чинг с удивлением. - Объясните же, Горов, почему так. Я не сомневаюсь, что человеку вашего ума вполне под силу выявить все пробелы какой-либо теории, вот уже три столетия ежедневно подтверждаемой фактами реальной действительности.

- Безусловно, - подтвердил Горов. Он не испытывал, видимо, ни малейшего смущения. - Видите ли, основным пороком теории является ее увлечение универсальностью и бесконечностью, которыми проникнуты все идеи Марковица. Если говорить абстрактно, то я готов признать, что такая замкнутая система, как Гегемония, в конце концов должна отступить перед Факторами Случайности по мере того, как Порядок стремится к абсолютизму. И все это в течение длительного времени, очень длительного. Но мы имеем дело с конкретными событиями, а не с абстракциями. Да, если рассматривать бес-

конечно длительный отрезок времени - Гегемония обречена. Как это бывает со всеми формациями и в той мере, что однажды наступит конец всего человечества. Однако время является фактором, работающим против вас, тем самым фактором, который Теория Социальной Энтропии отказывается принимать во внимание. Ваша стратегия может увенчаться успехом, если впереди у вас вечность. Но это не так. Если заглянуть далеко в будущее, человеческая раса, как и любая другая, угаснет, как только Солнце остынет. И угаснуть она может также задолго до этого по причинам, которые мы не в состоянии предвидеть. И угасание это произойдет задолго до того, как вам удастся свергнуть Гегемонию, так как она будет скоро контролировать все - всю Солнечную систему, все места, где живет человек. Система будет полностью замкнутой. И, если вполне справедливо, что такая система будет все хуже переносить появление Факторов Случайности, то точно так же справедливо и то, что будет все труднее внедрять такие факторы. Господство Гегемонии будет продолжаться еще миллионы лет, до тех пор, пока, опять-таки, не угаснет вся человеческая раса. Вы сами видите это. Вы не единственные, кто думает, исходя из этого, и именно в этом заключается основной недостаток вашей стратегии.

Чинг не мог избавиться от чувства восхищения: Горов только что коснулся проблемы, которая в течение веков волновала самые великие умы Братства - до тех пор, пока не увенчался успехом проект "Прометей". И снова он поздравил себя с тем, что похитил этого человека из вражеского лагеря: может быть, в силу обстоятельств удастся привлечь его к сотрудничеству.

- Вы не разочаровали меня, Горов, - сказал Чинг. - Вы только что сделали блестящий анализ развития замкнутой социальной системы, который произвел бы впечатление на самого Марковица. Но только при том условии, что человек будет обречен на вечное пребывание в этой замкнутой системе. Однако подумайте о Галактике, о миллионах галактик, из которых состоит Вселенная. Ведь она бесконечна, значит, открыта для всех. В таком случае подобная упорядоченная песчинка, как, например, Гегемония, не может надеяться на долгое существование.

- Вы сворачиваете в сторону! - запротестовал Горов. - Мы оперируем фактами, а не досужими вымыслами. Мы говорим о колыбели человечества, о Солнечной системе, а не о гипотетически достижимой бесконечности.

- Вот мы и подошли к самому главному, - сказал Чинг. - Но почему вы думаете, что человек обречен на вечное прозябание в рамках Солнечной системы, а человеческая раса - на неизбежное исчезновение в результате охлаждения Солнца. Почему бы человечеству в один прекрасный день не разбить раковину, в которой оно до сих пор вело эмбриональную жизнь?

Чинг заметил, что выражение лица Горова и Джонсона стало задумчивым.

- Мне кажется, - продолжал он, - что теперь самое время показать вам нечто такое, что коренным образом изменит ваши взгляды, как это было со мной, и что точно так же изменит отношение к этой проблеме всей человеческой расы.

Он повернулся к интерфону и сказал:

- Подготовьте демонстрационный зал.

Находясь под сильным впечатлением от только что услышанного, Борис Джонсон направился вслед за Горовым, Чингом и четырьмя стражниками по коридору, конец которого терялся далеко впереди. Он смутно чувствовал, что сейчас получит ключ к тайне, ответ на вопросы, которые он до сих пор даже не мог толком сформулировать. Большая часть того, о чем говорили Чинг

и Горов, не задержалась у него в голове, однако чисто инстинктивно он был уверен, что Чинг имел в виду самое главное, и теперь вел их за собой, чтобы все подтвердилось наглядно.

Шагая по коридору, который вместе с другими уводил его в глубь астероида, он почувствовал, что как будто яркий луч осветил все до этого момента загадочное и необъяснимое для него самого. Всю свою жизнь, сколько он себя помнил, он ненавидел Гегемонию, будучи в то же время не в состоянии объяснить причины этой ненависти. Его постоянно вдохновляло неистребимое желание сразаться с ненавистным врагом, однако он никогда не задавался всерьез мыслью о целях своих действий.

Но ему только что дали понять, что и другие люди разделяли его взгляды, люди, которые, в отличие от него, имели доступ к забытой, брошенной мудрости прошедших веков. Люди, которые разбирались в особенностях своего противника, которые знали способы, с помощью которых они могли причинить ему зло, и, самое главное, у него было определенное мнение о судьбах человечества, мнение даже о невероятно отдаленном периоде развития, в котором даже свержение Гегемонии было уже пройденным этапом.

Вот чего постоянно не хватало Демократической Лиге: ей было вполне достаточно быть просто против чего-то. Она никогда не могла предложить взамен ничего. Сама "Демократия" воспринималась только как отсутствие Гегемонии: это было отрицание отрицания, а не утверждение какого-либо позитивного проекта.

А вот у Братства было нечто такое, что оно называло "Хаосом" - понятие неуловимое, которое было трудно воспринять сразу в силу необъятности открываемой им реальности.

Итак, вся группа вошла в лифт, который бесшумно заскользил вниз. Через несколько минут двери раздвинулись, и Борис Джонсон направился вслед за Робертом Чингом и остальными по узкому коридору, который уперся прямо в дверь, ведущую в скалистую стену. Все это время Джонсон не сводил глаз с руководителя Братства, как будто зачарованный. Он думал, что перед ним необыкновенный человек, который мог отнять взглядом всю глобальность проблем Вселенной, человек, от которого не могло ускользнуть ничто из окружающей действительности. Он начал понимать, откуда взялось почти что религиозное поклонение этому человеку со стороны Аркадия Дунтова: не всякий мог разобраться в сущности Хаоса. А Роберту Чингу это удалось. Нельзя было осуждать человека, лишенного этой возможности, который так слепо поклонялся этому самому Чингу.

Они очутились в небольшом зале, на одной из стен которого висел экран, а напротив был установлен проектор, за пультом которого сидел оператор. Чинг жестом пригласил всех садиться, сам сел рядом с оператором и, не говоря ни слова, кивнул ему...

Экран осветился.

Джонсон увидел темное небо, усеянное звездами. Затем одна из начал скачкообразно увеличиваться в размерах, превращаясь во все более широкий диск.

- То, что вы сейчас видите, - прокомментировал Роберт Чинг, - это монтаж на основе фильмов, снятых автоматическим межзвездным зондом.

Джонсон услышал удивленное восклицание Горова, сидевшего рядом с ним:

- Межзвездные полеты, сверхсветовая скорость... Невероятно! Только Шнее-

вайс, в крайнем случае, мог бы... Но он покончил с собой, когда, несмотря на мое противоположное мнение, Совет лишил его возможности продолжать исследования. Скажите, он действительно мертв?

- Каково ваше мнение обо всем этом? - спросил Чинг загадочным тоном.

Горов безмолвно следил за изображениями, сменявшими друг друга на экране.

Теперь были видны континенты, растительность, обработанные участки поверхности. Затаив дыхание, Джонсон тоже следил за всем этим в окружавшей его тишине. Что он мог сказать? Он чувствовал себя абсолютно подавленным. Перед его глазами разворачивалось самое важное событие, которое когда-либо переживало человечество. Ведь перед ним открывалась возможность однажды отправиться к звездам! Новая солнечная система, быть может, много солнечных систем... И это была настоящая, осязаемая свобода, а не какая-то химера!

Он еле удержался от восклицания, заметив большой город, затем странной формы космический корабль.

- Вы все видели, - сказал Роберт Чинг. - Теперь вы знаете: человек не одинок во Вселенной. Эта пленка была заснята на планете, принадлежащей к системе Синюс-61 - очень близкой к нашей по межгалактическим стандартам. Это первая из исследованных нами. Подумайте только: если уже с первой попытки нам удастся найти высокоразвитую цивилизацию, как вы думаете, сколько же их должно быть только в нашей Галактике?! Миллионы? Биллионы? А сколько необитаемых планет, которые можно заселить? Что же произойдет в таком случае с вашей системой, Горов? Может ли Гегемония мечтать о распространении своего могущества на всю Галактику?

- Нет, - пробормотал Горов. - В самом деле, я признаю, что вы правы, учитывая эти новые условия. Если зона распространения жизнь потенциально безгранична, Гегемония обречена, и я не стану облачаться в траур по этому поводу, так как это было бы бесполезно в социальном смысле.

- После всего, что вы видели, остаетесь ли вы приверженцем Гегемонии, Горов? Я хотел бы ожидать большего от человека вашего ума.

- Вы не поняли меня, - ответил Горов. - Я никогда не был приверженцем Гегемонии как таковой. Новые условия вызывают новое отношение. Но безумцы из Совета никогда не поймут этого. Единственное, к чему я стремлюсь, это к истине и социальной устойчивости, которые в конкретных условиях лучше всего гарантируют интересы общества. До сих пор Порядок Гегемонии больше всего соответствовал этой схеме. Однако, когда условия меняются, логически мыслящий ум пересматривает свое отношение к ним. Единственное, о чем я сожалею: если вообще сожалею о чем-либо, это то, что Гегемония никогда не признавала и не признает факт межзвездных полетов. Это настоящий идиотизм: мы могли бы узнать столько нового...

- Вы забываете, - заметил Роберт Чинг, - что Гегемония не является единственной организацией, способной строить корабли. Проект "Прометей", являющийся плодом трехсотлетней деятельности Братства Убийц, почти завершен. И этот проект...

- Межзвездный корабль! - воскликнул Джонсон. - Необычный корабль, который мы видели, когда прибыли сюда, и есть тот самый корабль, не так ли?

- Да, - ответил Роберт Чинг. - Менее чем через месяц "Прометей" полетит к Синюсу-61. После его возвращения ход истории человечества коренным об-

разом изменится - к лучшему или к худшему. Эра Гегемонии кончится. Подумайте только: когда новость распространится, - и уж будьте уверены, Братство позаботится об этом, - Торренсу придется выбирать: или строить корабль для межзвездных полетов, или попытаться преградить путь к звездам другим. Исходя из мелочных политических расчетов, если Торренс выберет один из этих вариантов, Кустов обязательно выберет другой. К тому же вы еще не знаете, что за нашим зондом при возвращении следовала чужая беспилотная ракета. Ясно, что обитатели этой планеты тоже скоро предпримут межзвездный полет. Если человек не придет к звездам, звезды придут к нему. Во всяком случае, результат будет тем же: Галактика откроется человеку, что вызовет падение Гегемонии. Свобода и Хаос восторжествуют. Что же касается вас, господа, то я приглашаю вас участвовать в самом великом предприятии всех времен.

Он повернулся к Джонсону, которому показалось, что во взгляде вождя Братства мелькнула тень зависти.

- Борис Джонсон, вы завоевали себе место на борту "Прометея". Вы сражались слепо, но это был бой за права человека. Ваша храбрость может найти применение при первых контактах с мыслящими существами, отличными от нас. К тому же необходимо, чтобы с самого начала была полная ясность: звезды являются всеобщим достоянием человечества, а не собственностью одной из сторон - будь то Гегемония или Братство.

Он повернулся к Горову.

- Что касается вас, то вы обладаете всеми необходимыми качествами, чтобы вести переговоры с негуманоидами. Должен честно признаться, что отсутствие эмоциональности, а также ваша постоянная безмятежность, не вызывают у меня особого энтузиазма. Тем не менее ваш ум и ваша страсть к чистым знаниям могут значительно облегчить первые шаги человека к абсолютно чужой культуре.

Чинг сделал паузу и слегка улыбнулся.

- Однако, у нас нет такой привычки - ставить наших гостей перед свершившимися фактами. Мы предоставляем вам право выбора, господа, - не обижайтесь, если выбор довольно ограничен: или вы летите на "Прометее", или выбираете легкую смерть, без страданий. Я вам это гарантирую. Что вы мне ответите, друзья мои?

Джонсон кивнул головой - отчасти машинально, отчасти в знак согласия. Он был окончательно сбит с толку; пережив крушение всего, чем он жил, присутствовал в качестве бессильного свидетеля гибели всех своих иллюзий, он получил теперь возможность начать новую жизнь, потенциальные возможности и перспективы которой он впервые так ясно различил.

Битва, которую он вел, была битвой за свободу.

Теперь он понимал смысл этого слова: речь шла не об освобождении человека от особой формы тирании и даже не от тирании вообще, а о свободе воплощения. Свобода - это право каждого человека выбрать свою собственную судьбу, а судеб было столько же, сколько людей. Свобода - это бесконечность.

Звезды были единственной конкретной основой, на которой эта свобода могла бы воплотиться в жизнь. В бесконечной Вселенной человек сам становился бесконечным и поэтому, может быть, бессмертным.

Сам он, освобожденный от Гегемонии, мог, наконец, вздохнуть свободно - и

не в отдаленных мечтах, а сейчас и здесь!

Он снова кивнул, на этот раз с выражением полной уверенности.

- Я полечу, - сказал он. - И с радостью.

- А вы, Константин Горов? - спросил Роберт Чинг.

- Я возмущен, - ответил Горов даже без тени юмора. - Я возмущен тем, что вы угрожаете мне смертью, если я не приму невероятное предложение восполнить огромный пробел в моих знаниях. Вы принимаете меня за идиота? Какой нормальный человек отказался бы от такого предложения? В результате контакта с неземной цивилизацией мы сможем мгновенно получить такие знания, на которые в обычных условиях у нас ушли бы тысячелетия. Вы преподносите мне бесценное сокровище. Конечно, я согласен!

- Я подумал, что, может быть, храня верность вашей Гегемонии...

- Гегемония является переходным этапом, - возразил почти что обиженным тоном Горов. - Структурой, которая была, я подчеркиваю это, полезной человечеству в данной конкретной ситуации. А теперь условия изменились и наш долг - измениться вместе с ними. Только Знание неизменно и бессмертно!

- Вы сделали правильный выбор, господа, - сказал Роберт Чинг. - Я сожалею только о том, что не могу улететь с вами. Возраст у меня уже не тот, да и столько текущих дел ждут меня здесь. Дело Братства можно считать завершенным только тогда, когда все человечество сможет свободно достичь звезд, как это сделаете вы. "Прометей" всего лишь начало. Как и герой, у которого он позаимствовал свое имя, он принесет человеку небесный огонь - Хаос, бесконечность. Но необходимо, чтобы этот дар исходил с небес, а не от Лукавого. И пока существует Гегемония, Братство будет существовать в этой системе, которая до сих пор была нашей... Однако, я слишком далеко забрался, ведь еще столько предстоит сделать в течение месяца. За работу, друзья мои!

ГЛАВА XII

Человек стремится к жизни и не хочет смерти. Человек стремится к победе и старается избежать поражения. Тогда что же может быть еще более необыкновенным, чем парадокс стремления к триумфу посредством смерти? Что может быть более явно хаотичным, чем победа посредством самоубийства?

Грегор Марковиц.

"Хаос и культура".

Аркадий Дунтов находился в помещении центрального поста "Прометея", того самого "Прометея", которого он начал считать своим после целого месяца подготовки.

Месяц этот заканчивался завтра.

В самом деле, этот корабль будет полностью принадлежать ему, по крайней мере, в течение всего полета к Синюсу-61.

Его назначили капитаном, начальником экспедиции. Как только цель будет достигнута, он уступит свое место другим, среди которых и прежний недруг Горов. Но на время полета это был его корабль.

Завтра наступит долгожданный день.

Все необходимое оборудование и запасы были уже погружены, а завтра наступит черед экипажа. Дунтов обвел любовным взглядом экраны и переключатели, которыми он мог теперь, казалось, манипулировать с закрытыми глазами. Корабль был оборудован двумя автономными системами управления: одна была классической, другая была не похожа на все до сих пор известное. Для старта, посадки и для полетов в пределах Солнечной системы применялась обычная антигравитационная система двигателей. И только за орбитой Плутона включится сверхсветовая...

Дунтов в сомнении покачал головой перед пультом управления этой системой. В течение истекшего месяца он не покидал профессора Шнеевайса. Если система управления показалась ему достаточно простой, то в теории он чувствовал себя далеко не так уверенно. Сейчас он старался по возможности точно вспомнить слова профессора:

"Существование "Прометей" никоим образом не противоречит уравнениям Эйнштейна, определяющим скорость света как конечную скорость тел, которые двигаются в пространстве".

Он представил себе Шнеевайса, объяснявшего ему, что необходима определенная конечная скорость, чтобы разогнать корабль до сверхсветовой скорости в том, что он называл "первичным пространственно-временным континуумом".

"Затем нам надо выбраться из него. Вы применяете обычную систему двигателей, чтобы направить корабль по курсу к Синюсу-61 и достичь обычной высокой скорости. Затем вы включаете стазовый генератор. "Прометей" и часть пространства вокруг него окажутся как бы заключенными во временную капсулу или, точнее, попадут в "трещину" во времени по отношению к первичному пространственно-временному континууму. По отношению к этому микроконтинууму корабль превышает скорость света, однако сама капсула перемещается по первичному континууму со скоростью света. Но, в силу того, что корабль уже не занимает определенное пространственно-временное положение в первичном континууме, выводам теории Эйнштейна это не противоречит".

Для Дунтова теория полета была не более ясна, чем "Теория Социальной Энтропии", которую дал ему почитать Роберт Чинг: он понимал все слова, однако то, что они означали, оставалось затянутым густым туманом.

Во всяком случае, все это не так уж его и трогало: его знаний вполне хватало, чтобы действовать, чтобы правильно выполнять приказы и вести корабль к намеченной цели - вот что было главным.

Теорией занимались другие. Вспомнив о приготовлениях последних недель, он спросил себя, нет ли среди тех, кто умел только думать, но не действовать, людей, способных тайно завидовать ему - кроме Чинга, естественно - хоть в какой-то мере...

Константин Горов парил рядом с Чингом в просторном помещении сферической обсерватории, оборудованной в глубине астероида.

Он чувствовал нечто вроде странного головокружения, которое как будто обволакивало их со всех сторон. Чувство восхищения, смешанное с почти что религиозным ужасом.

Это место притягивало его, как и сама личность Роберта Чинга.

Чинг был и в самом деле необыкновенным человеком. Он был во многом похож на самого Горова: он точно так же стремился к знанию, у него был изощренный ум, он точно так же уважал тягу к Знанию у других - редкостное свойство у представителей человеческой расы.

Некоторые аспекты личности Чинга в то же время отталкивали Горова. Как такой умный человек мог поддерживать явно устаревшие, почти что религиозные нравы? А его приверженность теории Хаоса... Как мог человек такого ума всерьез восхищаться пустотой, Случайностью - на грани мании неуверенности Гейзенберга! Это было смешно и в то же время ужасно.

- Смотрите, Горов, - говорил в это время Чинг. - Эти мириады звезд, каждое из которых является Солнцем, потенциальное место жительства человека. Бесконечность Хаоса, действительные размеры Вселенной...

Но вот уже несколько секунд Горов не слушал его. Он только что заметил несколько двигавшихся тел, летевших со стороны Солнца, со стороны Земли.

- Смотрите! - воскликнул он. Он указал пальцем. - Космические корабли!

Чинг вздрогнул и повернулся в ту же сторону.

- За нами охотятся! - сделал он вывод. - Эти корабли приближаются к астероиду! Можете вы определить их принадлежность, тотчас вычислить их траекторию?

Наступила продолжительная пауза, в течение которой Чинг сначала на что-то надеялся, а потом глухое отчаяние охватило его. Кто же еще, кроме Гегемонии, мог послать эти корабли? И как их задержать? Все старания пойдут прахом, когда до цели рукой подать, когда только и оставалось коснуться звезд...

Голос дежурного офицера раздался в зале:

- Это крейсера Гегемонии, Главный Агент. Тридцать кораблей. Они двигаются прямо на нас, как будто уверены в нашем присутствии. Они будут здесь примерно через три стардартных часа.

- Невероятно! - воскликнул Чинг. - Все наше оборудование находится под землей. Реактор абсолютно изолирован. Мы соблюдали полное радиомолчание. Каким же образом...

- Вот наглядный пример того, что касается методов Гегемонии, - вмешался Горов. - Каким бы дураком Торренс ни был, он в конце концов должен был прийти к выводу, что генштаб Братства находится где-то в Поясе Астероидов. Затем он целый месяц вел расследование. Есть, однако, признак, который невозможно скрыть на сто процентов. Это тепло. Они, несомненно, подвергли каждый из булыжников исследованию с помощью приборов, сверхчувствительных к выделению тепла. Работа, конечно, еще та. Учитывая отсутствие внутренних источников тепла у астероидов, любая разница температуры по отношению к окружающей среде тотчас же выдает присутствие человека, и с этим вы ничего не можете поделать. Сопrotивляться этим крейсерам вы тоже не можете. Но у нас есть три часа. Разве нельзя ускорить подготовку к отлету "Прометей"?

- Это было бы выходом, - ответил Чинг. - Но "Прометей" не сможет обогнать вражеские корабли. В условиях обычного полета его скорость несколько меньше, чем у обычного корабля, а стазовый генератор нельзя включить на незначительном расстоянии от такой гигантской массы, как Солнце. Это утверждение Шнеевайса. Если только...

Выражение обреченности на лице Чинга уступило место выражению триумфа, близкого к экстазу, - так, по крайней мере, показалось Горову.

- Ну конечно! - воскликнул Главный Агентт. - Конечно же! Конечный Хаотичный Акт! Это единственный выход! Конечный Хаотичный Акт, вызванный обстоятельствами! Чего еще ждать?

Он повернулся к Горову, и тому показалось, что нечто похожее на нимб появилось над головой старика. С религиозного фанатика мигом слетела вся шелуха его рациональных рассуждений. На глазах Горова обнажился этот аспект личности Чинга, который отталкивал его, внушал ему инстинктивный ужас. Но на этот раз Главный Агент олицетворял надежду.

- Быстрее к кораблю! Грузитесь как можно скорее! Человек познает звезды, а я... Конечный Хаотичный Акт!

По истечении двух часов лихорадочной деятельности Борису Джонсону удалось наконец-то уютно расположиться в своей ячейке центрального поста "Прометей".

Рядом с ним в специальной ячейке, оставлявшей свободными руки, полулежал Аркадий Дунтов, занимавшийся последними приготовлениями, стремясь ускорить насколько возможно всю процедуру взлета. Три других ячейки занимали абсолютно незнакомые Джонсону люди, а в остальных каютах Горов и сотня других Братьев ожидали момента взлета. Все было готово.

Теперь, после всей этой суматохи, Джонсон мог в спокойной обстановке обдумать, до какой же степени их положение было безнадежным.

Крейсеры Гегемонии были менее чем в часе полета, и приближались они полным ходом.

У "Прометей" не было ни малейшего шанса оторваться от них до выхода на орбиту Плутона, а маломощные корабли Братства, базировавшиеся на астероиде, могли продержаться не более двух-трех минут.

Ситуация была безнадежной. Но в течение последних месяцев Джонсон столько раз попадал в безнадежные ситуации, что уже не мог поверить, что именно эта станет последней.

Вся база бурлила. Какая-то лихорадочная деятельность во всех ее уголках заставляла предположить, что что-то подготавливалось. Джонсон уже неоднократно слышал странные слова "Конечный Хаотичный Акт", которые проскальзывали в разговорах Первых Агентов, в то время как на лицах простых Братьев появилось необычное выражение - одновременно торжественное и задумчивое. Вне всякого сомнения, им было известно нечто такое, к чему Джонсон не имел доступа, и он в конце концов привык к этому, но что же крылось за всеми этими приготовлениями?

Засветился экран, расположенный прямо перед Дунтовым, и Джонсон мог теперь видеть приближение серебристых кораблей, грациозных и в то же время зловещих сигар, которые уже были готовы наброситься на свою добычу.

Голос Роберта Чинга послышался в рубке:

- Агент Дунтов, не пытайтесь отвечать. С этого момента вы соблюдаете абсолютное радиомолчание. Вы точно выполните все последующие распоряжения.

Голос Главного Агента звучал сегодня как-то особенно необычно. В нем

чувствовался металл, что можно было приписать просто к командному тону.

- Вот эти распоряжения. Вы будете держать "Прометей" в полной предстартовой готовности, однако взлетите только тогда, когда получите сигнал. Этим сигналом будет открытие выходного шлюза. В этот момент вы взлетите. Вы не должны уточнять и менять курс в этот момент. Вы просто направитесь на полной скорости в направлении к Синюсу-61 и будете поддерживать максимальное ускорение до тех пор, пока будет существовать опасность в виде крейсеров Гегемонии. Не беспокойтесь! У вас хватит времени на все, когда опасность минует. Только тогда вы займетесь уточнением всего курса. Следуйте этим указаниям абсолютно точно. Во имя Хаоса. Прощайте. Конец.

- Но корабли... - запротестовал было Дунтов.

Однако он тотчас опомнился и прикусил язык. Потом он выключил рацию и повернулся к Джонсону, чтобы задать ему риторический вопрос, который не давал ему покоя:

- Ведь их невозможно обогнать, Борис. А базирующихся на астероиде кораблей явно недостаточно, чтобы задержать их надолго. Ближайшая база Братства на расстоянии двух дней полета...

- Не рассчитывайте на мой ответ, Аркадий. Здесь решает Братство. Но Чинг, похоже, уверен в себе. До сих пор события никогда не заставляли его врасплох.

- В самом деле, - пробормотал Дунтов. - Роберт Чинг не может разочаровать нас.

"Я не хотел бы разделить с тобой твою слепую веру, Аркадий, - подумал Джонсон. - Или..."

Просторное помещение обсерватории, расположенное в самом сердце астероида, было заполнено Братями - Первыми Агентами, рядовыми исполнителями, командирами подразделений, техниками, машинистами - здесь собрались все, кто не попал на борт "Прометея" - призрачные силуэты, парящие в замкнутом, лишенном тяжести пространстве, сумрачном и ненадежном.

Относительно спокойно было только в непосредственной близости от прямоугольного телеэкрана, занимавшего целую стену: здесь находился сам Роберт Чинг, который вместе с обслуживающим персоналом возился с аппаратурой, имевшей, видимо, непосредственное отношение к полету "Прометея".

Несколько толстых жил силового кабеля, протянутых по полу, уходили вверх и терялись в коридорах наверху. Перед Чингом был также установлен пульт управления с двумя прерывателями, двумя небольшими телеэкранами и передатчиком.

На одном из экранов появилось изображение окруженной скалами впадины, которая маскировала вход в шахту взлета и посадки. На другом застыло изображение похожего участка поверхности - только на противоположной стороне астероида.

Чинг отвернулся от экранов и долгим взглядом обвел окружавшие его со всех сторон звезды, те самые звезды, которые он никогда больше не увидит, эти чудесные миры, которые предстоит в скором времени открыть "Прометею", и которых его самого лишили навсегда.

"Но смерть, - сказал он себе, - единственное событие, которое неминуемо для любого человека - раньше или позднее, она неизбежна. И лучше всего

сделать так, чтобы у нее был смысл. А разве много таких людей, у которых был шанс выбрать смерть, наполненную смыслом, самым грандиозным смыслом - Конечным Хаотичным Актом, победой посредством самоубийства, реализацией наивысшего парадокса? Какой же еще конец мог бы увенчать жизнь, прожитую в служении Хаосу?"

Не без сожаления оторвался он от созерцания мерцающих жемчужин на черном бархате бесконечности и снова занялся аппаратурой. Теперь пора действовать.

Потом у него еще будет несколько минут для последнего размышления.

Он включил рацию и почувствовал, как тотчас же возросло напряжение в толпе в связи с этим жестом, который служил сигналом для начала первого акта этой последней драмы.

- База Братства вызывает командующего эскадрой Гегемонии, - сказал Чинг.

Вражеские крейсеры на просторном экране перед ним все приближались и приближались по окружности к астероиду.

Ему ответил грубый и хрипловатый голос:

- Говорит Вице-Адмирал Лазар, командующий триста сорок первой эскадрой Гегемонии. Ваша база полностью окружена. Мы обладаем мощностью огня достаточной, чтобы превратить в пыль ваш астероид со всем, что в нем есть. Любая попытка бегства или сопротивления обречена на провал. Предлагаю следовать моим указаниям. Половина моих кораблей сядет, а остальные останутся на орбите, готовые в любой момент открыть огонь при малейшем нарушении с вашей стороны. Отвечайте.

Мысли с бешеной скоростью нанизывались одна на другую в голове Чинга.

Для успешной реализации Конечного Хаотичного Акта нужно было, чтобы все корабли сели на астероид. Необходимо, чтобы все корабли нашли свой конец, чтобы ничто не помешало "Прометею" достигнуть окраин Солнечной системы и направиться к звездам. Если хотя бы одному крейсеру удастся избежать этой участи, все старания Чинга будут напрасны. Надо было найти средство, чтобы убедить адмирала совершить посадку со всей эскадрой.

Вдруг он вздохнул с облегчением.

Решение было перед ним - и такое простое - как будто он всегда знал его: чтобы убедить кого-то что-то сделать, надо потребовать, чтобы он сделал нечто прямо противоположное.

Слегка улыбнувшись, он сказал в микрофон:

- База Братства вызывает Вице-Адмирала Лазара. Мы не скрываем, что у нас нет ни малейшего шанса выбраться. Однако на этой базе много тысяч вооруженных и решительных Братьев, и мы можем, если вы нас к этому вынудите, заставить вас дорого заплатить за победу. Однако мы готовы на почетную капитуляцию, чтобы избежать напрасных жертв. Предлагаю сесть только вашему кораблю, тогда как вся ваша эскадра останется на орбите. При любом другом решении мы будем сопротивляться до последней капли крови! Прием.

- Вы еще осмеливаетесь диктовать мне условия! - прошипел в ответ адмирал. - Вы думаете, что я такой дурак, чтобы посадить свой корабль в таком месте, где полно вооруженных врагов? А теперь слушайте мои условия. У меня тридцать кораблей. Я намереваюсь посадить всю эскадру, нравится

вам это или нет. Можете сопротивляться. Посмотрим, долго ли вы продержитесь против трех тысяч Стражников!

- Ладно! - сказал Чинг мрачным тоном. Он сделал вид, что смирился. - Приходится покориться превосходящим силам. Мы не окажем никакого сопротивления, если ваши люди не применяют оружие первыми. Вам лучше сесть на освещенную часть астероида.

- Моя эскадра сядет там, где я укажу! - прорычал Лазар в ответ.

- В вашей власти решать, - ответил Чинг. В его голосе было смирение. - Однако, даже если это в ваших интересах, я должен предупредить вас, что почти вся противоположная сторона астероида состоит из искусственных материалов. Это декорации в виде скал, чтобы замаскировать наши объекты. Если вы попытаетесь там сесть, вы рискуете погубить свои корабли, всех нас, а заодно и себя самого в том числе.

- Ладно, - сказал Лазар ворчливым тоном. - Мы сядем там, где вы указали, и поверху доберемся до вашей базы с большей частью отряда. Не забывайте, что любая попытка к сопротивлению вызовет немедленное уничтожение всех вас. Конец!

Роберт Чинг выключил рацию и повернулся к Братьям, собравшимся в зале.

- Жребий брошен, - сказал он торжественно. - Назад возврата нет. Вы это знаете, и нам осталось жить всего несколько минут. Все очень просто. Сейчас все корабли Гегемонии совершат посадку. Как только это произойдет, они уже не смогут быстро взлететь, так как для запуска двигателей нужно время. В момент их посадки я вот этим прерывателем открываю створки взлетно-посадочной шахты, и "Прометей" тотчас стартует.

Он указал на небольшой пульы, который парил в невесомости прямо перед ним.

Он сделал паузу, вздохнул и продолжал:

- В соответствии с произведенными расчетами крейсерам для взлета необходимо минимум три минуты, считая с момента обнаружения "Прометей". Таким образом, у него будет две минуты пятьдесят секунд, чтобы отлететь на достаточное расстояние. По истечении этого времени я воспользуюсь вторым прерывателем. Я думаю, незачем говорить вам, что произойдет после этого.

Чинг надолго замолчал, а когда снова заговорил, то, казалось, это был уже другой человек. Человек, который обращается скорее к самому себе, чем к присутствующим, который обращается скорее к потомству, чем к самому себе.

- Конечный Хаотичный Акт. Победа через самоубийство. Никогда еще в истории Братства победа не была такой осязаемой. Поэтому Конечный Хаотичный акт не имел смысла. А теперь мы умрем добровольно, уверенные, что Хаос восторжествует, что человек познает звезды, свободу, бессмертие. Но что такое смерть? Ведь все люди обречены, однако они не в состоянии выбрать благоприятный момент. Эту свободу выбора человек может осуществить в любой момент - самоубийство является единственным правом, которое не может отменить никакая тирания. Но никогда еще в нашей истории нам не удалось победить посредством самоубийства. Сегодня мы все вместе совершим Конечный Хаотичный Акт. Никакая смерть не может быть более достойной служителя Хаоса. Мы умрем, как индивидуумы, но Братство останется - еще более жизнеспособное, чем раньше. Да, человек не вечен, но Хаос продолжается, и те, кто ему служат, торжествуют вместе с ним. В течение после-

дующих минут мы не сможем попрощаться как следует, поэтому я прощаюсь с вами сейчас. Прощайте. Все вы верно служили Хаосу в течение всей жизни. Теперь вы отдадите последнюю дань в виде вашей смерти. Хаос, Братья мои! Хаос и победа!

Никто из присутствующих не произнес ни слова, не сделал ни единого жеста.

Роберт Чинг был доволен и горд своими братьями.

Он знал, что они приготовились ко всему этому с момента появления кораблей Гегемонии. Но, скорее всего, они готовились к этому в течение всей своей жизни.

Все было сказано. Оставалось только действовать.

Чинг взглянул на экран, который передавал изображение освещенной стороны астероида. Все более-менее подходящие площадки в скалах были усеяны грациозными силуэтами ракет. Чинг вслух считал корабли, которые продолжали садиться:

- Пятнадцать... семнадцать... двадцать...

Люки опустившихся первыми кораблей открывались, и один за другим оттуда появлялись Стражники в скафандрах и с оружием в руках, в то время как остатки эскадры заканчивали посадку.

- Двадцать три.. двадцать семь... Тридцать! Все они сели и все очутились в ловушке!

Рука Чинга еще на какой-то момент задержалась на ручке прерывателя, который должен был раскрыть люк шахты. Надо было подождать, пока все завоеватели покинут корабли, чтобы создать как можно большую панику в момент взлета "Прометея".

Тем временем Стражники продолжали высаживаться на скалистые утесы, группируясь вокруг своих кораблей. Затем началось боевое построение, а тяжелые дезинтеграторы приводились в состояние боевой готовности.

- Время! - послышался голос Роберта Чинга.

Он опустил первый переключатель и повернулся ко второму экрану. Створки над шахтой начали раздвигаться, скалистый провал начал расширяться. Теперь створки были наполовину открыты, и на экране можно было различить силуэт "Прометея", застывшего в глубине шахты и готового вонзиться в бесконечность.

В это время в помещении центрального поста "Прометея" Борис Джонсон тоже следил по телевизору за тем, как разворачивались события на другой стороне астероида. Он уже не знал, что и думать.

Роберту Чингу явно удалось убедить командующего вражеской эскадрой посадить все свои корабли. Может быть, Дунтову и удастся взлететь и даже покинуть астероид, но это напрасные усилия. У них было не более пяти минут до того момента, когда командир вражеской эскадры должен был заметить их бегство. Ну и что?

Даже при условии опережения в пять минут, которое у них было, их обязательно догонят и превратят в пыль.

Растерянный, уже готовый распрощаться со всеми своими надеждами, Джонсон грустно смотрел на экран, на котором виднелись тяжелые створки выходного люка.

Вдруг прямо у него на глазах они начали медленно раздвигаться, а за ними показалось небо, показались звезды.

- Теперь наша судьба в руках Хаоса, - сказал Аркадий Дунтов.

Двигатели были запущены.

Борис Джонсон почувствовал знакомое чувство невесомости в тот момент, когда исчезла сила искусственной гравитации в звездолете, затем его резко прижало к ячейке силой ускорения двигателей, запущенных на полную мощность.

Они оказались в пустоте, черной и холодной.

Несмотря на невероятное ускорение, которое буквально спрессовало все его органы, Борис Джонсон старался не упустить ничего из того, что показывал экран, стараясь не думать о крейсерах Гегемонии, которые через несколько секунд должны были пуститься на охоту за "Прометеем".

Он втянул голову в плечи в ожидании неизбежного...

Он уже представлял себе крейсера, готовые вцепиться в свою добычу, лазерные пушки, термоядерные ракеты.

Испытывая какое-то болезненное любопытство, он уже задавал себе вопрос, почувствует ли он что-нибудь в тот момент, когда "Прометей" будет дезинтегрирован.

Когда Роберт Чинг увидел, что гигантский космический корабль вырвался из шахты, он понял, что жизнь его была не напрасной, что самые сокровенные желания всей его личности осуществились.

Он почувствовал, что душа его как будто понеслась к звездам вслед за серебристой ракетой - к звездам, к будущему человечества.

Мысленно он начал считать истекающие секунды: десять... пятнадцать... тридцать...

Сделав над собой усилие, он с трудом оторвался от изображения корабля, который быстро удалялся, и повернулся к экрану с изображением крейсеров Гегемонии.

Противник явно обнаружил исчезновение "Прометей", если судить по той суматохе, которая поднялась вокруг вражеских кораблей.

Люки на многих уже захлопнулись, отряды Стражников бегом направились к своим ракетам, в то время как другие в панике бросились в разные стороны.

Минута... минута десять секунд... двадцать... тридцать... сорок...

Чинг обвел взглядом Братьев, столпившихся вокруг него.

Все взоры были обращены на экран, и все губы беззвучно отсчитывали все те же секунды.

Две минуты десять секунд... двадцать... тридцать... сорок...

Поколебавшись какую-то долю секунды, Чинг еще раз взглянул на экран и нажал на вторую ручку.

Сигнал пошел прямо в сердце астероида, через тонны свинцовых экранов, и поступил в систему автоматического регулирования термоядерного реактора, который снабжал энергией генштаб Братства Убийц.

Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стержни начали выпадать, и замкнутая расщепляющаяся масса начала подниматься до критической точки, до той самой точки, когда титанической силы взрыв должен был превратить астероид со всем, что находилось снаружи и внутри - с Братскими, Стражниками, кораблями Гегемонии - в безмянные атомы.

Ядерный взрыв должен был уничтожить корабли Гегемонии и открыть путь к звездам.

Победа через самоубийство - Конечный Хаотичный Акт!

Роберт Чинг снова повернулся к звездам, к бесконечному пространству, которое ему еще показывал широкий экран, рядом с которым он парил.

Там, вдалеке, "Прометей" превращался в тонкую серебристую черточку.

Чинг закрыл глаза, и мечта превратилась в явь.

Он действительно находился в космосе, его бесплотное тело составляло одно целое со всей Вселенной - ничтожная песчинка среди миллионов и миллионов Солнц, выполнив на благо Хаоса свое предназначение.

Ведь он уже пережил неминуемое разрушение.

Весь астероид, корабли Гегемонии, субстанции его собственного тела были превращены термоядерным взрывом в первозданный Хаос, из которого они когда-то вышли.

А его ум, его мысли, его личность возвратилась к Случаю, Хаосу посредством деления атомов.

И в тот момент, когда его мечта становилась реальностью, Роберт Чинг наслаждался своей смертью, которая превратилась в победу, которая окончательно соединила и его душу, и тело с тем, что все всегда было смыслом его жизни.

Теперь Роберт Чинг составлял одно целое с Хаосом.

Борис Джонсон почувствовал, как ударная волна огромной силы потрясла "Прометей", как будто хотела выкинуть именно его из ячейки.

Он подумал, что корабль сейчас развалится, и, предполагая, что следующий удар станет последним, приготовился к смерти.

Однако, больше ничего не последовало.

Только что-то время от времени глухо ударяло в корпус корабля, как будто он пересекал метеоритное облако невиданной плотности.

Потом... больше ничего!

Они были целы и невредимы.

Взглянув на контрольный экран, он не увидел ничего, кроме звезд и тьмы.

- Что это было? - спросил он у Дунтова в изумлении.

- Я не знаю, - ответил командир экспедиции. - Если только...

Он нажал на какой-то переключатель, и экран заднего обзора осветился.

Джонсон с опасением взглянул на него, ожидая увидеть корабли Гегемонии, брошенные в погоню за ними.

Однако ничего подобного он не увидел.

На том месте, где раньше находился астероид, теперь медленно расходилась гигантская туча пыли и обломков, которая на таком расстоянии казалась безобидным пятнышком.

Вот откуда удары по корпусу.

Астероид и крейсера превратились в однородную пыль.

А также люди...

Теперь "Прометею" нечего было опасаться.

- Что может быть более хаотичным, чем победа посредством самоубийства? - прошептал Аркадий Дунтов.

- Что?

- Это цитата из Марковица по поводу того, что он называл "Конечным Хаотичным Актом". Победа через смерть.

- Ты хочешь сказать, что все это не случайно? - спросил Джонсон. - Чинг специально взорвал астероид?

- Я в этом уверен, - ответил Дунтов. - Они отдали свою жизнь, чтобы "Прометей" мог долететь до звезд.

Борис Джонсон ничего на это не сказал.

Он понимал и не понимал.

Такой человек, как Горов, с его холодным и логичным интеллектом, мог бы совершить нечто подобное: пожертвовать собой, чтобы обеспечить счастливое будущее человеческой расы.

Но в то же время у Джонсона было такое чувство, что дело не только в этом.

Он думал, что для Роберта Чинга это был не просто жест отчаяния, а нечто такое, что, может быть, никогда не дойдет до него, никогда не будет доступно его, Джонсона, пониманию.

Он вздрогнул.

Ведь Век Религий окончился много столетий назад.

Или же он окончился сегодня вместе с Робертом Чингом?

Или же он окончился неизвестно когда?

Через час, когда были произведены последние коррекции, а звездолет точно направлен по траектории, которая должна была вывести его в окрестности Синюса-61, Борис Джонсон спокойно любовался далекими звездами, которые вот-вот устремятся им навстречу неизмеримо быстрее, чем со скоростью света.

Что ожидало их в конце пути?

Далекie звезды, далекие полеты и всегда - отдаленные опасности.

Их ожидало бессмертие, бессмертие для Человека, но бессмертие, которое заключается в завоевании равнодушной вселенной.

Битва только начиналась.

И через миллион лет все будет так же.

Битва всегда будет начинаться.

Борис Джонсон, ничтожная песчинка, которую энтропия случайно пощадила, спокойно любовался миллионами звезд, которые ждали его, эти миниатюрные островки на поверхности небесного океана, бездонного и безбрежного.

Впервые в своей жизни он различил лицо Хаоса.

И ему показалось, что в мириадах этих немигающих глаз, во всех этих зас-
тывших звездах он узнает рассеянные атомы того, что некогда было лицом Роберта Чинга.